INSPIRIA

САРА ДЖИО

Из Лондона с любовью

INSPIRIA

INSPIRIA

САРА ДЖИО

Из Лондона с любовью

Сара Ажио

Из Лондона с любовью

В конце концов мы все превратимся в рассказы.

Маргарет Этвуд

Sarah Jio
With Love from London

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2022 by Sarah Jio
© Бараш О., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

* * *

Письмо автора

Независимо от того, читаете ли вы это в том же году, когда я пишу, в 2020-м, или спустя долгое время после публикации этих страниц, или даже после того, как меня уже не будет в живых (в этом прелесть книг – они живут долго), я должна рассказать кое-что, прежде чем вы откроете первую страницу. За годы писательства, а это моя одиннадцатая книга, я пришла к пониманию того, что книга для автора – все равно что ребенок для матери. У меня трое сыновей, которым в данный момент четырнадцать, двенадцать и десять лет. Когда они были младенцами, мне в голову не приходило оставить их с няней, не проинструктировав ее. «Он любит груши», – говорила я няне, или: «Ему становится немного грустно перед сном, поэтому, пожалуйста, почитайте ему сказку». Теперь для меня не менее странно держать эту книгу в руках, ни капельки не беспокоясь о ней.

В 1992 году я была неуклюжим четырнадцатилетним подростком: брекеты, мальчики, средняя школа, страдания из-за неудачной стрижки и, возможно, даже ужасной химической завивки. В том же году я превратилась из заядлой читательницы в страстную любительницу книг. Каким-то образом я открыла для себя замечательную ирландскую писательницу Мейв Бинчи и решила прочитать все ее книги, какие только отыщу. Пока я плыла по бурной реке юности, ее уютные истории были столь необходимой мне спасательной шлюпкой. Потом я поклялась, что если когда-нибудь напишу книгу и даже придумаю, как ее опубликовать, то попытаюсь создать для читателей их собственные уютные уголки.

Это я и старалась делать во всех своих книгах, включая «Из Лондона с любовью». На полпути к завершению романа произошло нечто совершенно неожиданное. Привычная жизнь перевернулась с ног на голову из-за пандемии Covid-19. Я боролась с болезнью больше месяца, школы, где учились мои мальчики, закрылись, и все странно, со скрежетом затормозилось. Но именно тогда незавершенный роман стал уютным маленьким мирком, в котором я так отчаянно нуждалась. В конце долгого писательского дня, когда нужно было выгуливать собак и кормить детей, я ловила себя на мысли, что хочу еще немного задержаться на этих утешительных страницах.

В моменты неуверенности я вспоминала лучшие времена и лучшие места, тот вечер в 2016 году, когда мой нынешний муж сделал мне предложение в самом очаровательном месте Ноттинг-Хилл (если вы так же обожаете фильм «Реальная любовь», как я, то точно знаете, о чем я говорю). Моими декорациями тоже был Лондон.

Некоторые места, упомянутые в книге, конечно, вымышлены, но многие из них я открыла во время двух исследовательских поездок. Однажды мне посчастливилось получить приглашение на ужин в легендарный Королевский автомобильный клуб, ставший местом действия двух эпизодов книги. Должна сказать, что КАК – именно такой шикарный и знаменитый, как вы себе представляете. Я бережно храню память о том вечере.

И теперь я вручаю свое дитя вам. Я заставляю себя отойти в сторону, хотя, вероятно, могла бы продолжать и продолжать. «Из Лондона с любовью» и его многочисленные персонажи теперь в вашем распоряжении. Надеюсь, что вы положите эту книгу в пляжную сумку или портфель, возможно, возьмете ее с собой в поездку (даже в Лондон!) или просто прочтете, не покидая домашнего уюта.

Где бы вы ни были и куда бы вас ни привела жизнь, я надеюсь, что чтение этой книги принесет вам такое же утешение, как и мне, когда я ее писала.

Из Сиэтла с любовью, Сара

Глава 1

Валентина
Лондон, Англия
1 ноября 2013 года

– Впереди нас ждут гораздо лучшие дела, чем те, что мы оставляем позади, – говорит женщина, сидящая рядом со мной в самолете, лет шестидесяти с небольшим, с выстриженной перьями челкой и резинкой для волос, так туго обхватывающей левое запястье, что бóльшую часть полета я опасаюсь, как бы не пришлось оказывать ей неотложную медицинскую помощь.

За годы всевозможных путешествий у меня собралась целая коллекция сомнительных соседей по самолету: девяностолетний дед, который дотронулся до моей ноги 3781 раз, после чего заснул, непрерывно пуская газы; младенец, плакса из плакс; дама, которая выпила слишком много маленьких бутылочек рома и отключилась у меня на плече, пуская слюни.

А в этом полете я, похоже, сподобилась заполучить соседку разновидности «сентиментальный оратор». К моменту, когда самолет оторвался от земли, болтунья, занимающая место 26B, уже успела процитировать Шекспира, Мэрилин Монро и, насколько помню, Мухаммеда Али.

Мой усталый пустой взгляд, очевидно, беспокоит ее, потому что уголки ее рта опускаются в разочарованной гримасе.

– Бедная девочка, – говорит она, качая головой. – Вы не знаете К. С. Льюиса. Какая жалость.

– Да, – говорю я, закрываю глаза и откидываю голову на спинку сиденья, пытаясь уснуть – или, по крайней мере, притвориться, что сплю. – Это весьма… *весьма печально*.

Да, печально. Меня только что обвинили в том, что я не опознала цитату одного из моих любимых авторов, но я слишком устала, чтобы защищаться. Что может быть печальнее? *Только сама цитата*.

«Впереди нас ждут гораздо лучшие дела, чем те, что мы оставляем позади»[1].

Я открываю глаза, только когда самолет начинает снижаться над Лондоном и толчок турбулентности толкает меня прямо на Сентиментального оратора. Чую, она вот-вот начнет скандировать цитаты из Ганди или, может быть, из матери Терезы.

Мои мысли сбиваются в кучу. *Что, если К. С. Льюис ошибался? Что, если впереди не будет ничего лучшего*? Что, если?..

Самолет снова дребезжит и проскальзывает под облаком, выпуская шасси. Мгновение спустя – грохот и глухой удар: мы приземляемся в Хитроу.

Я смотрю в иллюминатор. Итак, *это Лондон*.

Сентиментальный оратор, задохнувшись, нашаривает ингалятор, а я впервые смотрю на Англию, на ее кажущуюся беспросветной серость. Толстый слой тумана и темные облака смешиваются, как расплывшаяся акварель, – плюс серость моего настроения. Серое на сером на сером.

Я вздыхаю, снимаю с полки сумку и тупо иду вперед. Мне тридцать пять. Это должна быть тринадцатая глава моей жизни – а может быть, даже шестнадцатая. Но почему-то я чувствую себя так, словно меня катапультировали обратно, в самое начало, или, что еще хуже, заставили кропотливо переписывать все.

«Глава 1: Разведенная американка в Лондоне».

– Мисс, – говорит Сентиментальный оратор, касаясь моего плеча. – Кажется, вы забыли… *книжку*.

Она протягивает мне книгу, и я созерцаю обложку со смешанным чувством унижения и недоверия. «Как развестись, сохранив рассудок». Я прочитала всего две главы, по возможности тайком, но быстро потеряла интерес и сунула книжку в карман сиденья, чтобы ею насладился следующий пассажир. Подумайте, ну какой психотерапевт в здравом уме назвал бы главу: «Лучший способ забыть человека – подчиниться ему»?

– Бедняжка, – улыбаясь про себя, говорит Сентиментальный оратор.

Дайте орден этой образцовой гражданке!

– Вы переживаете *развод*?

Мне кажется или слово «развод» она произнесла несколькими децибелами громче? Две женщины слева от нас оглядываются, их лица лучатся жалостью. Ко мне.

Я киваю.

– Да – недавно.

На меня нацеливаются еще несколько пар глаз. С таким же успехом можно было прицепить на спину наклейку с надписью: «НЕДАВНО РАЗВЕЛАСЬ».

– Помните, дорогая, – заявляет моя трансатлантическая соседка, – чтобы забыть человека, требуется полгода на каждый год совместной жизни.

Я слышала это и раньше от других доброжелателей, но каждый раз чувствую смущение и, скажем так, легкий испуг. Мы с Ником были женаты двенадцать лет, – так что же, если расчеты верны, я должна страдать и ненавидеть себя… еще шесть лет? Кто выдумал эту дурацкую статистику и можем ли мы все дружно признать ее липовой с начала до конца?

Ведь это все неправда, верно?

Я делаю пару шагов вперед и вбок, чтобы избежать неизбежного. Не сомневаюсь, что Сентиментальный оратор сейчас спросит: «А разрешите поинтересоваться… что случилось?» И я окажусь загнанной в пятый угол, придется объяснять, что мой муж, адвокат, бросил меня ради двадцатитрехлетней помощницы юриста, с которой тайно встречался с прошлой весны. А я – да, я действительно верила, что все эти ночи он работал сверхурочно. Как ее зовут? Ах, конечно, это же Мисси, которая то и дело демонстрирует в Instagram[2] свои бесконечные ноги и накладные ресницы.

У меня тоже есть аккаунт @booksbyval[3]. Вместо того чтобы изливать на подписчиков вдохновение, почерпнутое из стопки романов на моей тумбочке, я отслеживала Мисси. Виновна по всем пунктам обвинения. Вы хотите узнать: она… хорошенькая? Умненькая? Да, то и другое, хотя не кажется ли вам, что некто с вечно розовыми, надутыми губками не имеет законного права на диплом с отличием?

Теперь они вместе. Мисси и Ники. *#Созданыдруглядруга*, как гласил один из ее недавних постов, где она небрежно намекала на новую любовь своей жизни – моего мужа, вернее, пока-еще-мужа.

Словно зомби, я иду в зону паспортного контроля, довольная тем, что рассталась с Оратором. Когда мой паспорт сканируют, компьютер начинает мигать красным и пищать. Мгновение спустя появляется

таможенник и сообщает, что я случайным образом выбрана для дальнейшего досмотра.

Конечно, я. Кто ж еще.

– Пройдемте со мной, мисс, – говорит он и ведет меня в соседнее помещение, где я вручаю ему паспорт. – Приехали в отпуск?

– Нет. – Я качаю головой.

– Значит, в командировку? – продолжает он, роясь в моем саквояже руками в перчатках.

– Нет, – говорю я, потирая лоб. – Не в командировку.

– С какой же целью, мисс?

Я с трудом сглатываю, избегая его пристального взгляда, который, кажется, пронизывает меня насквозь.

– У меня умерла мать, – наконец выпаливаю.

В его глазах появляется тень человечности – всего лишь проблеск, но все же появляется. Возможно, единственная хорошая сторона смерти в том, что она смягчает самые твердые грани.

– Сочувствую, – говорит он, возвращая мне паспорт, и на секунду замолкает. – Все чисто. Добро пожаловать в Англию.

Я киваю. Он выводит меня через отдельный вход; я иду по указателям получать багаж, забираю с карусели два больших чемодана и наконец выхожу на улицу ловить такси. Я машу рукой скучающему водителю, который курит, прислонясь к машине.

– Куда едем? – спрашивает он, загружая чемоданы в багажник.

– Примроуз-Хилл, – отвечаю я.

Он кивает.

– Возвращаетесь домой?

Теперь, когда развод почти завершен и дом в Сиэтле продан, моим пристанищем будет Примроуз-Хилл. Но сейчас он так же далек от меня, как мать.

Я пожимаю плечами.

– Вроде того.

Машина трогается, дождевые капли буквально залепляют лобовое стекло. Я закрываю глаза и тут же вижу лицо мамы, улыбающейся мне в зеркале заднего вида. Она напевает старую песню Стиви Никса «Сара» и переключает машину на четвертую передачу. Мне двенадцать лет. Через две недели она… уйдет.

Я протираю запотевшее окно рукавом куртки, вспоминая, как мне было трудно после ее ухода. Папа делал все возможное, но так и не смог заменить мне ее. И никто не смог.

Боль заглушали книги. В их вымышленном мире я пускалась в грандиозные приключения бок о бок с сотнями персонажей, чья жизнь была такой же сложной, как моя.

В колледже я получила степень магистра библиотечного дела. Особенно меня привлекали редкие антикварные книги. Можете назвать меня неисправимым ботаником, но мне нравилось проводить дни за столом местной библиотеки, вдыхая непревзойденный аромат книг. Мой честолюбивый муж окончил юридический факультет и намеревался карабкаться вверх по карьерной лестнице. Мне же было интересно взбираться только на одну лестницу – на стремянку в отделе старинных книг.

Библиотека – это особый мир с собственным неповторимым ритмом: стук твердых переплетов, когда книги складывают в стопки и расставляют по полкам; щелчки печати, проставляемой в читательских формулярах; матери, утихомиривающие детей; читатели, которые на цыпочках ходят от стеллажа к стеллажу, обнаруживают нежданные сокровища и теряют счет времени.

Как бы то ни было, узнав о романе Ника, я нашла убежище в библиотеке – в моем любимом маленьком филиале в районе Фримонт в Сиэтле, – где я могла раствориться. Я неслась в отдел художественной литературы, садилась на потертый стул в дальнем углу и плакала, плакала и плакала. Когда слезы кончались, я читала.

В наш последний совместный вечер я приготовила курицу с пармезаном, и Ник сказал мне, что это было лучшее, что он когда-либо пробовал. Потом мы посмотрели сериал «Безумцы», и он поцеловал меня на ночь. На следующее утро я открыла глаза, увидела, что в кровати рядом со мной пусто, и предположила, что муж рано ушел на работу, – такое случалось часто. Но потом я нашла на прикроватной тумбочке написанную от руки записку, в которой не было сказано ничего – и было все.

Вэл,
Прости. Буду всегда.
Ник

Сердце у меня упало, потому что я уже знала. Возможно, знала уже давно. Но вот оно, его почерк, строгие черные чернила. Мне всегда нравился изгиб его буквы «с» – с маленькой закорючкой внизу, – но теперь эти буквы казались мне чужими, даже жестокими, словно они стали его каллиграфическими сообщниками в этом печальном повороте событий. Я успокаивала себя, позволяя словам мариноваться в моем сознании, пока реальность наконец не дошла до меня полностью. Ник ушел.

Несколько минут спустя зазвонил телефон, и я осторожно сняла трубку.

– Алло, здравствуйте. – Мужской голос с британским акцентом. – Я ищу миссис Валентину Бейкер.

– Я слушаю. – Холодный сквозняк просочился через окно спальни, и я потерла глаза. – Что случилось?

– Это касается вашей матери, Элоизы Бейкер.

Я села в постели, вытаращив глаза. Я не слышала *ее* имени уже… давным-давно и более двадцати лет ее не видела.

– Простите, как, вы сказали, вас зовут?

– Джеймс Уитейкер. Я работаю в лондонской фирме «Бевинс и партнеры». Мы занимаемся планированием недвижимости; ваша мать была одной из наших клиенток.

«Ваша мать».

Моя мать.

Как будто этот незнакомец в телефоне достал ключ от хранилища пыльных старых воспоминаний. Я крепко зажмурилась, но они, как назойливые призраки, требовали внимания. И вот она, мама, в то последнее утро. Она стояла у подножия лестницы, протягивая ко мне руки. Я рассматривала ее красивое лицо с точеными чертами и завораживающими кристально-голубыми глазами. На ней было длинное, струящееся бледно-голубое платье с оборками по подолу.

Человек в трубке прокашлялся, и изображение растворилось, как лопнувший пузырь.

– Очень жаль, но у меня печальная новость, – продолжал голос. – Ваша мать… она… скончалась в прошлый вторник после продолжительной болезни. Рак яичников. Однако мне сказали, что ее кончина была мирной и безболезненной.

Я с трудом сглотнула. Мои руки и ноги онемели – как будто к моему отчаявшемуся телу приделали чужие конечности. Сердце билось так громко, что это был единственный звук, который я слышала. *Как она посмела умереть?* Это казалось таким… эгоизмом с ее стороны. Как будто ее последний вздох был тщательно продуманным последним ударом – по мне. Хотя, по правде говоря, я уже давно не верила, что мы еще встретимся, где-то в глубине души теплилась смутная надежда. А вдруг когда-нибудь… Так бывает в книгах, когда давняя боль чудесным образом исцеляется на последних страницах: обиды стираются носовым платком, душевные раны сшиваются иголкой и ниткой. В моей истории тоже должен был наступить такой конец. Но нет, моя кончается плохо: сначала письмо Ника, а теперь это. Как-то я читала книгу о женщине, в которую трижды за один год ударила молния. Словно специально охотилась за ней.

Нет, нет, нет. Я сморгнула слезы. Может быть, это сон? Кошмар?

Чем дольше говорил Уитейкер, тем меньше мне верилось, что все это происходит наяву. Я слушала, но его слова казались искаженными и потусторонними.

– Ваша мать назначила вас единственной наследницей своего имущества. Оно включает недвижимость в Примроуз-Хилл – это прекрасный район Лондона, хранит все традиции. Здание старое, но достаточно удобное. В нем две квартиры, на втором и третьем этажах. На первом этаже книжный магазин.

Я тряхнула головой: до меня наконец стало что-то доходить.

– Книжный магазин?!

Глава 2

Элоиза
Лондон, Англия
11 января 1968 года

– Выглядишь потрясающе, Эл, – заверила меня лучшая подруга Милли. – Вопрос в том, достаточно ли он хорош для тебя? – Она обняла меня за талию и положила голову мне на плечо. Мы обе смотрели в зеркало в прихожей квартиры, где жили вместе.

– Может быть, лучше надеть синее платье? Все-таки красное – это как-то… чересчур. А теперь давай честно: твой священный долг как подруги сказать мне, не выгляжу ли я как шлюха.

Я повернулась боком, мимолетно порадовавшись, что сегодня пропустила чаепитие. Одна булочка с вареньем – и молния бы лопнула. Я едва могла дышать, но мне было все равно.

Я улыбнулась нашему отражению – зеркало показывало нас в обоих вариантах: девчонки, которые познакомились в девятилетнем возрасте, и взрослые женщины, знающие, что к чему в этой жизни. С самого начала мы были комичной парой – я, эльф со светлыми волосами и бледной кожей, и Милли, самая высокая девочка в начальной школе, возвышающаяся надо мной, с темными косами и вечной прямой челкой, закрывающей лоб.

Милли мало интересовалась мальчиками, а позже мужчинами. Иное дело я. Моя коллекция школьных увлечений и девических романов была обширна, но впечатляющие экземпляры в ней отсутствовали. Однако мечта о сказочной любви прочно укоренилась в моем сердце. Подобно героиням любимых книг, я жаждала пережить собственную версию настоящей любви, пусть даже Милли думала, что все это чушь собачья.

Но Роджер Уильямс – *досточтимый* Роджер Уильямс – нет, это была не чушь. Когда закончилась моя смена, он проводил меня на улицу и тут же пригласил поужинать с ним в Королевском автомобильном клубе. Я чуть не упала в обморок прямо там, где стояла, на углу Бромптона.

Да, он вращался в высших кругах, и пусть я в них не вхожа, на дворе 1968 год, а не 1928-й. И девушка из Ист-Энда может пойти на ужин с любым мужчиной, с каким захочет, включая представителя лондонского высшего общества.

Милли аккуратно срезала бирку, болтавшуюся сбоку на моем платье. Это была безумная трата, сильно сократившая наш недельный бюджет, но необходимая для свидания с одним из самых сногсшибательных и завидных холостяков Лондона. Отец Роджера, сэр Ричард Уильямс, был орденоносным военачальником, одним из самых доверенных лиц Черчилля во время войны, а его мать нередко гостила в Букингемском дворце.

– Как вы все-таки познакомились? – спросила Милли, словно того, что я ей уже рассказывала, было мало, и она искала в моей истории нестыковки.

– Говорю же тебе – в «Хэрродсе». Забыла? Он пришел купить подарок матери на день рождения.

– Или подружке, – хихикнула Милли.

Я вздохнула.

– Ради бога, Милл. Неужели ты не можешь просто порадоваться за меня?

Она пожала плечами.

– Ну, и что же он ей купил?

– Шарф, – улыбнулась я. – От Hermès.

Милли это не впечатлило.

– Ты его обслужила, и он тут же… пригласил тебя на свидание? Эл, дорогая, я не сомневаюсь, что у Роджера Уильямса в мизинце больше обаяния, чем у большинства мужчин, вместе взятых, но давай все же не будем забывать, что он один из самых известных волокит в Лондоне.

– Не будь ханжой, – сказала я.

– Я просто… не хочу, чтобы ты страдала, вот и все.

– И не подумаю, Милл, – пообещала я. – Я сегодня иду с ним на свидание и намерена провести время наилучшим образом.

Похоже, я ее не убедила.

– Но что подумает… Фрэнк?

Я закатила глаза.

– Фрэнк? Тебя что, правда волнует Фрэнк?

– Ну, он ведь влюблен в тебя, разве нет?

– Ничего он не влюблен, – возразила я. – И вообще, то, что он несколько раз сводил меня поужинать, не означает, что я – его *собственность*.

Я еще немного полюбовалась собой в зеркале. Хотя я в корне отбросила опасения Милли, они имели смысл. Фрэнк, американский бизнесмен, с которым я познакомилась в прошлом месяце в бистро на Примроуз-Хилл, не походил на моих обычных поклонников. Серьезный, волосы немного растрепаны. После того, как он столкнулся со мной у стойки и пролил мой чай, он настоял на том, чтобы угостить меня обедом, и я почему-то согласилась. Не помню, чтобы когда-нибудь так хохотала, как в тот день. Костюм сидел на нем мешковато, и я сразу это отметила, но было в нем что-то искреннее. Когда он пригласил меня на ужин в следующие выходные, а потом еще раз, я согласилась. Я наслаждалась его обществом, хотя мое сердце в его присутствии не начинало биться быстрее.

Милли одобрила его сразу. «Наконец-то ты встречаешься с приличным джентльменом», – шепнула она мне, когда я села в его машину перед нашим вторым совместным ужином. Возможно, она была права, но я еще не решила, как поступить на романтическом фронте. Фрэнк Бейкер в моей колоде оставался джокером.

Из квартиры наверху донесся громкий стук. Крики, затем плач ребенка. Мы с Милли обменялись понимающими взглядами. В этом неблагополучном районе Лондона матери были перегружены работой и измучены, а отцы часто прикладывались к бутылке.

У Милли были свои воспоминания, у меня – свои.

Мой отец, напившись, превращался в чудовище. Однажды вечером – мне тогда было лет десять – он ударил мать по лицу так сильно, что пошла кровь. В ту ночь она присела на край моей кровати, прижимая полотенце к разбитой губе, и, поцеловав меня на ночь, произнесла молитву: «Милый Отче Небесный, подари моей любимой Элоизе самые прекрасные сны, и пусть она вырастет, выйдет замуж за принца и будет жить долго и счастливо».

– Если уж ты вбила что-то себе в голову, Эл, тебя не остановить, – сказала Милли, стряхивая пушинку с моего платья. – Но обещай, что сегодня вечером будешь осторожна, и не отмахивайся от Фрэнка. Он…

– Он в меня влюблен, да, – сказала я саркастически.

Ну и что с того? Я же не обязана влюбиться в него в ответ. Ни в него, ни в любого. И буду твердо держаться этого правила, пока не *узнаю точно*. И, конечно, если что, я бы знала точно! Как во всех моих любимых романах, это была бы интуиция, инстинкт. Я бы сразу все поняла. А пока этот миг не настал, почему бы немного не повеселиться? Я ценила заботу Милли, но что она понимает в любовных делах?

Я сделала последний глубокий вдох и расправила плечи.

– Милая моя подруга, – продолжила я и просияла, услышав звук клаксона под окном. – Не беспокойся обо мне! – Я поцеловала Милли в щеку, прогоняя сомнение в ее глазах. – Люблю тебя. Все будет хорошо!

Я выглянула в окно и увидела машину Роджера, ожидающую на улице. Мое сердце забилось быстрее.

Блестящий черный «роллс-ройс». На прошлой неделе, когда он спросил у меня адрес, чтобы за мной заехала машина, я придумала историю, будто занимаюсь в Ист-Энде «благотворительной работой». «Не иначе как ты святая, – сухо заметил он. – Меня в этот район и на аркане не затащишь». Я понимающе улыбнулась, пытаясь подавить сожаление, которое сжало мне сердце. Я сказала себе, что это всего лишь невинная выдумка – вынужденная ложь, чтобы получить доступ к лучшей жизни, о которой всегда мечтала. И могла бы сыграть роль не хуже какой-нибудь книжной героини.

Милли встала в дверях, скрестив руки на груди, а я выглянула в окно и помахал шоферу, стоявшему рядом с шикарной машиной.

– Сейчас спущусь, – крикнула я: слова слетели с моих губ, как будто я уже произносила их тысячу раз.

Шофер, седой и серьезный, посмотрел на меня с любопытством и помог забраться в машину, которая оказалась… пустой.

Я в замешательстве покачала головой.

– А где же…

– Мистер Уильямс… задерживается, – коротко ответил шофер. – Он дал мне указание отвезти вас в клуб. Он встретит вас там.

Я кивнула. В конце концов, Роджер – занятой человек, важная персона. Если я хочу вступить в его мир, я должна это понимать. И… о да, клуб. Мне понравилось, как это прозвучало: словно я уже сама

состою в клубе. Еще больше мне понравилось, что личный автомобиль увозит меня из моего жалкого района – в лучший.

Привратник Королевского автомобильного клуба помог мне выйти из машины.

– Добрый вечер, мисс, – произнес он, балансируя зонтиком над моей головой так, будто считал своим священным долгом не дать упасть на мое платье ни одной капле дождя. На миг мне показалось, что сейчас он бросит на землю свой форменный пиджак, чтобы изящная ножка дамы не ступила в лужу. – Вы сегодня ужинаете у нас? – В его веселом голосе явственно прозвучало ист-эндское произношение, от которого я с таким трудом старалась избавиться.

Прежде чем я успела ответить, шофер махнул рукой с переднего сиденья, и я невольно спросила себя, сколько раз они обменивались теми же репликами по поводу других девушек Роджера.

– У нее встреча с мистером Уильямсом.

Швейцар понимающе кивнул, и его ухмылка моментально увяла.

– Да… конечно, сэр.

Когда я вошла, гардеробщик забрал мое пальто, а я тем временем разглядывала изысканную люстру, украшенную сотнями кристаллов. И как такую тяжелую штуку удалось прочно закрепить? Я быстро отвела взгляд, не желая выглядеть ошарашенным подростком, тупо глазеющим на все это великолепие.

– Сюда, мисс, – сказал мужчина в белом смокинге, ведя меня вверх по лестнице в обеденный зал с позолоченными светильниками, изысканной мебелью и изящными фресками на потолке. Публика там сидела расфуфыренная – мужчины в пиджаках или фраках, женщины в длинных белых перчатках и мехах, накинутых на плечи. Свою единственную пару испачканных перчаток я оставила дома и страшно жалела, что на мне нет мехов, чтобы спрятать голые руки, когда на меня уставился весь зал. Интересно, они поняли, что я здесь в первый раз? Чуют ли они новичка нюхом?

– Ваш столик, – сказал мой сопровождающий, выдвигая мне стул. Это был не простой столик, а явно самый лучший, расположенный на возвышении, откуда открывался вид на весь зал. И теперь я сидела за ним одна.

– Принести вам что-нибудь до прихода мистера Уильямса? – спросил официант. – Может быть, чай или шампанское?

– Да, – сказала я, глядя на шикарную даму с бокалом шампанского в руке, сидящую за дальним столиком. – Шампанское, пожалуйста.

Вообще-то я не пью, но сейчас мне отчаянно требовалось хоть что-нибудь – что угодно, – чтобы успокоить нервы. И несколько мгновений спустя, как по волшебству, официант в белых перчатках поставил передо мной бокал с шипучим эликсиром и, как мне показалось, испарился в воздухе.

Остро осознавая, что все на меня пялятся, я теребила крахмальную салфетку с золотой вышивкой и изучала полированные столовые приборы: какое блюдо какой вилкой едят? Как правильно: слева направо или справа налево? За соседним столиком раздался смех, и сердце у меня забилось быстрее. Женщина в платье гораздо красивее моего и, естественно, в перчатках, сочувственно улыбнулась, глядя в мою сторону. *Она что, сочувствует мне? Неужели им всем меня жаль?*

Я в три глотка покончила с шампанским, и официант принес мне еще бокал, а потом еще. Я смотрела на огромные золотые часы на дальней стене: двадцать минут прошло… сорок пять… С каждой минутой мое сердце падало все ниже. Где Роджер? Я уже потеряла счет – и времени, и выпитым бокалам шампанского.

Но вот заиграл джаз, и я почувствовала себя легко, будто в полете. Про себя я придумывала истории о том, почему Роджер опаздывает. У него заболела мать, и он поехал проведать ее. Важная деловая встреча затянулась допоздна. Он остановился, чтобы помочь застрявшему автомобилисту. Когда-нибудь, говорила я себе, мы с нежностью поведаем родным и друзьям печальную историю нашего первого свидания, со смехом будем вспоминать опоздание Роджера и как он целый месяц пытался со мной помириться.

Моя вымышленная версия казалась очень милой и полностью его оправдывала. Иное дело – его реальное появление несколько мгновений спустя. Когда он вошел, по залу пронесся шепот. На каждой руке у него висело по девице.

– Извините, – сказал Роджер, не обратив на меня внимания, и повернулся к ближайшему официанту. Он стоял достаточно близко для того, чтобы я унюхала запах спиртного. – Почему мой столик занят?

Я нервно кашлянула. Что за дела? Разве он не пригласил меня сегодня вечером на свидание?

– Роджер, это я, Элоиза, – кротко сказала я, надеясь, что это какая-то ошибка, которую он легко объяснит. – Ты что, забыл?

– Кто это? – спросила дамочка по его левую руку, окидывая меня долгим и недовольным взглядом.

– Кузина из деревни? – хихикнула вторая.

Мои щеки горели.

– Я Элоиза Уилкинс, – сказала я. – Он меня пригласил. – Мое смущение наконец переросло в ярость. – Роджер, – продолжала я, выпрямившись на стуле. – Ты разве не помнишь, что сам прислал за мной машину?

Он ловко высвободился из двух пар рук, вцепившихся в его локти. Обе дамы смотрели обиженно.

– Нет, как же, конечно, – начал он. – Элоиза. Тебе придется простить меня. Я встретил… старых знакомых.

Я встала и потянулась за сумочкой, уронив салфетку на пол. Милли была права, зря я ее не послушала.

– Не смею тебя задерживать, – сказала я. – Вам наверняка предстоит многое наверстать.

Все смотрели на нас. А почему бы и нет? Цирковое представление, на ринге три девицы – такого по телевизору не покажут, а тут все происходит вживую, прямо у них на глазах. Роджер Уильямс во всей красе. Жемчужина для разделов светских сплетен. О, он даже подцепил убогую из Ист-Энда! (Всем смеяться.)

Тут меня и осенило: бежать как можно быстрее и дальше! Я стрельнула глазами вправо, потом влево, и наконец увидела дверь. Мне была невыносима мысль о том, чтобы проделать позорный путь через огромный зал к главному входу, поэтому я выбрала ближайшую стеклянную дверь, которая, как мне показалось, вела на соседний балкон. Если повезет, то там будет лестница.

Я рванулась прямиком к выходу, но каблук моей левой туфли зацепился за ковер, и я врезалась прямо в официанта, который нес поднос с позолоченными блюдами, накрытыми полированными серебряными куполами. Стейки вместе с гарнирами взлетели в воздух.

С веточкой брокколи в волосах и беарнским соусом на рукаве я ворвалась на балкон через двойную дверь. К моему великому разочарованию, там не было ни лестницы, ни выхода. Я попала в ловушку.

Почувствовав кожей холодный воздух, я задрожала, прислонилась к перилам, обхватила себя руками и посмотрела в ночное небо. Глупо было думать, что я смогу вписаться в этот мир.

Я опустилась на пол, натянув платье на колени, чтобы согреться, – леди так себя не ведут, но мне было все равно. Но через несколько минут балконная дверь со скрипом открылась, и я вскочила. У меня появилась компания. Сигарный дым окутывал чье-то лицо и цилиндр.

– Дорогая, что, черт возьми, вы здесь делаете? Тут же собачий холод! – воскликнул человек; дымовая завеса рассеялась, и я увидела его высокую фигуру и полное достоинства лицо. Он был старше меня лет на десять или больше. – Где ваше пальто? Вы замерзнете насмерть.

Я кивнула, пытаясь успокоиться.

– Я… просто хотела подышать свежим воздухом.

Мужчина с любопытством посмотрел на меня, и его губы медленно сложились в улыбку.

– Или, может быть, вы от кого-то прячетесь?

Я вздохнула, разглядывая вымазанный соусом рукав.

– Вы же видели, что… там произошло. – Я отвернулась от его пристального взгляда. – Пожалуйста, сэр, просто оставьте меня в покое. Для одного вечера мне уже достаточно.

– Не представляю, о чем вы, но если вы немедленно не зайдете внутрь, то умрете от переохлаждения. – Я вздрогнула, и тут он вдруг снял смокинг и накинул мне на плечи изысканно скроенную одежку, еще теплую от его тела.

– Спасибо, – сказала я, поправляя воротник так, чтобы он закрыл мне шею. От него пахло сосной и еще чем-то, знакомым, но неуловимым.

– Вы и вправду не видели, какой я учинила… разгром?

Он покачал головой, и в выражении его лица проглядывало что-то обезоруживающее, так что я вдруг начала рассказывать о череде катастроф, которые привели меня на балкон. Я со вздохом указала на свой рукав.

– И, точности ради, это беарнский соус.

Он рассмеялся, но без издевки.

– Вам очень идет.

– Нынче это модно, – ответила я, ободренная его добрым взглядом.

Он с интересом склонил голову вправо, как будто пытаясь понять, что я за птица.

– Кажется, я раньше не видел вас здесь. Иначе не забыл бы, смею вас заверить. – У него был низкий голос, и говорил он с обезоруживающей уверенностью. – Постойте-ка, – он как будто что-то вспомнил. – Вы были здесь в прошлые выходные на той дурацкой вечеринке, которую устраивал старый виконт?

– Да, – быстро сказала я. Ложь слетела с моих губ с такой скоростью, что я сама поразилась собственной наглости.

– Эта речь, которую он произнес! – сказал он. – Длиннее некуда!

– И скучнее! – добавила я, все глубже увязая во вранье.

Он улыбнулся.

– Почему мы до сих пор не знакомы? Вы… не такая, как большинство здешних дам.

Мои щеки вспыхнули.

– Я говорю это как комплимент, мисс…

– Уилкинс. Элоиза Уилкинс.

– Мисс Элоиза Уилкинс, – повторил он, снова затянувшись забытой было сигарой и бросив взгляд через окно в зал. – Эти дамы… Ну, как бы это поделикатнее выразиться? – Помолчав, он кивнул. – Они совсем… не запоминаются, – все одинаковые, до кончиков перчаток.

Я поначалу решила, что это завуалированный выпад на предмет моих рук без перчаток, но мысль исчезла, когда он потянулся к моей руке и церемонно поцеловал мое обнаженное запястье.

– Как поживаете?

– Ну, должна признаться у меня бывали вечера и получше… – Я отняла ладонь и спрятала руки обратно в тепло его пиджака.

– Скажите мне, – продолжал он, улыбаясь, – ваши родители давно члены этого клуба?

Я неопределенно кивнула.

– Мой отец был… очень скрытным человеком. Он… хранил свое имя и деловые интересы подальше от глаз общественности. После его смерти… все перешло в… доверительное управление в пользу нас с матерью.

– Похоже, толковый был человек, – сказал он, – и достойный восхищения.

Если бы он только знал, как это далеко от истины.

– Только поглядеть на нас: стоим на холоде возле самого душного клуба в Лондоне, где нам потребовалась целая жизнь, чтобы встретиться.

– И что привело вас сюда сегодня? – спросила я, пытаясь отвлечь его от моего прошлого.

Он с любопытством улыбнулся мне, потирая точеный подбородок.

– Вижу, теперь ваша очередь наводить справки?

– Может быть, – сказала я в том же тоне.

Он пожал плечами.

– Все очень просто. Мой отец сделал себе имя в автомобильном бизнесе, и членство в клубе было необходимостью. Он вздохнул – А ответ на вопрос, почему я здесь, еще проще: я хороший сын.

– То есть?

– Видите ли, мисс Уилкинс, если вы старший сын и вам только что исполнилось тридцать четыре, как мне, а женитьба даже не маячит на горизонте, родные, естественно, начинают как одержимые подыскивать вам невесту. – Он затянулся сигарой. – Сегодняшний вечер – последняя и худшая попытка моей сестры.

Я улыбнулась.

– Значит, насколько я понимаю, стадия необратимости не наступила?

Он подошел ближе к окну, жестом приглашая меня следовать за ним.

– Видите женщину за столом в центре зала – розовое платье, перья на шляпе?

Я посмотрела на стильно одетую женщину с широкими скулами и сияющей кожей.

– Красавица, – сказала я, поворачиваясь к нему. – В чем же проблема?

Он оглянулся на зал.

– Я бы предпочел навсегда остаться холостым, чем иметь скучную спутницу жизни.

По его лицу пробежала тень сожаления, а может быть, тоски.

– Хотя здесь и душно, это превосходное место, ведь правда? – Он наклонился ближе. – Не далее как в прошлом месяце вон за тем столиком сидела принцесса Маргарет. – Он указал в окно. – Возможно, вы видели ее.

Я кивнула. Спасибо, что он не стал выпытывать у меня подробности.

– Когда мы переехали в Лондон из деревни, мне было восемь, – продолжал он. – Нашу семью пригласили сюда на приветственный обед. Мама настаивала, чтобы я надел костюм, и я закатил поистине королевский скандал. Что касается сегодняшнего вечера, сестра узнала, что я встречаюсь здесь с группой американских бизнесменов, и обманом заставила меня остаться на ужин. – Он улыбнулся, и я тут же подумала о Фрэнке. – Американцы… они все говорят, как…

– Ковбои, – закончили мы хором и рассмеялись.

На долгое мгновение наши взгляды встретились, и я подавила очередной приступ дрожи. Он затушил остаток тлеющей сигары о выступ балкона.

– Не хотите сигарету? – спросил он, вытаскивая пачку из кармана рубашки.

У меня никогда не было привычки курить, но я почему-то кивнула, и секунду спустя мы оба пускали клубы дыма и смотрели, как они сталкиваются в холодном воздухе.

– А как же ваша дама? – спросила я, ощущая тень сочувствия к женщине за столиком.

Он пожал плечами.

– С ней все в порядке. Она весь вечер строит глазки бармену.

– Ну, и как будем отсюда выбираться? – спросила я, глядя на него снизу вверх. – Похоже, с этого балкона нет выхода. Кажется, мы…

– Застряли, – хором заключили мы. Я быстро отвела глаза от его пристального взгляда.

– Похоже на то. – Он снова зажал во рту сигарету. – Январь – пора суровая.

Я кивнула.

– Моя мама всегда зимой хандрила, но каждый день ждала предвестия весны, когда первые зеленые побеги пробиваются сквозь землю. Она всегда говорила: «Подожди, скоро пойдут нарциссы». – Я улыбнулась. – Мне нравились эти ее слова. До сих пор нравятся. – Я понятия не имела, почему рассказываю ему такие вещи; это казалось естественным, словно я беседовала со старым другом.

– Это прекрасно, – сказал он.

– Да, все в ней было прекрасно. – Наши взгляды снова встретились. – Она умерла несколько лет назад.

– Мне жаль, – сказал он, слегка коснувшись моего плеча. Я почувствовала, как тепло его руки потекло вниз, до самых кончиков пальцев.

– Теперь она обрела покой. – Я замолчала, тщетно оглядывая заснеженный сад под окном в поисках хоть каких-то признаков нарциссов. – Январь – не просто самый холодный месяц в году. С ним приходит чувство, как будто весь мир катится под откос, потому что Рождество наступит…

Мы закончили фразу хором:

– Только через год.

Он смотрел мне в глаза с задумчивой улыбкой.

– Знаете, если мы так и будем заканчивать фразы друг за друга, мне, возможно, придется… – Он осекся и переключился на ночное небо. – Посмотрите на звезды, они изо всех сил стараются, чтобы их было видно сквозь все эти городские огни. Словно битва между двумя противниками: вечность против современности.

Я улыбнулась ему: мне стало любопытно.

– Вечность победит?

– Вечность всегда побеждает, – продолжал он. – И это очень утешает, правда?

Я не была до конца уверена, что поняла его правильно, но мне понравились его слова.

Он указал рукой на Лондон внизу; я слушала как зачарованная.

– Все это построил, изобрел, создал человек. Но, как бы это ни было замечательно, звезды появились здесь раньше. – Он сделал глубокий вдох. – Они мудрее.

Я изумленно уставилась на него, словно он высказывал мысли, которые всегда жили во мне, хотя у меня не находилось для них слов.

– Природа, Бог, называйте как хотите – это больше, чем мы. Больше и могущественнее всего, что мы можем сделать или о чем можем мечтать.

Я кивнула.

– Значит, по-вашему, все, что случается, случается не потому, что мы так захотели, а потому, что это было частью плана?

– Да, или по-настоящему хорошего романа.

Я почувствовала его пристальный взгляд на своей щеке, но продолжала смотреть в ночное небо.

– И вы верите, что все это должно было случиться? Все, что происходило в зале, и то, что мы вот так встретились?

Он кивнул.

– Верю.

– А что дальше?

– Ну, – ответил он, не сводя с меня глаз. – Кто знает. Может быть, я в конце концов стану вашим лучшим другом или даже… любовью всей жизни.

– Что за самонадеянность, – поддразнила я, отмечая при этом, что в моем сердце, безусловно, что-то сдвинулось.

– Кто знает, – повторил он. – А может быть, мы никогда больше не увидимся, и это станет приятным воспоминанием.

– Соус на моем рукаве и все прочее, – добавила я со смехом.

Он широко улыбнулся.

– Мне нравятся женщины, умеющие смеяться над собой. Это редкая черта.

– Да неужели?

Он кивнул.

– Мы, англичане, слишком серьезны. Вот почему я решился сделать татуировку. Но если вы когда-нибудь познакомитесь с моей матерью, то должны все отрицать.

– Татуировку?

Помолчав, он расстегнул две верхние пуговицы рубашки, так что открылось мощное плечо, на котором виднелись очертания… скрипки.

Я удивленно покачала головой.

– Вы играете на скрипке?

– Никогда даже не брал в руки смычок, но мне всегда хотелось, чтобы у меня в ушах звучала музыка. – Он улыбнулся. – Понимаете?

Я кивнула. *Я буду музыкой для твоих ушей*. Хотя он не мог слышать моих мыслей, щеки у меня горели, несмотря на холодный воздух, обжигавший кожу. Поднялся ветер, и я поплотнее запахнула на себе его пиджак.

Он это заметил и воспринял мое смятение как сигнал, чтобы сменить тему.

– Итак, как долго вы намерены здесь прятаться? Неделю? Месяц?

Я улыбнулась.

– Столько, сколько потребуется.

– Если вы ждете, что территория очистится, то зря. Вы ведь наверняка знаете, что многие снимают здесь апартаменты и засиживаются допоздна за выпивкой и картами. – Заметив мое разочарование, он окинул взглядом сад под балконом. – К счастью, у меня есть план. Не знаю, почему не подумал об этом раньше.

Он подвел меня к левой стороне перил, и я вытаращила глаза.

– Видите? – воскликнул он. – Приставная лестница. На этой неделе в здании будут ремонтировать крышу. Вам только и нужно спуститься вниз, а потом выскользнуть через черный ход. Вуаля.

– Вуаля, за исключением того, что я до смерти боюсь приставных лестниц. А если я поскользнусь?

– Дорогая моя, что хуже? Лестница или эти волки в зале?

Я прикинула свои возможности и решительно кивнула.

– Выбираю лестницу.

– Отлично, – сказал он с улыбкой. – Я пойду первым и подстрахую вас снизу.

Я наблюдала, как он перекинул свое сильное тело через перила и начал спускаться, напрягая мышцы под свежевыглаженной рубашкой.

– Давайте, – позвал он снизу. – Ваша очередь.

Мое сердце учащенно забилось, но я последовала его примеру и перебросила свое тело через перила – в точности как он, но с гораздо меньшей ловкостью. Я поставила ногу на первую ступеньку, лодыжка немного дрожала, но мне удалось удержаться.

– Отлично справляетесь, – похвалил он. – Теперь вниз, медленно и уверенно.

Внезапно меня поразила нелепость момента – грандиозный побег с катастрофического свидания, – я начала смеяться, тут же потеряла равновесие и поскользнулась.

– Я вас держу, – сказал он, когда я упала спиной вниз и приземлилась в его объятия.

Запыхавшаяся и смущенная, я посмотрела на его доброе лицо и в его теплые, мудрые карие глаза.

– Я… я же говорила, что не дружу с лестницами.

Он взглянул на балкон.

– Зато вы, может быть, только что научились летать.

Он поставил меня на ноги, и я ухмыльнулась.

– Побег удался.

– Да уж, – сказала я, разглаживая платье. Спасибо… – Я помолчала. – А я, кажется, так и не знаю, как вас зовут.

– Эдвард, – представился он, протянув мне руку. – Эдвард Синклер.

– Что ж, – ответила я, выскальзывая из его пиджака. – Было… приятно познакомиться с вами, мистер Синклер. Я… пожалуй, пойду.

Он покачал головой и снова накинул пиджак мне на плечи.

– Мы не закончили разговор, – сказал он. – Разговор, который, я надеюсь, будет продолжаться. Если вы сейчас уйдете, как я вас снова найду?

Я слушала, с трудом веря своим ушам.

– Давайте встретимся здесь завтра вечером. В семь. Я знаю тихое местечко с божественными напитками, и подозрительные личности там не шныряют.

– Хорошо, – улыбаясь, сказала я.

Вместе мы прошли к черному ходу на подвальном этаже и поднялись по тускло освещенной лестнице в коридор, который вел в вестибюль.

– Ну все, – сказал он. – Мне, наверное, пора.

Я улыбнулась.

– Ничего, я доберусь до дома сама.

– До завтра, – сказал он с церемонным поклоном.

Я смотрела, как он идет вперед и сворачивает направо, вероятно, в зал, чтобы завершить свое нелепое свидание по-джентльменски. Я невольно пожалела, что женщина, к которой он возвращается, – не я.

– Вам нужна машина, мэм? – спросил швейцар внизу лестницы, приподняв фуражку.

Я выглянула в окно и посмотрела на ясное ночное небо. Нет, я еще не готова вернуться домой. Мне хотелось еще побыть в этой части Лондона моей мечты.

– Нет, спасибо, – сказала я, переведя взгляд на тротуар. И вдруг кто-то налетел на меня сзади.

– Пожалуйста, извините, – сказал мужской голос со знакомым американским акцентом.

Я улыбнулась про себя: *ковбой*.

Он положил свою огромную ладонь мне на предплечье, на его загорелом лице вспыхнуло беспокойство, и тут он узнал меня.

– Элоиза?

– Фрэнк?

– Что ты здесь делаешь?

– Я… встречалась… с другом, – пробормотала я, тщательно подбирая слова и потирая бок в том месте, где его здоровенная фигура столкнулась с моей. Я заставила себя улыбнуться. – А ты что здесь делаешь?

– У меня была встреча с инвесторами, с теми, о которых я тебе вчера рассказывал, – ответил он, вглядываясь в мое лицо и ища на нем хоть какой-нибудь знак того, что я не забыла вчерашний разговор. Честно говоря, я его помнила очень смутно.

– Ну конечно, – быстро сказала я. – И как прошла встреча?

– Отлично. Похоже, мы заключили сделку. Контракт на огромную сумму.

Хотя он не раз объяснял мне, чем занимается, я мало что понимала, кроме того, что он работает в крупной производственной корпорации в Лос-Анджелесе. Его мешковатые костюмы вводили в заблуждение: Фрэнк был богат, очень богат. Может быть, даже миллионер.

– Это… замечательно, – сказала я, рассеянно оглядываясь на вход в клуб и все еще видя перед собой лицо Эдварда.

– Чей это пиджак? – На мгновение его мальчишеская улыбка померкла, и я уловила на его лице выражение ревности, даже недоверия.

– Я… забыла пальто в метро. – Я уже лгала напропалую. – И один добрый пожилой джентльмен одолжил мне пиджак.

Улыбка Фрэнка мигом вернулась на место, и он выскользнул из собственного помятого пиджака.

– Пожалуйста, надень мой. Я настаиваю.

Я покачала головой.

– Нет-нет, все в порядке. Холодно, замерзнешь без пиджака. А этот я… верну в клуб… завтра по дороге на работу.

Он кивнул, на мгновение успокоившись. Темный автомобиль подъехал и остановился рядом с нами.

– Это мой, – сказал он. – Могу я… пригласить тебя куда-нибудь?

Я покачала головой.

– Спасибо, но… Мне правда пора…

– Всего на один глоток, – сказал он, не переставая улыбаться. Свет уличных фонарей отражался в его бледно-зеленых глазах и открывал редеющие у лба волосы. Конечно, он не обладал ни обаянием Роджера Уильямса, ни изысканными манерами Эдварда Синклера. Зато Фрэнк смотрел на меня – настоящую! – как на богиню, и это казалось… приятным.

– Я знаю неподалеку одно местечко. Там подают гнусные коктейли, а если повезет, – он умолк и взглянул на свои золотые часы, – мы можем успеть на выступление комика. Что скажешь?

Я хотела отказаться. Нужно было отказаться, но Фрэнк улыбался настолько нетерпеливо и заразительно, что уголки моих губ помимо моей воли поползли вверх.

– Это значит «да»?

Я смущенно огляделась, как будто сами стены Королевского автомобильного клуба могли шпионить за мной.

– Хорошо, – наконец сказал я. – Но только один глоток.

– Только один, – подтвердил он, помогая мне сесть в машину. Придержав платье, я подвинулась на сиденье, чтобы он мог сесть рядом.

– Тебе бы понравилась Калифорния, – заговорил Фрэнк, когда шофер завел двигатель и вырулил на проезжую часть.

«Очень может быть», – подумала я, вполуха слушая, как он болтает о своем любимом штате: пальмы, океан, солнце. Об Америке я знала только из телевизора, и все это казалось прекрасным, но далеким, как на открытке.

Мы вышли из машины недалеко от Мейфэйра. Из ближнего клуба доносились звуки саксофона. Мы отыскали свободный столик, и Фрэнк заказал нам по мартини. Пока я занималась оливками в своем бокале, он рассказывал об успешной сделке и сообщил, что собирается назад в Калифорнию.

– Может быть, ты… поехала бы со мной, – смущенно сказал он. – Погостить.

– О, Фрэнк, – ответила я. – Это очень… мило с твоей стороны, но мы ведь знакомы всего ничего.

– Знаю, – согласился он. – Но не представляю, как уеду из Лондона… без тебя.

Я наконец поняла, что Милли оказалась права кое в чем еще.

– Ты… очень хороший, – продолжала я, снижая обороты. – И мне с тобой очень интересно, не сомневайся. Но пойми, сейчас мне… слишком рано принимать такие важные решения.

– Ну конечно, – быстро сказал он, касаясь моей руки. – Я и не думаю тебя торопить, просто… Я никогда не встречал такой девушки, как ты, и мне больно думать, что нас будет разделять океан.

Я сделала большой глоток мартини. У меня не было слов.

– Послушай, есть другой вариант, – продолжал он. – Я могу остаться еще на пару месяцев. Босс не будет возражать. Здесь еще куча работы. Мы могли бы… не спешить, узнать друг друга получше. Что скажешь?

– Я… ну… – Я сглотнула, не зная, что сказать. – Фрэнк, пожалуйста, не стоит менять планы из-за меня.

– Значит, ты не хочешь, чтобы я остался?

– Конечно, я буду рада, если ты останешься. В смысле, хочу сказать, я не хочу, чтобы ты уехал… – Я говорила сбивчиво и невразумительно. Но для Фрэнка мои слова звучали райской музыкой.

– Тогда решено, – уверенно заявил он. – Я продлю командировку, и мы будем проводить больше времени вместе.

Я не очень понимала, на что сейчас согласилась, но Фрэнк вдруг заказал нам еще по мартини, и мы подняли тост за наше будущее.

– Позволь пригласить тебя завтра на ужин, – сказал он, сияя. – Куда хочешь. Хоть в «Ритц».

Конечно же, внимание Фрэнка мне льстило. Он смотрел на меня так, словно я была наследницей престола, а не продавщицей из «Хэрродса», выросшей в трущобах Ист-Энда. Но завтрашний вечер исключался. Меня уже пригласил Эдвард.

Я покачала головой, но он не отставал.

– Тогда послезавтра?

– Хорошо, – сказала я, не в силах придумать отговорку.

Перед уходом я заказала два кофе с собой. Мы вышли из клуба, и Фрэнк с удивлением посмотрел на меня.

– Я не пью кофе.

– Я знаю, – сказала я. – Это для…

– Разреши подвезти тебя до дома, – сказал он, наклонившись ко мне, когда его шофер подъехал к тротуару.

Я покачала головой.

– Спасибо, но все в порядке. Я лучше… поймаю такси.

– Давай, это же нетрудно.

Когда я отказалась во второй раз, он протянул мне несколько фунтов на такси. Я чувствовала одновременно и вину, и облегчение. Зарплата только в следующую пятницу, а мой кошелек худел на глазах.

– Скорее бы четверг, – сказал Фрэнк, помогая мне сесть в такси. Мы отъехали, и я помахала ему на прощание.

– Вот. Это вам. – Я протянула таксисту кофе.

– Правда мне?

Я кивнула.

Он сделал глоток.

– Мисс, и как вы догадались, что мне именно это и нужно? Я выехал в ночную смену в первый раз после того, как жена родила дочку.

– Поздравляю, – сказала я.

– Она чудесная девчушка, – продолжал он. – Хотел бы я, чтобы ей жилось не хуже, чем таким леди, как вы. – Он помолчал. – Я бы подарил ей весь мир, но я всего лишь таксист.

Я улыбнулась.

– Я вижу, как сильно вы ее любите, и этого уже достаточно.

– Знаю, – сказал он. – Ох, что-то я разболтался. Куда едем, мисс?

Я продиктовала свой адрес и заметила в зеркале заднего вида, что он вытаращил глаза.

– Видите ли, – начала я. – Женщина не может ничего поделать со своим происхождением, но то, кем ей стать, полностью в ее власти. Обязательно скажите это своей дочурке.

Водитель улыбнулся.

– Обязательно, мисс.

Я медленно пила кофе и вспоминала весь этот странный вечер, который начался с позорища и закончился неожиданностью. Я улыбалась, думая о Фрэнке с его серьезными чувствами, и об Эдварде… О загадочном Эдварде.

Перед домом я заплатила за проезд и сказала «спасибо» водителю, который, когда я вышла, благодарно помахал мне стаканчиком с кофе. Температура снова упала ниже нуля, и я была рада, что на мне пиджак Эдварда. Обогнув здание, я двинулась по дорожке к лестнице, которая

вела к нам на третий этаж. Я прошла мимо нашего садика на аллее, где Милли летом выращивала в керамических горшках травы и помидоры.

Придет весна, и этот унылый покров из грязного снега и комьев смерзшейся земли сменится симфонией жизни – мяты, орегано, тимьяна и, конечно, цветов. Ох, как я соскучилась по цветам.

Нащупывая в сумочке ключ, я заметила бледно-зеленые ростки нарциссов, пробивавшиеся сквозь сонную почву с решимостью тысячи весен. Скоро они победно расцветут.

«Подожди, – услышала я мамин шепот. – Скоро пойдут нарциссы».

Глава 3

Валентина

– Неплохо вы поспали, – говорит водитель, улыбаясь в зеркало заднего вида. – Но надо же, проснулись как раз вовремя. – Он указывает вперед. – Видите?

Я протираю глаза и выглядываю в окно. Лучи позднего утреннего солнца пробиваются сквозь темные облака и освещают все вокруг яркими красками.

– Воскресенье в Примроуз-Хилл, – говорит водитель. – Нет ничего прекраснее.

Я смотрю на высокие узкие таунхаусы и ряд витрин магазинов – все в пастельных тонах, как пасхальные яйца.

– Видите высокие окна? – говорит водитель. – Архитектура эпохи Регентства в лучшем виде, хотя они, скорее всего, были построены в викторианские времена. Маленькие копии шикарных вилл, окружающих Риджентс-парк.

«Высокие окна», – думаю я. Значит, высокие потолки. Высокая комната, залитая солнечным светом. Бальзам, который сейчас так требуется моей душе.

– И хотя это совсем близко к центру Лондона, – говорит водитель, – Примроуз-Хилл, как ни странно, расположен на возвышенности. Шестьдесят три метра над уровнем моря.

Я улыбаюсь: хорошо, что мне попался такой осведомленный таксист.

Несколько минут спустя он останавливает машину перед бледно-розовым трехэтажным зданием. «КНИЖНЫЙ САД» – гласит вывеска над дверью первого этажа. На нее садится голубь, клюет ее краешек и взмывает вверх. Я слежу за его полетом и замечаю, что шторы на двух верхних этажах задернуты. С подоконников свисают увядшие цветы. Все это выглядит совершенно ненастоящим. Эта сцена словно сошла со страниц любимого старого романа и не имеет ничего общего с моей расхристанной жизнью.

– Должно быть, это здесь, – говорю я, расплачиваясь. Водитель выгружает мои чемоданы на обочину.

– Добро пожаловать домой, – говорит он.

– Разве я говорила, что…

– Думаю, вам здесь понравится, – перебивает он. – Вот увидите.

Я озираюсь, осваивая это незнакомое место, обстановку, в которой без меня жила мама. В кресле у окна греется на солнышке пушистый кот. Я почти слышу сквозь стекло его мурлыканье, как будто он зовет меня войти. Я тянусь к дверной ручке: заперто. Мои внутренние часы отключены, поэтому я не сразу соображаю, что сейчас воскресное утро, слишком раннее для того, чтобы книжный магазин на окраине работал.

Я обхожу здание по узкой дорожке, ведущей к другому входу, роюсь в сумке и нахожу ключи от дома, которые мне прислала компания «Бевинс и партнеры». Дверь открывается со скрежетом, как будто потягиваясь после долгого сна. Я сгружаю чемоданы в маленькой прихожей. Нет смысла тащить их наверх, ведь у меня уже заказан номер в гостинице поблизости.

Лестница скрипит и стонет под моими ногами. Я поднимаюсь в квартиру на втором этаже и стучу в дверь, чтобы представиться ее обитателям.

Мне открывает женщина примерно моего возраста, лет тридцати с небольшим: к правому уху прижат мобильный телефон, лицо в ореоле прекрасных темных кудрей. Она выпускает струйку дыма и жестом приглашает меня внутрь.

– Ради бога, – шепчет она. – Помогите мне, пожалуйста.

Она протягивает мне две прихватки и указывает на духовку. Я быстро вынимаю оттуда сковороду с неописуемым содержимым. Воскресный завтрак явно погублен.

– Спасибо, – произносит она одними губами. Я кашляю, отгоняю от лица облако дыма и оглядываю квартиру с разномастной богемной мебелью и разбросанными повсюду разноцветными подушками. На стенах яркие картины в рамах, десятки комнатных растений рвутся из горшков на волю, словно растут в тропическом лесу, а не в лондонском предместье. У окна в бамбуковой клетке щебечет желтый попугай.

– Да, сэр, безусловно, сэр, – говорит она в трубку. – Именно. Я так и сделаю. Считайте, что уже сделала. До свидания, сэр.

Закончив разговор, она со стоном швыряет телефон на диван, как будто он был соучастником в злосчастной цепи событий, приведших к

этому моменту.

– Босс, – говорит она. – Патентованный мудак. – Она вскидывает руки вверх. – Он приедет через час, – скулит она. – И что теперь делать с ланчем?

– Кто, босс?

– Нет, – говорит она, глядя на меня как на идиотку. – Джереми.

Я киваю, чувствуя, как на меня накатывает очередная волна джетлага[4].

– Джереми?

– Мой парень!

– Ясно, – говорю я.

– Он воображает, что его тут ждет ланч, как в пятизвездочном отеле, – говорит она. – Воображает, что я шеф-повар высшего класса!

Я бросаю взгляд на обугленную сковороду.

– А вы, как я понимаю, немного на это счет приврали?

Она вздыхает.

– И какой дурак повесил в кулинарном блоге рецепт фриттаты и не сказал, сколько ее готовить?

Я изо всех сил стараюсь сдержать смех. Покойся с миром, дорогая фриттата!

– Теперь ей каюк. И что мне делать?

Она мне сразу понравилась.

– Но ведь всегда есть… еда навынос?

Она мотает головой.

– Нет, нет, нет! Это всего лишь третье свидание. Какая еда навынос на третьем свидании!

– О-о-о, – говорю я, отмечая, что на кухне еще больше растений в горшках, и все они здорового ярко-зеленого цвета.

– Вы не умеете готовить, но явно умеете заклинать растения.

– Похоже на то, – говорит она со вздохом.

Я протягиваю руку.

– Я Валентина Бейкер.

Уголки ее рта приподнимаются: до нее что-то дошло.

– Ого! Дочь Элоизы!

– Ну да…

– Что же ты сразу не сказала?

– Я… как раз хотела. Но ты разговаривала по телефону.

– Ну и ладно, – говорит она, убирая со лба выбившийся локон. – Мне так жаль твою маму. Я по-настоящему любила ее. – Она наклоняет голову. – А ты на нее совсем не похожа. Наверное, вся в отца.

– Ну да, наверное…

– Вот и я похожа на отца, – задумчиво говорит она. – Хотя у папы есть свои достоинства. – Она кладет правую руку на бедро. – Вот, например, я унаследовала его ноги.

Она задирает ногу выше головы, как танцовщица из Rockettes[5]. Я улыбаюсь про себя.

– Нет, постой, – говорит она, наклоняя голову вправо. – Теперь вижу. Твои глаза – у них необычный разрез. Совсем как…

– Послушай, – говорю я, кашлянув. – Я не хочу тебя задерживать. Я просто… надеялась, что мы сможем поговорить о… квартире.

Она кивает.

– О, не волнуйся. Я не из тех, кто расторгает аренду или что-то в этом роде. К тому же мне здесь очень нравится. Конечно, не Букингемский дворец, и зимой жуткие сквозняки, но знаешь что? – Она замолкает и оглядывает свое беспорядочное жизненное пространство. – Ни одно место, где я жила, не нравилось мне так, как это. Так что я, может быть, вообще никогда не съеду.

– Ладно-ладно, – говорю я. Меня услышанное немного удручает. Если у меня и теплилась хоть какая-то надежда продать дом, получится это труднее, чем я ожидала.

– Я Лайза, – продолжает она, протягивая руку. – Слушай, если ты свободна завтра днем, с удовольствием покажу тебе окрестности.

– О, здорово, – говорю я. – Спасибо. Очень… мило с твоей стороны.

Ее минутное спокойствие исчезает в мгновение ока.

– Елки-палки, мне же нужно готовиться. Черт, что бы такое надеть? – Она бежит в спальню и возвращается с двумя платьями на вешалках – одно розовое с ярко-оранжевыми цветами, другое однотонное, голубое, с пояском на талии. – Что скажешь? Не слишком много розового?

Я, улыбаясь, качаю головой.

– Нет, точно надевай розовое. Твой стиль.

– Правда? – Она тут же сдирает спортивные штаны и футболку и влезает в платье. «Молния» заедает, и я предлагаю помочь.

Она разглядывает себя в висящем на стене зеркале в полный рост и пожимает плечами.

– На Новый год я пожелала себе сбросить десять фунтов, но набрала двенадцать.

Я улыбаюсь:

– Выглядишь классно, не сомневайся.

– Ну ладно, – со вздохом говорит она. – Остается только заказать еду навынос и красиво подать, чтобы скрыть улики!

– Удачи, – говорю я и выхожу.

Закрыв за собой дверь, я слышу звон разбившейся тарелки и возглас Лайзы: «Ё-мое!»

Улыбаясь про себя, я поднимаюсь на третий этаж, где столько лет жила мама – без меня. Подхожу к двери – ее двери – и останавливаюсь, вспоминая, как когда-то мечтала об этом самом моменте: снова быть рядом с ней.

Почему она уехала? Почему никогда не писала и не отвечала на мои письма? Я вставляю ключ в замок, чувствуя волнение. Столько лет прошло, а детская боль осталась такой же острой, такой же настоящей.

В детстве я мечтала сбежать в Лондон: вот я появлюсь на ее пороге, и все будет хорошо. Но со временем привычная тоска переросла во что-то другое – обиду и гнев, и ко времени, когда я уехала в колледж, мне больше не хотелось воссоединения с бросившей меня женщиной. Она для меня как будто умерла.

А теперь она вправду умерла.

Прежде чем открыть дверь, я делаю глубокий вдох, чувствуя себя пожарным, прибывшим в дом после того, как он уже сгорел дотла. Бессильной и опоздавшей.

Я переступаю порог. Чужой, застоявшийся воздух. Но потом, раздвинув шторы и открыв старое окно, я ощущаю слабый, но знакомый аромат. Я не сразу понимаю, что это, но вдруг до меня доходит. Ее духи. Ее розовые духи. Воспоминания наплывают, и я ощущаю, как внутри все начинает дрожать. Просторная, солнечная ванная комната в Санта-Монике. Я совсем маленькая. Она сидит перед зеркалом в длинном розовом атласном халате.

– Мамочка, можно накрасить губы твоей помадой?

– Когда подрастешь, милая.

Я наблюдаю, как она тщательно накладывает три слоя туши, а потом предлагает мне капнуть духами на внутреннюю сторону запястья. Я подношу руку к носу и вдыхаю густой, бархатистый аромат роз.

По улице с грохотом проезжает красный двухэтажный туристический автобус и возвращает меня в настоящее. Я провожу рукой по мягкому розовому бархатному дивану. Низкий столик уставлен фотографиями в рамках: незнакомые люди, незнакомые места.

Внезапно сердце у меня сжимается. Одна фотография в позолоченной рамке стоит отдельно от прочих. Моя.

Рождественское утро, год, когда мне подарили кукольный домик, мне лет семь или восемь. Все утро мы с мамой приводим в порядок комнаты. Воспоминание очень далекое, но я все еще чувствую пряный мускусный запах кедровых стен и пластиковых блестящих волос моих новых кукол. Я вижу снежную белизну маленькой фарфоровой ванны с четырьмя когтистыми ножками. Я поставила миниатюрный диванчик на втором этаже, но мама перенесла его на первый, к боковому окну: «Отсюда лучший вид на сад».

Она права. Она всегда была права.

Я вздыхаю и переключаю внимание на маленькую, но хорошо оборудованную кухню. Винтажный холодильник кремового цвета заперт на латунную защелку, а старая газовая плита выглядит так, будто ее следует звать «Марселина», или, может быть, «Бабетта».

Я восхищаюсь расставленной на открытых деревянных полках керамической посудой цвета морской волны от Рассела Райта[6]. Эта линейка появилась в 1939 году, и цвет тогда считался самым модным; она об этом знала по своей работе в «Хэрродсе». Я представила себе, как она выбирает плошку с ручками и ест из нее любимые блюда: яйца пашот, свежие ягоды, политые жирными сливками.

Я подхожу к креслу у окна. На подушке лежит светло-серая кашемировая накидка. Я прижимаю мягкую ткань к лицу, вдыхая запах моего детства, мамин запах. Как будто она только что вышла, а не ушла навсегда.

На меня накатывает волна усталости, но я заглядываю в спальню и вижу на комоде ее шкатулку с драгоценностями. Открываю ее и снова

погружаюсь в воспоминания. Мама обожала красивые вещицы, в том числе бижутерию. Ее любимым брендом был «Трифари»[7], особенно линия с геометрическим дизайном в стиле ар-деко 1930-х.

«Дизайнер Альфред Филипп учился своему ремеслу у Картье и в Van Cleef & Arpels, – наставляла она меня. – Ищи незаметную оправу камня. Он довел эту технику до совершенства».

Она учила меня распознавать подлинность вещи. Обязательно должна быть марка KTF, или «Корона Трифари» – значок короны над буквой «Т». Она брала меня с собой на распродажи, и если я замечала такой значок, то должна была передать ей вещицу незаметно, чтобы никто не понял, что мы нашли сокровище.

– У «Трифари» делали украшения для первых леди и голливудских звезд, – говорила она, – но вкусы меняются.

Но ее вкус оставался неизменным. Я беру в руки старый браслет в стиле ар-деко из стекла и серебра. Такой же элегантный, как она сама.

Я перевожу взгляд на кровать. Гладкое покрывало и мягкие подушки, все чистое, так и тянет лечь. Хотя мои веки совсем отяжелели, я не могу не заметить на прикроватном столике книгу. Корешок из изумрудной ткани безупречно сохранился, так же как и страницы с позолоченным обрезом. Я мгновенно все понимаю. Я давно мечтала увидеть первое издание «Своей комнаты» Вирджинии Вулф, но оно мне ни разу не попадалось. А теперь оно в моих руках. Я осторожно листаю страницы. Интересно, это была последняя книга, которую мама читала перед смертью, или просто символ, мантра для жизни, которую она выбрала? Я откладываю книгу, и из нее выскальзывает маленький конверт. Я тянусь за ним и вижу свое имя, написанное изящным маминым почерком. «Валентина», буква «а» в конце переходит в идеальный росчерк. Я никогда не смогла бы так написать свое имя, как бы ни старалась. Дрожащими руками я надрываю конверт с краю и достаю листок.

Милая моя Валентина,

Добро пожаловать в Лондон. У меня для тебя так много сюрпризов. Только подожди. Но сначала я отправляю тебя на небольшую охоту за сокровищами. Помнишь, как ты это любила? Я тоже, и училась этому у лучших охотников.

Мне так много нужно сказать, так много показать тебе. Но сначала, умоляю тебя, копай глубже – наши последние весны, лета и

осени, но прежде всего последняя зима.

Найди меня. Я буду ждать.

С любовью, мамуля

Я смаргиваю слезы, сердце бешено колотится от эмоций и вопросов. Она знала. Знала, что я приду сюда, в ее комнату. Она знала, что меня как магнитом потянет к этой книге. Я с трудом сглатываю слюну, кладу письмо на стол и смотрю на него так, будто оно живое.

Что, черт возьми, означает «копай глубже», при чем тут прошлые лета, весны и последняя зима? Я слишком устала, чтобы что-то соображать, слишком устала, чтобы гадать. Нужно бы взять чемоданы и отыскать дорогу в гостиницу, но я так утомлена, что решаю полежать, пока не пройдет эффект смены часовых поясов. Откинув одеяло, я ныряю в кровать, на то самое место, где моя мать спала ночь за ночью – все эти ночи без меня. Я закрываю глаза. Всего несколько минут, говорю я себе. Несколько минут.

Засыпаю и вижу сон.

Я только что вернулась из школы; папа сидит в кресле в гостиной, попыхивает сигарой и читает газету. На ней дата: 12 июня 1990 года. Странно, что он так рано пришел с работы, и еще более странно, что курит в доме. Мама пришла бы в ярость. Я оглядываю комнату, бросаю взгляд на бассейн, но ее нигде нет. Наверное, она просто наверху, говорю я себе, хотя чутье говорит мне, что это не так. Я точно знаю. В доме как-то пусто, одиноко, так всегда бывает, когда она уходит на обед или в гости. Но где она? Она обещала, что, когда я вернусь из школы, мы пойдем в торговый центр, чтобы проколоть мне уши.

Я бегу на кухню. Бонни плачет, сгорбившись над столом для завтрака. Бонни – наша экономка. Я никогда не видела, чтобы она плакала, и пугаюсь. Вздрогнув, она поднимает голову. Ни одна из нас не знает, что сказать.

– Что случилось? – наконец спрашиваю я. – В чем дело? Где мамуля? – Я называла ее так с момента, когда начала говорить, а она называла так свою мать. На британский манер.

Бонни открывает рот, но не произносит ни слова. Потом опять опускает голову, продолжая плакать.

– Папа! – Я бегу обратно в гостиную. – Почему Бонни плачет? Где мамуля? Что происходит?

Он продолжает попыхивать сигарой, методично раскачиваясь взад-вперед, хотя кресло и не качалка.

– Папа? – Я начинаю плакать и топаю ногой, чтобы привлечь его внимание. – Ты меня слышишь?

– Валентина, перестань, – внезапно говорит он. Уголки его рта подрагивают. – Ты уже слишком большая, чтобы так себя вести. Пора взять себя в руки. – Он тушит сигару в пепельнице и снова поворачивается ко мне. – Она ушла. Мамы больше нет. И она не вернется.

Я с трудом сглатываю, пытаясь осмыслить то, что он только что сказал. Неправда. Они просто поссорились. Он расстроен. Он сам не знает, что говорит. Мама, наверное, ушла за покупками. Скоро придет, и все будет хорошо. Все будет хорошо.

Папа подходит ко мне и кладет руки мне на плечи.

– Валентина, прости, моя милая, – говорит он. – Мне так жаль. Я ничем не могу тебе помочь. – Он вздыхает и достает ключи от машины. – Мне нужно ненадолго уехать, но Бонни останется здесь. Она переедет в свободную спальню.

Я снова бегу на кухню и бросаюсь в объятия Бонни. Я смотрю в ее красные, наполненные слезами глаза, глаза, которые знаю всю свою жизнь, и ищу в них доказательства того, что папа сказал неправду.

Но их нет, и это потрясает меня до глубины души. Все это правда, ужасающая правда. Мамуля ушла.

Бонни протягивает руки, чтобы обнять меня, но я отшатываюсь, бегу в мамину спальню, запираю за собой дверь и бросаюсь к шкафу: пусто. Открываю шкафы в ванной: они тоже совершенно пусты. И ящики, все, кроме одного. Я лезу внутрь и нахожу флакон ее любимых духов с ароматом розы. Я брызгаю себе на запястье и вдыхаю запах. Она забыла его упаковать, а может быть, оставила мне.

Я хочу, чтобы она налила мне ванну и, как обычно, сказала: «Не вешай носа, Чарли».

– Мамуля, – шепчу я дрожащим голосом. – Где ты?

Глава 4

Элоиза
Лондон
12 января 1968 года

Одеваясь, я представляла себе высокую, статную фигуру Эдварда. Вспоминала необычный склад его ума и тепло его прикосновений.

«Романтик, – думала я. – *И такой умный».*

Кружевное темно-синее платье идеально подходило к случаю. Я надевала его всего один раз – старомодное, купленное на распродаже в «Хэрродсе», но все же достаточно стильное для ужина в Королевском автомобильном клубе.

Открыв шкаф в прихожей, я улыбнулась про себя, увидев на вешалке пиджак Эдварда, который повесила туда вчера вечером. Мое пальто осталось в клубе, я так и забыла его забрать. А сейчас я позаимствовала пальто Милли. А смокинг Эдварда пусть повисит в шкафу в качестве трофея – предлог, чтобы снова увидеться с ним после сегодняшнего вечера.

Перед уходом я заглянула в спальню Милли, где она сидела, склонившись над толстым учебником права. Я сказала, что ухожу, но не осмелилась сказать куда. Что бы она подумала, узнав, что я возвращаюсь в Королевский автомобильный клуб после вчерашней катастрофы? Я рассказала ей только о Роджере и вцепившихся в него девицах, – да, и о беарнском соусе, – но об Эдварде даже не заикнулась.

Пока я не поверю в то, что он может быть настоящим, что *мы* можем быть настоящими, он останется моим секретом.

Когда я приехала в клуб, уже стемнело. Пальто я сдала девушке в отглаженной белой блузке и черном жилете. Она была примерно моего возраста и очень походила на моих бывших одноклассниц, а может, и была одной из них, потому что прекрасно знала, что мне здесь не место. Я видела это по ее глазам.

У стойки регистрации я назвала имя Эдварда.

Портье тепло улыбнулся.

– Здравствуйте, мисс Уилкинс. Мистер Синклер ожидает вас.

Он протянул мне конверт, запечатанный красным воском, с инициалами «Э. С.». Я прикоснулась кончиками пальцев к тонкой льняной бумаге, и мое сердце слегка дрогнуло; оно забилось сильнее, когда я достала записку с нарисованной от руки картой.

Элоиза, выйди в сад. Дорогу найдешь. Место помечено крестиком. Я буду ждать тебя.

хх, Эдвард

Едва сдерживая волнение, я поднялась по лестнице мимо нескольких разодетых парочек, направляющихся на ужин; на женщинах были платья от Шанель последнего сезона. Украдкой поглядывая на карту, я проследовала по тускло освещенному коридору к лестнице, ведущей в сад, где вчера вечером приземлилась в объятия Эдварда. Я улыбнулась воспоминанию. Но где он может быть? Снова взглянув на карту, я пошла по садовой дорожке, мимо вечнозеленых кустарников, окружавших известняковый фасад клуба. Прямо перед собой, рядом с большой деревянной дверью, я увидела окно, из которого лился теплый свет. И поняла, что пришла.

Повернув дверную ручку, я вошла в комнату, освещенную только пламенем ревущего камина. Вдоль одной стены тянулся полностью укомплектованный бар. Остальные от пола до потолка занимали книжные полки.

«Какая прелесть», – прошептала я про себя и ступила на лестницу на колесиках, соединенную со стальной дорожкой, окружавшей комнату по периметру.

– Я думал, ты боишься лестниц, – услышала я голос.

В свете камина появился Эдвард. Он был одет так же изысканно, как накануне вечером, в строгий темный костюм.

Я не поздоровалась с ним. Зачем? Мне казалось совершенно естественным отвечать так, будто мы продолжаем разговор с того места, на котором остановились вчера.

– Только не библиотечных, – сказала я, оттолкнувшись ногой, чтобы колеса поехали.

Он улыбнулся.

– Много читаешь?

– Запоем, – ответила я.

– Так я и подозревал. Я тоже.

Я уставилась в высокий потолок.

– Спасибо за карту, – сказала я. – Без нее я бы в жизни не нашла дорогу. Откуда ты?..

– Знаю об этом месте? – Он пожал плечами. – Мальчишке становится скучно, когда родители каждый четверг таскают его в клуб на ужин. Я пробирался сюда и проводил время за книжкой.

Он рассказывал настолько оживленно, что я так и видела перед собой юного Эдварда: вот он стоит в этой комнате и проводит пальцами по корешкам книг, в точности как я сейчас.

Он заскочил за стойку и осмотрел коллекцию напитков.

– Вот так я заинтересовался литературой. По сути, случайно. – Он поставил на стойку бутылку джина. – А ты?

Я все водила пальцами по корешкам книг – достаточно долго, чтобы решиться. Я захотела рассказать ему о том, о чем мы с Милли втайне мечтали с тринадцати лет.

– Мы с лучшей подругой всегда мечтали открыть свой книжный магазин.

Я рассказала ему о книжном пристанище, которое создала в воображении. Он внимательно слушал.

– Может быть, когда-нибудь, – задумчиво заключила я.

Он улыбнулся, бросил в шейкер лед, смешал мне мартини и протянул бокал с замороженным ободком.

– Не «может быть», а несомненно, – сказал он. – Если это зов твоего сердца.

Почему-то от его уверенности я тоже почувствовала себя уверенно. Если Эдвард верит в мою мечту, я тоже могу в нее верить.

– Твое здоровье, – сказал он, чокаясь со мной бокалом. – За мечты и книги – и за новую дружбу.

Я сделала глоток: джин был крепким и попахивал хвоей, как свежесрезанная рождественская елка.

– Твое платье, это просто… – сказал он и надолго замолчал. – Элоиза, у меня нет слов. Я пытаюсь сказать, что ты выглядишь *сногсшибательно*. Синий – определенно твой цвет.

– Спасибо, – немного нервничая, ответила я, и мы устроились в мягких креслах, обитых изумрудно-зеленым бархатом.

– Скажи, а какие книги вы будете продавать в этом вашем магазине? – спросил он.

– Немного новинок, – сказала я. – Но в основном это будут давние друзья. Знаешь ли ты, что большинство книг – особенно лучших – обычно меняют за свою жизнь семерых владельцев, а иногда и больше?

– Как интересно, – ответил он, рассеянно касаясь края татуировки, которую он показал мне прошлым вечером.

– Ты всегда будешь слышать музыку, – сказала я, улыбаясь, – а я всегда буду слушать сказки.

– А может быть, каждый будет слушать и то и другое, – сказал он, глядя мне в глаза.

Я невольно отвернулась. Мне казалось, что его взгляд проникает в самые глубины моей души. Может быть, он тоже это почувствовал, и почувствовал, что я это *знаю*. Так или иначе он тут же начал болтать на самые разные темы: его любимые заведения в Лондоне, где подают карри, поездка в Африку в детстве, где он научился свистеть, друг из колледжа, который умер в прошлом году при загадочных обстоятельствах. С каждым откровением мне казалось, что я знаю его все лучше, но совсем странным было возникшее стойкое ощущение, что знала его всю жизнь.

Он рассказал мне о своих младших сестрах: обе замужем, с маленькими детьми. И о том, что, получив сдвоенную степень магистра бизнеса и права, он стал работать в одной из крупнейших лондонских фирм по недвижимости, но эта работа («делать богатых еще богаче») казалась ему совершенно бессмысленной.

– А какая работа имела бы для тебя смысл? – спросила я.

Он ответил сразу.

– Простая жизнь, – объяснил он. – Это может показаться безумием, я всегда мечтал жить как в сказках Беатрикс Поттер[8] – подальше от города. Ну, знаешь, старый загородный коттедж с большим садом и просторной верандой, где можно посидеть ночью и побеседовать со звездами.

Я улыбнулась.

– Какая прелесть. Но чем бы ты занимался?

– Ну, конечно, разводил бы помидоры, – сказал он с усмешкой.

– Это само собой.

– Давай немного помечтаем вместе, хорошо? – сказал он, наклоняясь ближе, и мое сердце забилось быстрее.

Да, помечтаем вместе.

– Представь, что мы с тобой, – начал он, – сидим на веранде в креслах-качалках. Я только что прогнал стаю опаснейших кроликов, едва сумев спасти от них грядку помидоров для консервирования, а ты тем временем рассказываешь, как прошел твой день в книжном магазине.

Я улыбнулась его фантазии, желая задержаться в ней подольше.

– Я бы рассказала, как деревенские дети требовали, чтобы я разбудила магазинного кота, который предпочитает греться на солнышке в витрине, а не оказываться в центре детского внимания. И о том, что посадила в ящиках на подоконнике герань. О, а еще про миссис Малтби, жену проповедника, которая часто приходит якобы за книгами для внуков, а сама потихоньку пасется в разделе любовных романов.

Эдвард слушал и улыбался, пока не вогнал меня в краску.

– Фермер и хозяйка книжной лавки. Отличная пара, не так ли?

Я только кивнула, хотя мне хотелось ответить решительным «да». «Да» этой прекрасной сказке, которую мы могли бы сделать своей жизнью. Хотел ли этого и Эдвард или его слова были просто болтовней флирта ради? Может быть, те же слова он говорил и своей вчерашней даме? Я решила изобразить застенчивость. Что я знаю о любви или намерениях мужчин? Мы проговорили несколько часов и выпили еще по бокальчику. Время шло, но я этого не замечала. Я просто перескакивала с одной темы на другую. В какой-то момент Эдвард взглянул на часы и предложил подняться в клуб поужинать.

– Я заказал подходящий угловой столик, – сказал он. – Тебе не о чем беспокоиться.

Я хотела сказать ему, что рядом с ним никогда бы ни о чем не беспокоилась. Пошла бы куда угодно и стала кем угодно. Конечно, я наврала ему о своей ранней юности, но, когда придет время, то расскажу ему все, и почему-то я знала, что он не только простит, но и примет меня.

Но тут наше уединение нарушил стук в дверь.

– Мистер Синклер! – Человек в форме ворвался в дверной проем, вытирая со лба капли пота. – А мыто вас ищем повсюду. – Он сделал

паузу, чтобы перевести дыхание. – Вам звонят по телефону на третьем этаже. Это срочно. Это по поводу…

– Да-да, конечно, – быстро сказал Эдвард, нахмурив брови.

Я чувствовала себя персонажем книги, изгнанным со страниц захватывающей главы до того, как она завершилась. Станет ли мой финал счастливым или трагичным? Я не знала.

– Мисс Уилкинс, – сказал Эдвард, помрачнев. – Это было огромным удовольствием, но, боюсь, я… должен идти. Мне бы не хотелось заставлять вас ждать, так как я не уверен, сколько времени может занять это дело. Почему бы нам не назначить новую встречу, и, надеюсь, на ближайшее время? – Он замолчал и на мгновение улыбнулся. – Может быть, мы…

– Мистер Синклер, – прервал его человек в дверях. – Ваш абонент ждет.

– Да, – сказал Эдвард, поворачиваясь к двери. – Пожалуйста, прости меня, Элоиза. – Мое сердце сжалось, когда он произнес мое имя. – Я позвоню тебе.

Я не давала ему номера телефона и пришла в ужас от мысли, что он начнет наводить справки и выяснит, что я никакая не дочь богатой светской львицы, а едва сводящая концы с концами продавщица, проживающая в ветхой квартирке Ист-Энда.

– Да, – пробормотала я. – До свидания, Эдвард.

Но он уже ушел.

Я вздохнула, бросила последний взгляд на странный маленький бар-библиотеку и двинулась к стойке регистрации, чтобы забрать оба пальто – свое и позаимствованное у Милли. Вечер, казалось, закончился, не успев начаться.

– Извините, – сказала я девушке за стойкой, той самой, которую уже видела. – Мне нужно оставить… сообщение для члена клуба… мистера Эдварда Синклера.

Приподняв бровь, она указала на ближайший поднос с коробкой открыток и конвертов. Я схватила ручку и написала:

Эдвард, пожалуйста, не сочти меня воровкой, но у меня со вчерашнего вечера остался твой пиджак. Я решила подержать его в заложниках до следующей встречи. Рискую показаться чересчур дерзкой, но давай встретимся в бистро «У Джека» в Мейфэйр завтра в 19:00? Место помечено крестиком.

Буду ждать.

Элоиза

– Не могли бы вы проследить, чтобы мистер Синклер получил это?

Женщина равнодушно кивнула, молча опустила записку в ящик без опознавательных знаков и ответила на телефонный звонок.

Я вышла на улицу и посмотрела в ночное небо, где городские огни Лондона вели извечную битву со звездами, сверкающими над головой. Я улыбнулась про себя: знаю, какая сторона победит и будет побеждать вечно.

Глава 5

Валентина

На старой иве за окном щебечут птицы. Я сажусь в постели и ахаю, увидев на телефоне, который час. 6:23 утра. Я протираю глаза, щурясь, когда на меня падает яркий поток солнечного света. Я каким-то образом умудрилась проспать целый день, прихватив и ночь.

Я встаю и, зевая, пытаюсь сориентироваться в пространстве и времени. Сегодня воскресенье, нет, понедельник. Я нахожусь в квартире матери. Соседка снизу – как ее, Лайза? Да, Лайза – предложила показать мне город сегодня (или это было вчера?). Интересно, как прошло ее свидание, совмещенное с ланчем. Спустившись по лестнице на первый этаж, я достаю из чемодана косметичку. Чтобы оживить поблекший цвет лица, потребуется основательное увлажнение.

Внизу в прихожей я отыскиваю в своих вещах все необходимое и застегиваю чемодан.

– Валентина, это ты? – кричит сверху Лайза.

– Да, – говорю я, и она появляется на лестнице.

– Давай помогу с барахлом, – говорит она, протягивая руку к одному из чемоданов.

– Нет, я здесь не останусь, – быстро говорю я.

Она явно ошарашена.

– Не останешься?

– Ну… у меня заказан номер в гостинице. Я хотела только прихватить косметику и переодеться.

– Ну и глупо, – говорит Лайза, не отпуская ручку чемодана. – Наверху квартира твоей мамы. На кой ляд тебе гостиница?

– Я… ну, не знаю. Думаю, я…

– Смешные вы, американцы, – говорит она, с любопытством разглядывая меня. – Ты считаешь, что лучше заплатить бешеные деньги за крошечную комнату и ванную размером с чулан, чем жить в целой квартире бесплатно? – Она замолкает. – В смысле, ты же здесь хозяйка, правда?

Конечно же, она права. Но мне и в голову не приходило остаться в маминой квартире. Это как-то слишком… Но Лайза уже тащит чемодан вверх по лестнице, а я устала возражать. Кроме того, она действительно права.

– Как прошло твое свидание? – спрашиваю я, поднимаясь следом за ней. – С… Джереми, верно?

– Кошмарно, – говорит она, скривившись. – Во-первых, он опоздал – на целых сорок минут, – а потом, после того как я потрудилась приготовить ему яичницу по-королевски, он заявил, что у него аллергия на гренки. Нет, ты когда-нибудь слышала, чтобы у кого-нибудь была аллергия на гренки? – Она качает головой. – Так он и сидел голодный всю дорогу. Даже не откусил ни кусочка. А потом у него хватило наглости полезть целоваться. – Она пожимает плечами. – Нет уж, если мужчина не собирается есть мою еду, поцелуи отменяются. В общем, я его выставила.

– Значит, с Джереми покончено?

– Джереми капут, – отвечает она.

Я смеюсь, с каждой минутой она мне нравится все больше.

– Наверное, дело во мне, – продолжает она, вздыхая. – Вечно меня тянет к плохим парням. С ними весело, хотя кончается это обычно плохо. За столько лет можно было чему-то научиться, но как бы не так. – Она снова пожимает плечами. – Ну а ты? Замужем? – Она бросает взгляд на мой безымянный палец без кольца.

– Нет, – говорю я. – То есть была, но теперь я просто… ну, развожусь.

– О боже, – охает она. – Бедная ты, бедная. Сначала мать, а теперь… – Она прикрывает рукой рот в глубокой тревоге. – Ты когда-нибудь слышала эту хохму, что несчастья ходят по трое?

– Да, – говорю я. – Наверное, я та счастливица, которую ждет еще одна пакость.

– Будем надеяться, что мелкая, например… – говорит она и на мгновение задумывается, – например, трещина на экране телефона или что-то в этом роде.

Я лезу в карман и вытаскиваю телефон, экран которого испещрен неровными линиями.

– О-о, – обескураженно тянет она. Мы уже поднялись на третий этаж. – Ну, что бы это ни было, уверена, что ничего страшного. Просто

внимательно смотри по сторонам, переходя дорогу.

Я киваю и расстегиваю чемодан, чтобы достать какую-нибудь одежду.

– Он разбил тебе сердце? – Она делает паузу. – Твой муж?

– Бывший муж, – поправляю я. – Да, можно сказать и так. – Я выуживаю из чемодана черные легинсы и серый объемный свитер. – В любом случае, он бросил меня.

Лайза хмурится.

– О, извини, я…

– Слушай, ты мне обещала экскурсию, – говорю я, быстро уводя разговор от Ника. – Ты как, по-прежнему готова? К тому же мне бы не помешало выпить кофе.

– Конечно, – говорит Лайза. – Для начала зайдем в кафе «Флора». На днях я видела там Джуда Лоу.

– Актера?

– Да, он же «мистер Горячая штучка». Он живет по соседству. Тут у нас много знаменитостей. Я стояла в очереди, и он посмотрел на меня. Наверняка втрескался. Но увы, он совсем не в моем вкусе. – Она стирает пятно со своего сверкающего ботинка «Док Мартинс». – Хотя, если тебе интересно, ходят слухи, что он сейчас холост.

Я улыбаюсь и иду в спальню переодеться.

– Спасибо, но мне как-то не до мужиков, – говорю я через дверной проем.

– Это сейчас так говоришь, надо просто подождать. – Мы выходим на улицу, и она улыбается.

– Тебе, наверное, не терпится увидеть магазин, но Милли и утро – две вещи несовместные.

– Милли? – Имя кажется знакомым, но я не могу вспомнить, кто это.

– Ты ее не знаешь?

Я качаю головой.

– Она была лучшей подругой твоей мамы, – говорит Лайза, посмотрев на меня с каким-то странным выражением. – Она заправляет в магазине с тех пор, как… Элоиза заболела. То есть они начинали вместе, но Милли тогда уже работала адвокатом. Насколько мне известно, она передала все Элоизе много лет назад.

Я киваю.

– Все равно тебе нужно выпить кофе. С этого и начнем. А в магазин можем вернуться после того, как я покажу тебе окрестности. К тому времени настроение у Милли поднимется.

Кафе «Флора» находится всего в нескольких кварталах вниз по улице: голубой навес, уличные столики перед входом. Мы заходим внутрь, и мне в лицо ударяет волна теплого, вкусно пахнущего воздуха. Я заказываю нам по булочке с корицей и по двойному эспрессо. Лайза тем временем флиртует с сильно разрисованным парнем за стойкой и любуется татуировкой змеи, обвивающей его предплечье.

– Ну а что ты делаешь – в смысле, кем работаешь? – спрашиваю я, когда мы садимся за столик у окна. Я вспомнила ее вчерашний напряженный телефонный разговор с боссом.

– Личным помощником, – угрюмо говорит она, – у диктатора.

Я приподнимаю бровь.

– Вроде Ким Чен Ына?

– Типа того, – говорит она, отпивая эспрессо. – Десять лет назад он изобрел какой-то непонятный технический виджет, который сделал его богаче самого Бога, и теперь платит мне гроши за то, чтобы я организовывала его жизнь – покупала билеты в театр, забирала вещи из химчистки, подстригала когти пуделю его парня и служила личной боксерской грушей, когда у него неудачный день.

– Кошмар, – говорю я.

Она приветственно машет какой-то знакомой и снова поворачивается ко мне.

– Вообще-то, предполагалось, что эта работа будет только временной. Прошло семь лет, и угадай, кто до сих пор таскает белье в прачечную. Ну а ты? Чем ты занимаешься в своем?..

– Сиэтле, – добавляю я. – Была библиотекарем и книжным блогером, а теперь, наверное, я… хозяйка книжного магазина.

Лайза сияет.

– С твоим опытом ты будешь находкой для магазина! Если, конечно, сможешь уговорить Милли кое-что изменить.

– Расскажи о ней.

– Милли, – помолчав, говорит Лайза, – замечательная, но может быть крепким орешком. Она обожает тех, кого любит, а остальные… Что ж, бог им в помощь.

Я с трудом сглатываю.

– Говоришь, они с моей мамой были лучшими подругами? Это было ужасно давно, но, кажется, в детстве я о ней что-то слышала.

Лайза кивает.

– Да, подруги детства. Они вместе открыли книжный магазин, хотя Милли начинала собственную юридическую карьеру. Но когда твоя мама заболела, она как раз вышла на пенсию и смогла помочь.

– Очень мило с ее стороны, – говорю я. – Но теперь, когда я здесь, я могу… все уладить.

– Легче сказать, чем сделать, – говорит Лайза. – Возможно, чтобы заставить ее уйти, потребуется квалифицированная парламентская комиссия. – Она замолкает и вопросительно смотрит на меня. – «Книжный сад» – все, что у нее осталось от твоей мамы, и она яростно цепляется за него.

Не пойму, то ли Лайза просто вводит меня в курс дела, то ли дает мне тонкое предупреждение.

– Жаль, что ты так ни разу и не приехала, – говорит она. – До того, как она… скончалась.

– Послушай, – говорю я, приняв слегка оборонительный тон. – Мои отношения с мамой были… сложными. Если ты не против, я бы предпочла не вдаваться в подробности.

– Хорошо, – быстро говорит она. – Я все понимаю. Извини. Не хотела поднимать больную тему.

Я киваю, вымученно улыбнувшись.

– Ну что, продолжим экскурсию?

Ее лицо смягчается. Мы выходим из кафе и идем дальше.

– Кроме «Флоры» тут есть прелестное итальянское заведеньице «Боттега», где можно пообедать и поужинать, а за углом «Чатни», карри-хаус. У них просто потрясающие салаты. – Она похлопывает себя по заду. – На которые мне и нужно налегать, если я хочу когда-нибудь избавиться от этих двенадцати фунтов.

Я улыбаюсь. Дальше на пути продовольственный рынок, по ее словам, самый близкий к дому.

– Хлеб покупай в пекарне Le Petit, если, конечно, вы, американцы, еще такое едите. У вас же вся страна объявила войну углеводам, разве нет?

– Только не я. Я сдалась врагу.

– Это в тебе говорит практичная английская кровь. – Она показывает мне местный хозяйственный магазин, парикмахерскую и магазин, где продают мороженое – сорт со вкусом карамельного крема я обязательно должна попробовать.

К нам приближается какая-то парочка, и Лайза машет рукой. На нем черная кожаная куртка и армейские ботинки; у нее короткие обесцвеченные волосы и кольцо в носу.

– Это Валентина, – говорит она им и представляет мне Джорджа и его подругу Лилли. Оказывается, Джордж играет в группе, которая завтра вечером будет выступать в соседнем пабе. Лайза заверяет их, что придет.

– Пошли вместе! – распрощавшись с ними, говорит она мне.

– Ну, не знаю… Не уверена, что это… мое.

– Чепуха, – машет она рукой. – Пойдем. К тому же мне требуется поддержка. Лилли увела его у меня и прекрасно об этом знает. Пусть покрутится.

Я выслушиваю подробности их истории, пока мы идем дальше по улице, вдоль которой выстроились таунхаусы пастельных тонов, бутики, галереи и кафе.

– И не забывай, Риджентс-парк совсем рядом, – добавляет она, – отличное место, чтобы устроить пикник или запустить воздушного змея, хотя Мэри Поппинс я изображать не собираюсь.

– Учту, – говорю я, улыбаясь, и слышу, что у меня в сумке звонит телефон. Откопав его, вижу, что это Джеймс Уитейкер из «Бевинс и партнеры», и переключаю звонок на голосовую почту. У меня нет настроения вникать в нудные имущественные подробности, во всяком случае не сейчас. Лучше пойти в парк и, может быть, запустить воздушного змея.

В книжный магазин мы возвращаемся вскоре после полудня. Уютное помещение исполнено естественного очарования, как страница из любимой антологии детских стишков: повсюду подушки, пуфики, мягкие стулья и диванчики, где можно посидеть с книжкой и просто отдохнуть. Я представляю себе, как мама впервые вошла в это пустое пространство – чистый лист для ее воображения: синие бархатные портьеры, хрустальная люстра, яркие турецкие ковры, смягчающие цвет дерева широких досок пола, даже колокольчики на ручке двери – в этом была она вся.

– Ну что, похоже на книжный твоей мечты? – спрашивает Лайза, наблюдая мою реакцию.

– Да, – тихо говорю я, чувствуя себя все более ошеломленной.

– Подожди здесь, – говорит она. – Я поищу Милли. Она, наверное, в подсобке.

Я замечаю, что полки из орехового дерева от пола до потолка снабжены стальными рельсами для лестниц. Я влезаю на одну их лесенок и еду на ней вдоль ближайшей стены.

Пока я катаюсь, возвращается Лайза, а с ней пожилая женщина, очень высокая, ростом метр восемьдесят, а то и выше. Седеющие волосы собраны на макушке в пучок, отчего она кажется еще внушительнее.

– Милли, – кашлянув, говорит Лайза, – это Валентина, дочь Элоизы. Она недавно приехала.

Милли возится с очками в темной оправе, висящими на цепочке у нее на шее, как будто не может поверить в то, что видит. Наконец она надевает их и окидывает меня долгим взглядом. Теперь она может убедиться, что Лайза говорит правду.

Немного волнуясь, я спускаюсь с лестницы.

– Рада наконец познакомиться с вами, – говорю я ей, протягивая руку.

Но она не произносит ни слова. Не пойму, разочарована она, возмущена, удивлена или испытывает все эти чувства одновременно. Лайза сказала, что Милли – мамина ровесница, значит, ей около семидесяти, но лицо у нее довольно молодое, хотя она и хмурится.

Она подходит к кассовой стойке, тянется за какой-то коробкой, ставит ее на пол и при этом опрокидывает локтем стаканчик, из которого торчат ручки. «Черт возьми», – говорит она с раздраженным вздохом и наклоняется, чтобы собрать рассыпанное. У нее широкие, размашистые жесты – ни дать ни взять Джулия Чайлд[9], с грохотом и лязгом снующая по своей кухне.

– Посмотри, кто подошел поздороваться, – говорит Лайза, нарушая неловкое молчание.

Кот, которого я вчера видела в окне, с тихим мурлыканьем трется о мою ногу.

– Как его зовут? – спрашиваю я, присев, чтобы погладить его.

– Персиваль – говорит Лайза. – Можно просто Перси. – Она улыбается. – Ты ему определенно нравишься.

– Персиваль – очень дружелюбный кот, – говорит Милли, не сводя с меня глаз. – Ему все нравятся.

– Не обращай внимания, – шепчет мне Лайза, когда Милли ныряет за прилавок. – Ей просто нужно время, чтобы привыкнуть к твоему присутствию.

Я киваю.

– Нам, наверное, лучше уйти.

– Нет, – шепчет она. – Сейчас она придет в чувство.

Вслед за Лайзой я подхожу к прилавку, где Милли изучает высокую стопку книг, опасно накренившуюся вправо.

– Ага, – говорит она, указывая на синий томик в твердом переплете из самой середины стопки. Она выдергивает его, каким-то образом сохранив книжную башню нерушимой. Прямо олимпийская чемпионка по «Дженге»[10].

– Наконец-то, – говорит она, улыбаясь про себя. – Весь день ищу это издание «Ребекки»[11]. Эвелин Джонсон будет счастлива.

Дверные колокольчики звякают, и в магазин неторопливо входят несколько посетителей. Мужчина средних лет направляется прямиком к Милли и просит помочь ему найти для сына одну из книг о Гарри Поттере. Она кивает и ведет его к полке в другом конце комнаты.

– Эти мальчишки со своим «Гарри Поттером», – говорит она, вернувшись, и пожимает плечами. – Как бы мне хотелось, чтобы их интерес к литературе распространился за пределы Хогвартса. – Она протяжно вздыхает. – Но все равно это лучше, чем ужасные книжки типа «Дневник плаксивой крошки».

Тут срабатывает мой инстинкт библиотекаря.

– Ну, если его сын хоть что-то читает, это уже о чем-то говорит, – заявляю я.

Милли поднимает взгляд от прилавка, по-видимому, удивленная моим замечанием.

– Имею в виду, – я замолкаю, подыскивая слова, – что чтение ведет только к дальнейшему чтению. В детстве я читала все, что под руку попадет, – от классики до «Клуба нянек»[12]. Если ребенок найдет книгу, которая ему понравится, он будет стремиться снова испытать это чувство, читая другие, самые разные истории.

Милли опускает очки на кончик носа и с любопытством смотрит на меня сверху вниз.

– Прекрасная теория, – язвит она, снова поворачиваясь к стопке книг. – Жаль, что это только домысел.

– Это как посмотреть, – говорю я. – Многие исследования грамотности в последние годы доказали, что эта «теория» верна, и я лично убедилась в этом на практике. – Я улыбаюсь. – Я библиотекарь.

– Ну что ж, – говорит она с некоторым удивлением. – Наверное, вам, как специалисту, не очень понравится мой метод управления этим магазином с тех пор, как пошатнулось здоровье вашей матери. А теперь давай рассказывай, что у тебя на уме. Не ходи вокруг да около. Новые компьютерные каталоги? – Она театральным жестом хватается за голову. – Онлайн-заказы? Какая-нибудь чушь в социальных сетях? Книжный блог? Господи, воля твоя.

Очевидно, она никогда не видела моего аккаунта @booksbyval. Я улыбаюсь и включаю чувство юмора.

– А вы никогда не рассматривали возможность доставки книг с помощью дрона?

Я хотела только разрядить обстановку, но у Лайзы такой вид, будто она вот-вот разразится истерическим смехом либо покроется крапивницей.

– Я просто пошутила, – объясняю я. – Про дроны.

Но Милли не смеется.

Лайза чувствует нарастающее напряжение и вмешивается:

– Ладно тебе, Милли. Не беспокойся. Валентина пришла, чтобы помочь. В конце концов, она – дочь Элоизы.

– Ну, твоя мать была самой отважной женщиной из всех, кого я знала, – задумчиво говорит Милли. – Она рисковала всем, чтобы следовать зову сердца.

Я слушаю Милли с горящими щеками и открываю рот прежде, чем могу себя остановить:

– Довольно необычное определение слова «отважная».

Взгляд Милли сверлит меня, как лазер.

– Валентина, – начинает она. – Я не знаю, что тебе сказали или что ты себе напридумывала, но я хочу, чтобы ты поняла: то, что произошло… пойми, совсем не этого она хотела и не это замышляла.

Ее слова только разожгли огонь, тлеющий у меня внутри.

– А чего же она хотела? – спрашиваю я резким и визгливым голосом, хотя мне грустно, и ничего более. – Объясни мне, пожалуйста. Потому что все эти годы я умирала от желания узнать, почему мама – моя мама – ушла так внезапно и пропала навсегда. Почему у нее ни разу не нашлось свободной минутки, чтобы позвонить мне в мой день рождения или… не знаю… навестить меня в Рождество? Да что угодно! – Все давние чувства прорвались на поверхность, и я знаю, что уже не сумею их подавить. – Почему? Почему она так и не вернулась домой? Ко мне. К семье.

Милли серьезно качает головой, яркий свет люстры подчеркивает морщинки вокруг ее глаз.

– Ты правда ничего не понимаешь, да? Ты действительно не имеешь представления…

Прежде чем я успеваю понять, что она имеет в виду, не говоря уже о том, чтобы рискнуть ответить, колокольчики на двери снова звякают, и в магазин врывается всклокоченная женщина лет пятидесяти пяти. Она ставит на прилавок большую коробку.

– Вы ведь принимаете подержанные книги?

– Конечно, – говорит Милли, заглядывая в коробку. – Ну-ка, что у нас тут?

– Ох, не знаю… Это книжки мужа. Я прибираюсь в его кабинете, пока он в командировке. Всюду навалены книжки. На самом деле я спасаю его от самого себя. Ему недолго осталось, чтобы сделаться… – Она замолкает. – Знаете, одним из психов, которых показывают по телевизору, – тех, что живут в кучах хлама.

– Старьевщиком? – подсказывает Лайза.

– Вот именно! – говорит женщина, ослабляя удавку шарфа на шее. – Именно старьевщиком. У него слишком много книжек.

Мы с Милли обмениваемся понимающими взглядами, и впервые между нами наступает миг… согласия. Как бы ни осуждала эта женщина «дурную привычку» мужа, мы твердо знаем одну и ту же истину: в том, чтобы иметь слишком много книг, нет совершенно ничего плохого.

Однако Милли подыгрывает ей:

– Так, значит, у него некоторые проблемы?

Женщина раздраженно кивает.

– На днях он вообще предложил превратить гостевую спальню в библиотеку. Библиотеку!

– О-о, – говорит Милли, с деланым сочувствием качая головой. – Это… ужасно. – Она открывает коробку, берет сверху книгу в кожаном переплете и открывает ее. – Первое американское издание «Грозового перевала» Эмилии Бронте. – Она показывает нам титул. – Эмилию перепутали с ее сестрой Шарлоттой. Видите, в выходных данных сказано: «написавшая также „Джейн Эйр“». Это особенные книги. Вы уверены, что ваш муж готов продать их?

Она пожимает плечами.

– Он преподает английскую литературу. Если бы мы хранили каждую книгу, которая попадает к нам дом, я бы не могла войти в собственную кухню.

– Ну, если вы уверены, что хотите расстаться с ними…

– Уверена, – мгновенно отвечает женщина. – И дома еще коробок десять.

– Тогда ладно, – продолжает Милли. – Мне может потребоваться немного времени, чтобы разобраться.

Женщина поворачивает в сторону улицы, где у входа в магазин припаркован внедорожник с мигающими аварийными огнями.

– Послушайте, вообще-то я спешу. Может быть, просто дадите мне двадцать фунтов, и будем в расчете?

Глаза Милли округляются.

– Должна сказать вам правду, – говорит она. – Эти книги стоят больше двадцати фунтов.

– Хорошо, давайте пятьдесят. Я уже полчаса назад должна была забрать дочь с соревнований, и при таких скоростях непременно снова опоздаю на занятия пилатесом.

– Ну ладно, – говорит Милли, записывая покупку в гроссбух и вручая женщине товарный чек на подпись. – Пятьдесят так пятьдесят.

– Вот так, – говорит Милли после того, как женщина убегает. – В конце концов, не все любят книги.

– Кто-то теряет, кто-то находит, – пожимает плечами Лайза.

Мы все вместе рассматриваем книги. Милли изучает в одной из них страницу с выходными данными, а я беру одно из ранних изданий К. С. Льюиса.

– Можете ли вы хотя бы представить, чтобы ваш супруг делал что-то подобное за вашей спиной? – говорю я, и мои мысли внезапно обращаются к Нику. – Вообще-то я могу.

Лайза кивает.

– Хотела бы я обернуться мухой на стене в этом доме, чтобы посмотреть, какой ад ей устроит муж, когда вернется домой. Так и вижу заголовок: «Последняя новость: мужчина убил жену за продажу коллекции редких книг».

Милли в своей стихии: она перебирает сокровища в коробке.

– Один из моих любимых литературных триллеров, – говорит она, потрясая неизвестным мне романом.

Она подходит к ближайшему книжному шкафу и ставит книгу на среднюю полку; мы с Лайзой следуем за ней. Я внимательно осматриваю множество изданий, и хотя очевидный беспорядок в расстановке причиняет боль моей библиотекарской душе, я знаю, что пока лучше промолчать. Я переключаюсь на сами книги, и одна из них привлекает мое внимание.

– Ну-ка, что это, – говорю я, доставая с полки знакомый том. Конечно, я сразу узнаю его. «Последняя зима». Вскоре после того, как ушла мама, библиотекарь предложила мне прочитать ее. Мне всегда казалось, что у нее есть шестое чувство. Как еще ей могло прийти в голову откопать на верхней полке этот пыльный старый экземпляр? Забытый роман для забытой девочки. И я перечитывала его снова и снова. Он стал музыкой моего больного сердца, барабанной дробью, под которую я прорывала оцепление и в подростковом возрасте, и позже. Я, должно быть, прочитала его не меньше десятка раз.

Милли заглядывает мне через плечо.

– Старый друг?

– Да, – говорю, ничего не объясняя, и провожу рукой по краю обложки. В суматохе развода и продажи дома я потеряла свой любимый экземпляр и очень расстроилась.

Но Милли просто пожимает плечами.

– Так возьми ее себе.

– Спасибо, – говорю я, еще раз заглядывая ей в глаза и ища в них хотя бы малейший признак желания заключить мир.

– Давай без глупостей, – говорит Милли с равнодушным видом. – Ведь это теперь твой магазин.

Она, конечно, права. Этот, как там его, из «Бевинс и партнеры», объяснил, что Милли отдала свой пакет акций много лет назад. Она просто констатировала факт, и все же от ее слов волосы у меня на затылке встают дыбом.

– Не позволяй ей наезжать на тебя, – говорит Лайза, когда мы проходим следующий квартал по направлению к рынку. – Под этой суровой внешностью Милли на самом деле просто душка-старушка. Вот увидишь.

Я неохотно киваю, благодарю ее за экскурсию по Примроуз-Хилл, и мы расстаемся. Оставшись наедине со своими мыслями, я хватаю тележку и бесцельно брожу по проходам рынка. Мне всегда нравилось покупать продукты, особенно вместе с Ником. Когда мы только поженились, я с нетерпением ждала, что мы после работы поедем в «Здоровую пищу». Он толкал тележку, а я ее загружала. Мы были командой, а потом она распалась.

Я вздыхаю, разглядывая иностранные этикетки на банках и коробках. Йогурт выглядит по-другому. Все не такое. Через полчаса я кладу на товарную ленту то, что выбрала: буханку хлеба, коробку мюсли, пакет того, что показалось мне сливками, клубнику, три бутылки дешевого французского бургундского, кусочек бри и одинокое яблоко. Этот случайный, несогласованный и бессмысленный набор кажется мне сейчас метафорой моей жизни. Я и есть все эти продукты.

С пакетом я возвращаюсь в квартиру, плюхаюсь на диван и наконец прослушиваю голосовое сообщение от Бевинса и партнеров. Новости не очень хорошие. Огромный налог на наследство (гораздо больше, чем я могу позволить себе заплатить) должен быть выплачен в течение шести месяцев, то есть как раз перед Рождеством или сразу после него.

Счастливого Рождества.

Конечно, теперь у меня есть книжный магазин и дом, но из-за бракоразводного процесса наличных денег мало, а ликвидных активов, чтобы покрыть налоги, у меня нет. Если бы только Ник не был так одержим идеей продать дом так быстро – и себе в убыток. Но «Бевинс и партнеры» предложили быстрое решение: «К счастью для вас, к нам обратился потенциальный покупатель-застройщик, который готов заплатить достойную цену».

Я выпускаю из рук телефон и откидываю голову на спинку дивана, пытаясь логически оценить ситуацию: я не могу заплатить налог на наследство, а другого разумного решения нет. Можно все продать, как предлагают адвокаты, и остаться, в лучшем случае, с небольшой прибылью или, возможно, просто без убытков. Это был бы печальный конец двадцатилетней работы магазина, но почему я должна переживать о заведении, на которое моя мать променяла собственную дочь, то есть меня?

Я вспоминаю причудливый маленький магазин, мурлыкающего Перси в витрине, даже сварливую Милли за прилавком – что ни говори, я уже успела во все это влюбиться.

– Теперь это твой магазин, – проницательно сказала Милли. Как же она права – вплоть до последнего счета, который нужно оплатить.

Я оглядываю мамину комнату, ища напоминаний о ее жизни, начиная с подушек на диване и заканчивая ее любимыми книгами, выстроенными в ряд на полке. Каждая мелочь, которую она привезла домой с блошиного рынка или из букинистического магазина, пропитана ее существом, и глядя на все это, я не могу не дать воли нахлынувшим чувствам. Как изношенная плотина, в которую бьет волна, я готова прорваться, и это в конце концов происходит. Слезы нарастают медленно, а потом превращаются в стойкую и сильную волну.

Выплакаться – дело хорошее, но теперь я чувствую также потребность в общении. После развода я публиковала в Инстаграме все меньше и меньше постов – все из-за суеты с продажей дома и с подготовкой к отъезду в Лондон, говорила я себе. Но теперь отговоркам конец. Я просто пряталась – от подписчиков, от мира, от людей. Хотя в постах я редко рассказывала о своей личной жизни, мое счастье было настоящим. Просто потому, что оно было. По крайней мере, раньше. Что бы сказали сорок тысяч подписчиков, которые с нетерпением ждали моих книжных рекомендаций и размышлений, если бы узнали правду? Почувствовали бы они, что те, кого я любила, бросили меня, а я стою на грани финансового краха?

Ни одна книга в мире не может этого изменить.

Я делаю энергичный выдох и берусь за телефон. Быстро просматриваю свою ленту, читаю новые комменты и личные сообщения. «У тебя все в порядке? – вопрошает один из

подписчиков. – Ты в этот раз не опубликовала #Пятничные сообщения. Собираюсь в отпуск на следующей неделе, и мне нужно знать, что положить в чемодан!»

Какая мне разница, скучает ли по моим постам Лия из Нью-Джерси, или Валери из Оклахомы, или Мэй из Торонто? И все же приятно, когда кому-то тебя не хватает. Этого достаточно, чтобы дать мне силы поделиться чем-то более личным.

Я фотографирую обложку «Последней зимы», немного регулирую яркость, выбираю свой любимый фильтр и начинаю печатать:

«*Жизнь похожа на роман, и, честно говоря, друзья, моя жизнь, кажется, приняла трагический оборот. Не волнуйтесь, со мной все в порядке, но в сюжете появились некоторые перипетии. Как хорошо, что на свете есть книги, верно? Если я кому-то нужна, то я здесь, вместе со старым любимым романом (всегда бальзам на душу). Это „Последняя зима“, которую я читала много раз, но сейчас нуждаюсь в ней больше, чем когда-либо, потому что книги – старые друзья. Действие этого романа малоизвестной писательницы Элли Грейвз, опубликованного в 1934 году, разворачивается в Нью-Йорке 1920-х годов. В нем подробно описывается запретная любовная связь между Чарльзом, женатым врачом и начинающим политиком, и девятнадцатилетней французской эмигранткой Сезанной, балериной, которая всю жизнь отчаянно пыталась скрыть свою смешанную расовую принадлежность от всего мира – даже от Чарльза.*

Трагический и эмоциональный сюжет „Последней зимы“ запомнился мне надолго, хотя книга уже много лет не переиздавалась (не беда, бесстрашный районный библиотекарь наверняка отыщет для вас экземпляр!). Мое издание пропало без вести после моего недавнего развода и переезда…»

Тут я задумываюсь, не удалить ли эту последнюю строку, но мне нравится быть откровенной, и я оставляю ее на экране.

…«И сколько я ни искала в интернете замену, увы, все было тщетно. До сегодняшнего дня!»

Я оправляюсь в постель с «Последней зимой», горя желанием вновь погрузиться в знакомую историю, а особенно – встретиться с ее персонажами, моими старыми друзьями. Перед этим я в последний раз

проверяю свой аккаунт. Лайки и смайлики сыплются потоком. Читатели делятся историями о давно потерянных книгах, о своем горе. Я присоединяюсь к разговору, добавляя новый пост.

Чем книги отличаются, например, от фильма? Тем, что их можно держать в руках. Когда ваш собственный мир кажется слишком мрачным, книга становится порталом в любое место. Вы можете спрятаться на страницах, задержаться там для утешения или защиты. А что лучше всего? То, что неважно, семь тебе или шестьдесят семь, любимая книга – как старый друг, который ждет тебя с распростертыми объятиями, и сейчас для меня это «Последняя зима».

Я опускаю голову на подушки, страстно желая вернуться в мир Сезанны. Но открыв первую страницу, с некоторым удивлением обнаруживаю в верхнем углу пометку от руки:

«*Это, наверное, самый прекрасный вступительный абзац во всей литературе*».

Я с любопытством перечитываю эти слова, и мои руки покрываются мурашками. Я полностью согласна с этим. Хотя я знаю множество библиотекарей, которые никогда не стали бы делать записи на полях, должна признаться, что сама порой пишу на страницах (конечно, если книги принадлежат мне). Но, если оставить этот вопрос в стороне, само по себе замечание весьма справедливо. Книга никогда не была бестселлером и не получила Пулитцеровской премии, но в ней множество строк, звучащих как песня. Я снова перечитываю начало, так что слова прочно оседают в моем сознании.

«Сезанна заставляет свое гибкое тело принять нужную позицию и окидывает взглядом зал. В бурном море человеческих лиц она видит только одно. Его лицо».

Я прижимаю руку к груди, строчка поражает меня в самое сердце, как и в первый раз, когда я ее прочитала. На следующей странице я нахожу еще одну пометку рядом с подчеркнутым отрывком: «Описание того, как она зашнуровывает пуанты, напоминает, что она скована цепями, связана правилами общества».

Как забавно. Я подумала о том же самом.

Далее, на восьмой странице, еще одна заметка: «Снег – метафора перемен, жизненных сил, которые нам неподвластны. Заметьте, как

ведет себя Сезанна в метель в 1922 году».

Да, именно так! Я киваю. Ее назначили на главную роль в самом престижном балете года. Это стало бы в ее карьере величайшим шансом, дающим ей средства, чтобы поддержать обедневшую семью. Но в ту же ночь на город обрушивается снежная буря, а новый хореограф отстраняет Сезанну от роли. Несмотря на мрачные перспективы, она выбегает на улицу и танцует – погружаясь в падающий снег, находя красоту среди темноты.

Интересно, кто этот таинственный комментатор? Не в силах сдержать любопытство, я пролистываю книгу в поисках подсказки, и на внутренней стороне обложки нахожу имя «Дэниел Дэвенпорт» и номер телефона.

Бегло просмотрев страницы, я вижу, что в книге полно еще более интригующих заметок, разбросанных по всему тексту. Я хочу изучить их все. Одна из них, на шестьдесят восьмой странице, гласит: «Вот бы попасть в Нью-Йорк Сезанны!».

Это желание кажется до жути знакомым, как будто вырванным из глубин моего мозга.

Сгорая от любопытства, я копаю дальше, и тут мне на колени выскальзывает маленький конверт. Точно такой же, как тот, который я нашла вчера, от мамы, и на нем тоже стоит мое имя. В ее предыдущей записке я не смогла уловить никакого смысла («вспомни наши весны, лета и осени, а особенно последнюю зиму»), но теперь мне все ясно.

Милая Вэл, ты нашла одну из моих любимых книг, как я и предполагала. Как я всегда говорила, книги умеют находить нас, когда мы больше всего в них нуждаемся. Вот ты и нашла «Последнюю зиму». Я обещала тебе несколько сюрпризов, и эта книга – только начало. Прими это близко к сердцу, и, пожалуйста, милая девочка, пусть твое прекрасное сердце будет открытым и любопытным, когда читаешь между строк. Впереди еще так много всего, моя маленькая птичка.

Твоя следующая остановка – кулинарная, а рядом растут цветы. Найдешь меня на четвертой полке. Я буду ждать.

С любовью,

мамуля

Глаза щиплет от слез, но я снова и снова перечитываю записку, пытаясь понять ее смысл. «Пусть твое сердце будет открытым»? Что, черт возьми, это значит? И что за кулинарная остановка, где растут цветы? Мама любила игру в поиск сокровищ: когда я была маленькой, она постоянно устраивала для меня такие поиски. И теперь придумала этот последний, промолчав перед этим всю вторую половину моей жизни. Почему? Почему сейчас?

Я снова открываю внутреннюю страницу обложки и рассматриваю имя, написанное синими чернилами. Может быть, этот загадочный человек и есть ключ ко всем загадкам?

Кто ты, Дэниел Дэвенпорт?

Глава 6

Элоиза
Три месяца спустя
19 апреля 1968 года

Я отказалась от приглашения Фрэнка на ужин в «Ритц» – даже от двух приглашений, – но это его не смутило. Оба раза он посылал мне домой цветы и звонил по десятку раз.

Я должна была радоваться его интересу и вниманию ко мне, но единственное, о чем я могла думать, – это Эдвард, удивительный бар-библиотека и вечер, который просиял обещанием и закончился тайной. Он не пришел на следующий день в бистро «У Джека» и не позвонил. Иное дело Фрэнк.

Бедная Милли: когда он позвонил в пятый раз, я упросила ее аккуратно послать его подальше от моего имени. «Эл, – сказала она потом. – Ты разобьешь сердце этому бедняге».

Даже Милли – прямолинейная Милли – не смогла противостоять упорству Фрэнка. Он появился в нашей квартире в следующую субботу с двумя билетами на концерт Сэмми Дэвиса-младшего и ни словом не заикнулся о наших скромных жилищных условиях. В его глазах я была герцогиней, даже принцессой. И кто мог бы устоять перед Сэмми Дэвисом-младшим? Только не Милли. В тот вечер она шепнула мне на ухо: «Если ты не пойдешь, придется пойти мне».

Так что в тот вечер я отправилась с Фрэнком. Может быть, роль сыграла музыка или коктейли, но я позволила ему поцеловать меня под фонарем на Трафальгарской площади.

После этого я стала привыкать к Фрэнку. Хотя у нас было мало общего – в конце концов, ему больше рассказывали цифры, чем слова – и в его присутствии у меня внутри бабочки не кружились, я от души наслаждалась его обществом, или, скорее, мне нравилось, что он наслаждался моим.

– Посмотри на себя, – сказала Милли, когда я готовилась к очередному субботнему свиданию с Фрэнком. – Ты сияешь, как влюбленная женщина.

Это было не столько утверждение, сколько остроумно замаскированный вопрос – сразу виден будущий адвокат, причем хороший, искусно вытягивающий правду из ничего не подозревающего свидетеля.

Милли видела меня насквозь, как никто другой, но моя уклончивость по поводу Фрэнка ставила в тупик даже ее. И она таким образом прощупывала почву. Разглаживая подол платья, я спросила себя, знает ли она, что я думаю вовсе не о Фрэнке, а о пиджаке, висящем в шкафу в прихожей и принадлежащем другому мужчине, и своем разочаровании тем, что после изумительного вечера в маленькой библиотеке Эдвард… пропал.

В назначенный мной для встречи день я пришла в бистро Джека и прождала целый час, каждый раз поворачиваясь на барном стуле в углу у стойки, когда кто-нибудь входил. Но все напрасно. Никто из них не был Эдвардом.

Я подумывала о том, чтобы навести о нем справки, заявиться в клуб, даже попробовать поискать его, но все это казалось слишком опрометчивым. Если бы я его интересовала, по-настоящему интересовала, он оказался бы там, материализовался на барном стуле рядом с моим, чтобы мы могли продолжить с того места, на котором остановились в библиотеке. Но он не пришел, и все тут.

– Ну так как? – не отставала Милли.

Я не люблю Фрэнка, подумала я, но мне нравится, что он обожает меня. Может ли его любви хватить на нас обоих?

Я проигнорировала вопрос подруги и открыла окно спальни, вдыхая свежий весенний воздух. Была середина апреля, на задах домов расцветали вишни, а обвязанные бечевкой букеты пионов величиной с обеденные тарелки привлекали покупателей на рынке. И все же именно эта весна казалась… другой, вплоть до пения птиц, щебечущих на дереве за окном. Даже они знали.

– Что случилось, Эл? – спросила Милли, пытаясь поймать мой взгляд, но телефонный звонок дал мне повод сменить тему. Вероятно, Фрэнк. Так и оказалось. Так оказывалось всегда.

– Привет, дорогая, – сказал он. У Фрэнка тоже была весенняя лихорадка. В его голосе слышалось острое нетерпение. – Не хочешь сегодня пойти поужинать в клуб Ретта?

– О, правда? – сказала я, радуясь мысли об ужине в таком шикарном заведении. Я совсем недавно видела в таблоиде фотографию Элизабет Тейлор в этом клубе.

– Постой, а как тебе удалось заполучить столик? Я слышала, что там все заказано на несколько месяцев вперед!

– Потянул за кое-какие ниточки, – небрежно сказал он. – Только лучшее для моей девушки. Заехать за тобой в семь?

Я на миг задумалась, сердце бешено колотилось. Когда-нибудь, может быть очень скоро, Фрэнк захочет от меня большего. И что тогда?

– Элоиза? Кажется, связь барахлит. Будешь готова к семи?

– Да, – поспешно ответила я.

Ночной клуб Ретта оказался именно таким шикарным, как я себе представляла, и порадовалась, что выбрала черное платье и не забыла почистить перчатки (подарок Фрэнка). Туфли, конечно, не от Шанель, но кожаная сумочка, которую я купила с большой скидкой в «Хэрродсе», была достаточно хороша для тусклого освещения. И вообще Фрэнка мало заботили такие детали.

– Добрый вечер, – поздоровался хозяин. Мы сдали в гардероб пальто, и нас при свете фонарика провели вдоль боковой стены в кабинку. Мимо прошел человек, немного похожий на Ричарда Чемберлена, а может быть, это он и был. В конце концов, это именно то место, куда ходят людей посмотреть и себя показать.

– Ну, как тебе здесь? – спросил Фрэнк, потянувшись к моей руке под столом; его пальцы нежно задели мое бедро.

Я нервозно улыбнулась.

– Мне… я… по-моему, здесь чудесно!

Фрэнк выбрал бутылку вина по винной карте, и я не могла не обратить внимание на цену: почти полугодовая арендная плата за нашу квартиру. Когда сомелье наполнил наши бокалы, я почувствовал себя виноватой в том, что опять оставила Милли одну в субботний вечер. Виноватой в том, что…

– Предлагаю тост, – сказал Фрэнк, поднимая свой бокал, – за Лондон и за мою прекрасную Элоизу. И чтобы такие праздники были у нас часто и… всегда.

Всегда. Он сказал «всегда»? Моя рука с бокалом замерла.

– Дорогая, – сказал Фрэнк, уговаривая меня выпить. – Плохая примета, если ты не сделаешь глоток.

Я кивнула и послушно поднесла бокал к губам, капнув красным вином на белоснежную скатерть.

– Что тебя беспокоит, дорогая? – спросил он, наклоняясь ближе. – То, что в следующем месяце я уеду? Ты из-за этого?

Глаза щипало – то ли из-за его одеколона, то ли от соленых слез.

– Да, – пробормотала я, заикаясь. – Из-за этого, конечно, и… я… беспокоюсь о Милли. Теперь, когда она поступила на юридический, у нас проблемы с арендной платой. И… ну, я просто чувствую себя виноватой, что я здесь… с тобой… пью это потрясающее, но дорогое вино. Извини. Я понимаю, что это все звучит бессмысленно.

Его губы расплылись в улыбке, он рассмеялся.

– И это все?

Все? Нет, это далеко не все. Всего лишь верхушка айсберга, но я не могла ему об этом сказать.

– Дорогая, сколько тебе нужно денег?

Я ушам своим не поверила. Фрэнк был щедр, но это казалось уже за гранью.

– Я не могу… – сказал я. – Уверена, мы сами справимся. И, Фрэнк, я все это говорила вовсе не затем, чтобы попросить денег. Я всего лишь…

– Чепуха, – сказал он, доставая чековую книжку. – Тысяча фунтов поможет тебе продержаться какое-то время?

– Фрэнк, я… я не знаю, что и сказать…

– Ничего не говори, – сказал он, – просто позволь мне позаботиться о тебе. Это все, чего я хочу. – Он улыбнулся, и я изо всех сил постаралась ответить ему с тем же теплом, которым он так щедро делился. – Просто пообещай мне, что ты подумаешь о нас и о том, как нам сделать все более… постоянным.

Я с трудом сглотнула.

– Не хочу тебя торопить, – продолжал он, снова кладя руку мне на бедро. – Но, дорогая, ты же знаешь, что мои дела в Лондоне скоро закончатся. – Он кашлянул и прищурился, и я представила, как он с таким же выражением лица анализирует столбцы цифр в актуарной таблице. – Элоиза, ни для кого не секрет, что я люблю тебя, – продолжал он. – Я только прошу подумать о том, как может выглядеть

будущее. Наше будущее. – Он снова кашлянул. – Надеюсь, ты поедешь со мной в Калифорнию – как моя… жена.

У меня отвисла челюсть. Я слышала его слова и не слышала их. Они кружились в воздухе над столом, как обрывки странного сна. Жена. Калифорния. Всегда.

– Скажи, ты читала в газетах о Лондонском мосте? – теперь он говорил легко и непринужденно, словно забыл о серьезности того, что сказал перед этим.

– Нет, – пробормотала я.

– Американский бизнесмен только что купил эту старую штуковину и собирается перевезти ее в Штаты, может быть, даже в Калифорнию. – Он улыбнулся. – Знаешь, милая, это ведь и правда похоже на знак.

Он пытался встретиться со мной взглядом, но я отводила глаза, зная, что моя неуверенность мгновенно предаст меня – и его.

Фрэнк продолжал говорить.

– Нет, ты просто подумай: если Лондонский мост может переехать в Америку, то ты и подавно, верно? Я знаю, ты ненавидишь зиму. В Калифорнии много солнечного света. И цветы цветут круглый год.

Я никогда не говорила ему, что ненавижу зиму. Откуда он знает, что я ненавижу зиму?

Пока он говорил, мои глаза блуждали по залу. Я заметила неоновую вывеску над баром. В слове «Мартини» не горела буква «н», так что теперь она гласила: «Марти и». Будь здесь Милли, мы бы с ней как следует посмеялись. Она бы перебрала всех, в чьей компании могла бы оказаться Марти. Марти и полиция. Марти и собака. Марти и… американцы, к которым она не поедет.

– О чем ты думаешь? – спросил Фрэнк, пытаясь привлечь мое внимание.

Я указала на вывеску над баром и объяснила, почему она кажется мне смешной, но Фрэнк непонимающе уставился на меня и через минуту сменил тему. Он явно не находил это забавным.

Появился официант, и Фрэнк начал расспрашивать его о меню, а я обратила внимание на шикарную пару в вечерних костюмах, сидящую за соседним столиком. У женщины, красотки с платиновыми волосами, собранными в изящный шиньон, была роскошная и –

недаром я работаю в «Хэрродсе» – редкая сумка от Бонни Кэшин для Coach. Мужчина был…

Господи, Эдвард.

Наши глаза встретились всего на мгновение, но какая-то сила пронзила меня, как молния. Даже в тусклом свете я поняла, что он тоже что-то почувствовал.

Думал ли он обо мне в последние месяцы? Почему он не пришел в бистро «У Джека»? Почему не позвонил?

Мое сердце бешено заколотилось. Я отвела взгляд, но желание смотреть на него было невозможно пересилить, и я наблюдала, как Эдвард развлекает свою даму за ужином. Когда она откинула голову назад и рассмеялась, а потом протянула руку, коснувшись его руки, мне стало больно. Интересно, он показывал ей свою татуировку со скрипкой? Знает ли она, что он хочет, чтобы в его ушах всегда звучала музыка?

Я почувствовала на талии руку Фрэнка и повернулась к нему.

– Ты знаешь о моих чувствах, Эл. Но никогда не говорила мне о своих.

Эл. Так звала меня только Милли, и я вздрогнула, услышав это имя из его уст.

Внезапно зал стал похож на смерч, а я оказалась в его центре – потеряла управление, как воздушный змей в Риджентс-парке в ветреный день. Я знала, что должна заставить себя вернуться на землю, и вернулась. Но приземление оказалось жестким. Вот я сижу в модном стейк-хаусе рядом с мужчиной, который без ума от меня, – но это *не тот* мужчина. А *тот* находится достаточно близко, чтобы слышать мой голос, как музыку в ушах.

Мне хотелось подбежать к нему. Мне хотелось убежать с ним. Вот он, миг из романов, которого я ждала всю жизнь, – миг узнавания. Но заодно я узнала и то, что у моей истории не будет счастливого конца.

– Эл, – продолжал Фрэнк. – Что ты скажешь?

Я молча уставилась на Эдварда: он встал, снял свой темный пиджак, повесил его на спинку стула и коротко кивнул мне в знак приветствия. В зале было слишком темно, чтобы разглядеть в его глазах какие-либо чувства, зато их было предостаточно в моих.

Я повернулась к Фрэнку и сосредоточила на нем свой затуманенный взгляд.

– Прости, ты о чем-то спрашивал?

Он улыбнулся.

– Дорогая, кажется вино ударило тебе в голову. – Он коснулся моей руки, но я едва почувствовала его пальцы на коже. – Любовь моя, я прошу твоей руки… и сердца. – Он с трудом сглотнул, и я увидела, как поднимается и опускается его кадык. – Я предлагаю тебе… провести оставшуюся жизнь со мной.

Какая же я дура. Для Эдварда я – всего лишь мимолетное воспоминание. Связь между нами, которую я выстроила в мыслях, – всего лишь художественный вымысел. Все это глупая сказка, я просто сочинила ее.

Я повернулась к Фрэнку, наконец-то уделив ему то внимание, которого он заслуживал.

– Да, – сказала я, на этот раз без колебаний. Получился чисто машинальный ответ. И единственно возможный. – Да, Фрэнк Бейкер. Я выйду за тебя замуж. И поеду с тобой в Калифорнию.

Глава 7

Валентина

– Приветствую тебя, Миллисента Великая, – говорит Лайза, когда мы приходим в магазин после обеда.

Милли машет рукой из отдела детских книг, где возится с двумя мальчиками, которых привела мать.

Стоя в сторонке, я смотрю, как она достает с полки «20 000 лье под водой», и слушаю ее рассказ о капитане Немо и его приключениях в погоне за гигантским чудовищем, обитающем в открытом море.

Мальчики стоят в напряженном внимании. Попались на крючок.

– Прошу прощения, – говорю я, опускаясь на колени на коврик рядом с одним из мальчишек. – Вижу, тебе нравятся приключенческие истории. – Я осматриваю ближайшую полку и достаю «За светлым морем»[13]: у меня еще свежи воспоминания об этой книге, которую я читала несколько месяцев назад, когда замещала библиотекаря в детском отделе во время ее декретного отпуска. Пересказывая сюжет, я так и чувствую на щеках соленый воздух, и мой юный клиент слушает с растущим интересом.

После того как обе книги куплены, Милли машет на прощание и подходит ко мне, в то время как я просматриваю стопку новых книг.

– Извини за мой… вчерашний тон, – говорит она. – Твоя мать вложила в это место всю душу, и… – она оглядывает магазин и в ее глазах читается тысяча воспоминаний. – Думаю, меня просто одолели страхи. Ясно же, что ты здесь для того, чтобы помочь. – Она с усилием сглатывает. – Прощаешь меня?

У меня тоже комок в горле, но я быстро перевожу разговор в более дружелюбное русло. Я рассказываю ей о томике «Последней зимы», который вчера взяла с собой, и о загадочных записях внутри.

– Очень завлекательно, – говорит она, приподнимая бровь.

– И еще я нашла внутри письмо от мамы.

Милли кивает.

– Очень похоже на Элоизу.

– Да, – говорю я. – Она любила охоту за сокровищами. Когда мне было десять, она подбросила в дом пятнадцать улик, которые привели

меня к сундуку, спрятанному в саду.

– И что было внутри?

– Новая книжка моего любимого автора и записка, в которой говорилось, что в морозилке полно моего любимого мороженого.

– Что ж, звучит неплохо.

Я улыбаюсь.

– Но с этим мне может понадобиться небольшая помощь.

– Да?

– Она упомянула кулинарию рядом с местом, где растут цветы. Вроде бы подсказку нужно искать на полке. На четвертой полке.

Милли кивает.

– Дальше по улице есть кафе «Флора», хозяйка была одной из ее лучших подружек.

Прежде чем я успеваю поблагодарить ее или попросить рассказать что-нибудь еще, в магазин входит пара: мужчина и женщина направляются прямиком к Милли.

– Извините, мэм, – хмурясь, говорит женщина. Она примерно моего возраста, ее голос звучит категорично и настойчиво. – Мне нужна ваша помощь. – Она очень хорошенькая, и видно, что она об этом знает; у нее тщательно уложенные светлые локоны и острые, как бритва, черты лица. Черные легинсы и укороченная толстовка с капюшоном подчеркивают ее стройную фигуру.

Милли безмятежно улыбается, как ветеран розничной торговли, закаленный в многочисленных сражениях с посетителями, хотя я знаю, что свою броню она отращивала не столько в книжном магазине, сколько в зале суда.

– Да, конечно, чем могу помочь?

Женщина вздыхает: ясно, что у нее выдался *очень тяжелый день*.

– Мне нужно найти книгу для племянницы – конкретную, ту, которую она хочет. У нее сегодня день рождения, и если я не найду, то… ну, получится нехорошо, вы же понимаете. – Она сгибает руку в локте и прижимает ладонь ко лбу. – Понимаете, полный провал со стороны тетушки.

Ее муж или бойфренд, высокий темноволосый мужчина в сером свитере, кивает Милли, как будто они уже встречались раньше, и уходит в раздел исторической фантастики. Каждый из них по-своему хорош собой, но почему-то вместе они кажутся странной парой.

– Я пыталась заказать книгу в интернете, – продолжает женщина, – но вчера вечером получила электронное письмо, в котором говорилось, что доставка отложена до следующего вторника. Нет, вы представляете? Я заплатила за ночную доставку! И что же получается: пришлось прыгать в машину и ехать в книжный магазин! Сначала я подумала: неужели книжные магазины еще существуют? Неужели интернет не вывел их все из бизнеса?

Мы с Милли обмениваемся понимающими взглядами.

– Но что я в этом понимаю? Вот Эрик, мой парень, – он книжный червь, и он знал об этом магазине. – Она мило улыбается. – Он сказал, что вы сумеете помочь.

– Да, – спокойно говорит Милли, хотя я вижу, что внутри она вся кипит.

«*Неужели книжные магазины еще существуют?*» Это приведет в ярость кого угодно. Что за невежество! Но для нас с Милли такое мнение звучало как объявление войны, и тут наши мнения совпадали. Как она посмела! Я бросаю взгляд на недалеко ушедшего парня, но он то ли не обращает внимания на бредни подруги, то ли изо всех сил старается их игнорировать: судя по выражению неловкости на его лице, я бы сделала ставку на второе.

Но Милли спокойна, как танк.

– Уверяю вас, мисс?..

– Истон. Фиона Истон.

– Мисс Истон, да. Видите ли, дорогая, вы глубоко ошибаетесь. Книжные магазины вовсе не умерли.

– Ну, – говорит Фиона, – я не имела в виду, что они умерли, я просто хотела сказать…

– Ладно, ладно, – говорит Милли. – Не будем тратить времени на чепуху. Как называется книга, которую вы ищете?

Фиона вздыхает.

– У вас, скорее всего, ее нет.

Милли не смущается: она готова принять вызов.

– Давайте все-таки попробуем, – говорит она.

– Она называется «Война, которая спасла мне жизнь», или что-то в этом роде… Может быть, «Война, которая меня спасла».

– Кимберли Брубейкер Брэдли, да, – тут же говорит Милли, указывая на ближайший книжный шкаф. – Вот здесь она и стоит. – Она

берет с полки книгу в мягкой обложке и протягивает своей сомнительной клиентке. – Вот видите, мисс Истон, мы, книготорговцы, не вымерли и не выжили из ума.

– Ну, правильно, конечно, – говорит изумленная Фиона. – Спасибо.

– Я же говорил, что у них она есть, детка, – говорит ее спутник, прислоняясь к ближайшей книжной полке. Он проводит рукой по своим темным волнистым волосам. – Милли найдет тебе все, что угодно.

– Привет, Эрик, – тепло говорит Милли, как будто они уже не раз беседовали с ним о книгах. – Рада наконец-то познакомиться с твоей девушкой.

– Да, – говорит он. – Я целую вечность пытался затащить сюда Фиону, и теперь, когда она занимается дизайном нового бутика по соседству, мне наконец это удалось.

Фиона натянуто улыбается.

– Я дизайнер интерьеров, – объясняет она, открывает сумочку и кладет на прилавок визитку. – На всякий случай, если вам когда-нибудь понадобится помощь, – она делает паузу, оглядывая магазин, – чтобы навести порядок.

Милли вежливо улыбается и незаметно смахивает визитку под прилавок – прямо в мусорную корзину.

– Как это мило. Дизайнер интерьеров. Знаете, Эрик ходит сюда с тех пор, как учился в начальной школе. Если не ошибаюсь, ты был одним из наших первых посетителей, верно?

Он кивает.

– Мама приводила меня слушать, как Элоиза читает вслух. Мне тогда было лет двенадцать, но ее чтение казалось мне… просто волшебным.

При упоминании маминого имени мое сердце сжимается: мне больно думать, что она проводила время с другими детьми в то время, когда больше всего была нужна мне.

– Это дочка Элоизы, Валентина.

Глаза Эрика округляются.

– Не может быть! Правда?

– Рада познакомиться, – говорю я.

– Я так сожалею о вашей маме.

Я киваю.

– Она была совершенно невероятной. И этот магазин… – Он замолкает, оглядываясь по сторонам. – В детстве я провел здесь кучу времени. Мы жили неподалеку, в Кенсингтоне. Если мама не могла меня найти, я непременно оказывался здесь. Ваша мама позволяла мне надолго оставаться в магазине даже после закрытия.

– Здорово, – говорю я, не зная, что и ответить.

– Я знал, что у нее есть дочь в Америке. Она часто говорила о вас. А теперь мы наконец встретились – действительно здорово. Вы когда-нибудь…

– Эрик, дорогой, нам пора, – вмешивается Фиона. – Я обещала сестре, что мы заберем торт, а ты же знаешь, как она ненавидит непунктуальность. – Она улыбается мне. – Очень приятно познакомиться. Как, вы сказали, вас зовут?

– Валентина.

Она морщит нос.

– Валентина. Как необычно.

Эрик чешет затылок.

– Что ж, нам пора. Милли, спасибо тебе. И, Валентина, очень приятно. Я скоро приду еще – этот визит оказался слишком кратким.

Милли улыбается.

– На следующей неделе нам привезут новинки художественной литературы, может быть, тебе они понравятся.

– Тогда до скорого, – говорит он, кивает мне, и вслед за дизайнером интерьера идет к двери.

Когда они уходят, Милли вздыхает.

– Прошу прощения, – говорю я, – но что, черт возьми, он нашел в этой девице?

– Понимаю. Настоящий ходячий кошмар. Они встречаются уже года четыре, во всяком случае, так говорят. Могли бы уже даже пожениться. Жаль. Он такой добрый парень, а она, хм-м… – Милли замолкает и качает головой.

Я пожимаю плечами.

– Ну, ты-то точно ее провоцировала.

– Это неважно, пусть и провоцировала, – продолжает Милли. – На каждом углу есть такие, как Фиона, те, кто не верит в важность книжного магазина по соседству. Но мы докажем, что они ошибаются, верно?

Я машинально киваю, но когда она протягивает мне бухгалтерскую книгу магазина, во мне начинает шевелиться сомнение.

– Боюсь, цифры не впечатляют, – говорит Милли. – Элоиза больше заботилась о сообществе, чем о прибыли. Жаль, что я не заглянула в бухгалтерию раньше. – Она вздыхает. – Но, конечно, есть же какое-то решение.

Если и есть, то мне оно неизвестно. Я вижу только два варианта: все продать и погасить долг по недвижимости вместе с надвигающимся налоговым счетом, или наплевать на логику и продолжать.

Выбор из двух невозможных вещей.

Кафе «Флора» прямо передо мной, и я, приближаясь, замечаю вьющуюся розу, цепляющуюся за фасад здания – пока только голые плети, но скоро они расцветут. Разномастные глиняные горшки свидетельствует о прошлогодних георгинах, лаванде и розах. Это место следующей стратегической подсказки моей мамы: «Следующая остановка – кулинарная, а рядом растут цветы».

Когда я вхожу в кафе, женщина средних лет за стойкой поднимает глаза, убирая прядь каштановых волос с виска. Когда мы заходили сюда с Лайзой, я ее не видела.

– О, мне очень жаль, – говорит она. – Но мы открываемся только в одиннадцать.

– Все в порядке, – говорю я, подходя ближе. В воздухе пахнет свежеиспеченным хлебом и тушеным чесноком, и я внезапно чувствую голод. – Я здесь… по другому поводу. – Представившись, я рассказываю о маминых таинственных записках.

– Значит, ты и есть Валентина, единственная и неповторимая, – говорит она, оглядывая меня с широкой улыбкой. – Твоя мама предупреждала, что ты придешь.

– Правда?

Женщина кивает.

– Я – Джен. Хозяйка этого заведения. Это было одно из ее любимых мест. Ей нравился наш сыр на гриле с кресс-салатом, – вздыхает Джен, вглядываясь в пустое кафе, как будто видит мою маму, сидящую у окна и изящно макающую намазанный маслом хлеб в чашку с томатным супом. Я почему-то как будто вижу это. – Нам всем

ее не хватает. Очень сильно. – Она улыбается, затягивая поясок фартука. – Но теперь у нас есть ты!

– Э-э… да, – говорю я, с усилием сглатывая.

– Даже сказать не могу, как я восхищаюсь тобой за то, что ты заняла место матери и сохраняешь «Книжный сад» на плаву. Не представляю, что бы делал без него Примроуз-Хилл. В некотором смысле, это сердце и душа нашего района.

Чувствуя, что мои ладони становятся влажными, я засовываю руки в карманы джинсов. Я не говорю ей, что будущее магазина висит на волоске. Только улыбаюсь и показываю ей подсказку, оставленную мамой.

– Ага, – говорит Джен с застенчивой улыбкой. – Твоя мама всегда любила поиграть в игры. – Она указывает на книжную полку на дальней стене. – Это что-то вроде маленькой бесплатной библиотеки, где клиенты могут оставлять или брать книги по своему усмотрению. У вас ведь есть такие в Штатах, верно?

– О да, – говорю я, вспоминая миниатюрный домик на столбе, который я установила у обочины перед нашим домом в Сиэтле. Ника это несколько смущало: «уж очень по-библиотекарски». Но мне самой ужасно нравилось. Я отыскивала в букинистических магазинах свои любимые книги – в том числе детские – и прятала в своей библиотечке, а потом усаживалась в кресло у окна гостиной и наблюдала, как люди останавливаются и выбирают книжку или кладут в ящик свою в обмен.

Я бросаюсь вперед, к примроуз-хилловскому двойнику моего книгообмена, над которым висит табличка: «Одну возьми, одну положи. Приятного чтения».

– Это все твоя мама сделала, – говорит Джен, наблюдая, как я обшариваю четвертую полку снизу, как и было указано в записке. Но хотя я тщательно осматриваю каждую книгу, все оказывается впустую, и я оборачиваюсь.

– Может быть, я что-то упустила? Здесь ничего нет.

– Ах да, – говорит Джен. – Посмотри повнимательнее в дальнем правом углу этой полки.

Я следую ее указаниям и сразу же замечаю маленькую петлю, которая практически сливается с деревянным задником полки. Я слегка толкаю ее, и открывается крошечная дверца: оказывается, за

полкой есть потайное отделение, достаточно просторное, чтобы вместить одну книгу – в данном случае зачитанный (то есть основательно потрепанный) экземпляр «Маленьких женщин». Я торопливо перелистываю страницы книги, пока не нахожу записку внутри и нетерпеливо вскрываю конверт.

Валентина, поздравляю с тем, что ты нашла третью подсказку, моя дорогая девочка. Пожалуйста, обними Джен за меня. (И если тебе когда-нибудь станет грустно, попроси ее приготовить тебе ее знаменитый куриный суп. Это противоядие.) Я надеюсь, что ты влюбилась в Примроуз-Хилл так же сильно, как и я, когда впервые его увидела. Разве он не прекрасен?

Теперь следующая подсказка, и, пожалуйста, слушай внимательно: пускай меня и не будет рядом, чтобы вытереть твои слезы, в этом районе живут добрые люди. Считай их своими родными, как считала я. Когда тебе понадобится утешение, обратись к ним, свернись калачиком в детской и послушай, как бабушка говорит: «Тсс». Я буду ждать.

С любовью, навсегда,

мамуля

– Ну что, нашла подсказку?

С пересохшим горлом я киваю.

– Со временем станет легче, – говорит она.

– Нет, правда, – отвечаю я. – Все… в порядке.

– Дорогая, ничего не в порядке, и это естественно. Я тоже потеряла мать пять лет назад. Горе накатывает приливами и всплесками. Сегодня ты на седьмом небе, а назавтра тонешь в луже слез.

– Ты, наверное, не знаешь, – говорю я, успокаиваясь. – Мама ушла, когда мне было двенадцать. Я… больше никогда ее не видела, а потом она… умерла.

– Я знаю, – говорит она. – Со временем все будет хорошо. Вот увидишь.

– Ладно, – говорю я со вздохом. – Мне пора. А к тебе скоро явится толпа голодающих.

– Послушай, – говорит Джен, прежде чем я поворачиваюсь к двери. – Я не сомневаюсь, что тебе пришлось через многое пройти –

больше, чем я могу себе представить, – но точно знаю, что твоя мама очень любила тебя.

– Спасибо, – говорю я и обнимаю ее, вспомнив мамину записку: «Пожалуйста, обними Джен за меня».

– Это… от мамы.

Вечером, вскоре после шести, раздается короткий стук в дверь и Лайза просовывает голову в мою квартиру.

– Просто проверяю, чтобы убедиться, что ты жива и здорова, – говорит она. – Смену часовых поясов не так легко пережить.

– Жива и здорова, – отвечаю я и рассказываю ей о своем визите в кафе «Флора» и о том, как продвинулись наши отношения с Милли. При этом открываю купленную на рынке бутылку красного вина и наливаю нам по бокалу.

– Милли побеждена? Галочка. Вторая подсказка? В работе. Следующий шаг: найти тебе любовный интерес.

– Ну, я почти уверена, что Милли непобедима. И, конечно, ценю твою заботу, но меньше всего на данный момент меня интересуют мужчины.

– Знаю, – уступает Лиза. – Просто пытаюсь придумать творческие способы заставить тебя чувствовать себя здесь как дома. Разве я виновата, что хочу, чтобы наверху у меня появилась новая веселая подружка, по совместительству квартирная хозяйка?

У меня не хватает духу сказать ей, что я, возможно, недолго пробуду квартирной хозяйкой.

– Ты славная, – вместо этого говорю я. – И мне действительно здесь нравится, но если бы что-то и привязало меня к Лондону, то уж никак не мужчина. Честно говоря, я думаю, что единственные мужчины, у которых есть шанс привлечь мое внимание, – это литературные герои.

Она смеется.

– Учитывая мой послужной список свиданий в последнее время, готова с тобой согласиться. Нет лучшего героя, чем герой романа.

– Вот именно. Интересно почему?

Лайза пожимает плечами.

– Потому что в реальной жизни их не существует.

– А вдруг существуют? – поддразниваю я. – А ты просто не там ищешь?

– В смысле, я должна забросить плохих парней и начать встречаться с благоразумным бухгалтером или кем-то в этом духе?

– Да!

Она качает головой.

– Нет уж, спасибо. Я тогда умру от абсолютной и беспросветной скуки.

– Кстати, о литературных героях, – говорю я, делая глоток вина. – Когда я встретила своего мужа – бывшего мужа, – я действительно вообразила, что он современный мистер Дарси[14]. – При этих словах я сама же вздрагиваю – как можно быть такой наивной? – Да-да. Именно так и думала. Что он весь из себя такой романтический герой, огрубевший снаружи, но с благородным сердцем – сердцем джентльмена. А потом, ну… Надо ж было так ошибиться!

Лайза кладет руку мне на плечо.

– Не расстраивайся, подруга. Однажды я влюбилась в парня, у которого была ручная обезьянка. На самом деле у него был целый номер с кусочком банана, который он по субботам разыгрывал на Оксфорд-стрит.

Я расхохоталась.

– О господи!

– Он говорил мне, что это просто подработка, чтобы платить за жилье, пока он заканчивает магистратуру, – продолжает она. – Но потом я узнала, что это вранье, да, а ночевал он у своей подружки на диване. Можешь поверить, что я на такое купилась?

– Нет, – говорю я, смеясь. – Не могу.

Она морщится.

– Но обезьянка была чудная, просто душка. Ее звали Чарли.

Эксцентричный обезьяновладелец Лайзы напоминает мне о моих собственных провальных свиданиях в колледже, до того как я встретила Ника, который, впрочем, тоже оказался… гм… катастрофой. Я пытаюсь вспомнить, что написала в своих мемуарах Джоан Риверс[15]. Что-то такое: «Не воспринимай жизнь слишком серьезно. Несмотря ни на что, просто смейся, потому что в конце концов все это забавно». Я не могу вспомнить точную цитату, и если бы попыталась ее воспроизвести, наверняка все бы переврала. Но сама мысль совершенно верна. Если бы только это было так легко – просто

посмеяться над всем абсурдом моей жизни, от неудачного брака до двойного ухода матери.

– Приятно видеть, как ты смеешься, – говорит Лайза.

– Я пытаюсь, но… мне пока не очень удается.

Она сжимает мою руку.

– Я знаю.

– Просто сейчас я смеюсь, а через минуту… – я прерываюсь, чувствуя знакомый комок в горле, – мне захочется плакать. – Я делаю глубокий вдох. – Может быть, я схожу с ума?

– Вэл, ты не сходишь с ума. На тебя просто слишком много навалилось. Все эти эмоции – абсолютная норма.

Я киваю.

– А вот теперь ты точно решишь, что я сошла с ума. – Я беру с кофейного столика испещренную пометками «Последнюю зиму» и указываю на записи на полях одной из страниц. – Его зовут Дэниел, и… я не знаю… он говорит потрясающе проницательные вещи об этой книжке. Как будто мы с ним думаем хором, или что-то в этом роде.

Она листает книгу, читает несколько записей и прижимает руку к сердцу.

– Вэл, это… так романтично, – выпаливает она. – Ты влюбилась в мужчину, которого отыскала в книге!

– Ну-ну, не увлекайся, – говорю я со смехом. – Ничего я не влюбилась.

– Ну а как это, по-твоему, называется?

Я смотрю в потолок, собираясь с мыслями.

– По-моему, это называется общими интересами. Или, может быть, родством.

– Родство-о, – тянет Лайза с совершенно невозмутимым лицом, прежде чем рассмеяться. – Ты вроде говорила, что это детектив, а не семейный роман.

– Родство, родственные души, называй как угодно, – говорю я, смеясь над собой, хотя в том, что я предпочитаю старомодные словечки, виновата Л. М. Монтгомери[16]. В детстве я была помешана на Ане из Зеленых Мезонинов. Правда-правда: я даже умоляла родителей разрешить мне покрасить волосы в рыжий цвет.

– Так, значит, это твоя родственная душа, – продолжает она. – Послушай… А что, если у вас в самом деле родство душ?

Я думаю о Нике и всех его невыполненных обещаниях.

– На самом деле я не верю ни в какое родство душ – во всяком случае, теперь уже не верю.

– Брось! – Лайза стоит на своем. – Это все равно, что сказать, что ты не веришь в Санту или… фей!

– Лайза, ты же понимаешь, что будет, если ты сообщишь всему свету, что веришь в фей. Или, боже упаси, в Санту.

Она отмахивается от моих замечаний и снова перелистывает книгу.

– Как, говоришь, зовут этого парня?

– Дэниел, – отвечаю я, и мое сердце начинает колотиться быстрее. – Его зовут Дэниел.

Она кивает и тут же находит имя на внутренней стороне обложки.

– Дэниел Дэвенпорт. О-ля-ля! Посмотри-ка, и телефончик тут как тут. Я требую, чтобы ты ему позвонила!

Я морщусь.

– Ни за что. Кроме того, он наверняка женат. Или умер. А может быть, вовсе не он писал эти заметки.

Лайза кивает.

– Верно. Если я чему и научилась, прожив столько лет над книжным магазином, так это тому, что жизнь книги может быть самым безумным путешествием.

Я наливаю нам еще, капаю вино на кофейный столик и вытираю его краем салфетки.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, твоя мама называла это путешествием, но Милли предпочитает говорить «жизненный цикл», – говорит она, выпрямляясь. – Что на самом деле довольно ярко демонстрирует разницу в их характерах, но речь сейчас не об этом. Просто Элоиза говорила, что книга – особенно очень хорошая – за свою жизнь обычно меняет семерых владельцев, а иногда и больше.

– Да! – говорю я, вспоминая, как мама говорила мне примерно о том же. – Когда я была маленькая, она часто посещала распродажи в нашем районе и пыталась представить людей, которым когда-то принадлежали старинные украшения или редкие книги, которые она там находила. Их радости и печали. Истории из их жизни.

– Расскажи мне еще о жизни твоей мамы в Калифорнии, – осторожно просит Лайза.

На этот раз я не замыкаюсь в себе, как раньше: я вспоминаю мамин наказ держать сердце открытым и пытаюсь его выполнить. Мои воспоминания случайны и разрозненны, но они выплескиваются сами по себе. Я рассказываю, что мама стриглась только в полнолуние (одно из ее суеверий), что у нее была привычка вкладывать между страницами своих любимых романов цветы (маленькие сюрпризы, которые мы найдем позже).

Лайза кивает.

– На всем, что она делала, действительно лежал особый отпечаток. У нее был дар находить красоту, спрятанную в самых неожиданных местах. – Она снова вспоминает «Последнюю зиму» и ухмыляется. – Может быть, и ты так же найдешь этого Дэниела.

– Не думаю, – говорю я. – Он может оказаться кем угодно. Что, если ему лет девятнадцать? Может, я и разведенка, но уверяю тебя, не охотница на малолеток.

Она смеется.

– Ну, дело твое. Мне больше нравятся мужчины помоложе.

– Не знаю. Даже если он… совершеннолетний… он же может быть… стариком! Вдруг эти заметки в книге написаны, например, о боже, в 1953 году?

– А что не так с мужчинами постарше?

– Ладно, я все поняла: тебе нравятся все мужики без исключения.

Она смеется.

– Наверное, ты права.

Я качаю головой.

– Постой, а еще он может быть…

– Серийным убийцей! – говорит Лайза, снимая слова у меня с языка, но тут же качает головой. – Но разве серийный убийца мог бы написать в книге такие толковые вещи?

– Думаю, вряд ли…

– Вот именно. Значит, твой Дэниел не серийный убийца. – Она замолкает, словно пораженная внезапным гениальным озарением.

– Мой Дэниел. Мне нравится твой подход.

– Ты должна позвонить ему. Сегодня вечером. Прямо сейчас.

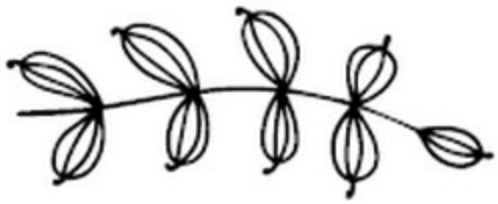
Я вздрагиваю.

– Знаешь, кому бы это больше всего понравилось? – Она улыбается. – Твоей маме. И она бы заняла мою сторону.

Ее замечание подобно выстрелу из рогатки в мое сердце. Она, конечно, права, маме понравилась бы каждая деталь этой книжной тайны. И хотя это, скорее всего, – нет, совершенно точно – ни к чему не приведет, почему-то я чувствую неодолимое желание набрать номер. Ради Сезанны, героини книги, ради Лайзы, но в первую очередь ради себя. Конечно, это глупое девчоночье поведение, но одна мысль о Дэниеле заставляет меня на мгновение почувствовать облегчение после того, как на сердце так долго лежала тяжесть.

Я делаю глубокий вдох и набираю цифры на своем телефоне.

– Ничего не происходит, – шепчу я.



Глава 8

Элоиза
Месяц спустя
16 мая 1968 года

Пошли нарциссы, потом ушли.

Фрэнк прямо в Лондоне подал заявление на выдачу мне иммиграционной визы. Мы поженимся в Калифорнии, и я стану законной постоянной жительницей Соединенных Штатов. Все, что мне оставалось, – попрощаться с родиной и лучшей подругой.

– Милли, – позвала я, постучав в дверь ее спальни. Миг спустя она появилась, криво улыбаясь. Было понятно, что она плакала.

– Шофер Фрэнка приедет через несколько часов. А я еще не разобрала шкаф. Может быть, протянешь руку помощи?

Мне нужна была не столько ее помощь, сколько она сама.

Она кивнула, глядя мне в глаза.

– Ох, Эл, ты хоть представляешь, как сильно я буду скучать по тебе?

– Милли, – воскликнула я. – И я буду скучать так же сильно, и даже больше.

Она глубоко вздохнула.

– Пора уже мне смириться с твоим решением, пусть даже все это так… тяжело для меня. – Она заставила себя улыбнуться. – Почему этот твой безмозглый жених не соглашается поселиться здесь?

– Вот и я бы хотела, – сказала я, смаргивая слезы. Милли ведь знает, сколько раз я пыталась уговорить Фрэнка переехать в Лондон, но он твердо стоял на своем: Санта-Моника – его дом, который теперь будет нашим общим.

– Калифорния и не представляет, какое счастье ей привалило в твоем лице, – сказала Милли, обнимая меня.

– Переезд меня просто убивает.

Она покачала головой.

– Нет, думаю, что он пойдет тебе на пользу. Ты уже выросла из этого места, Эл. Пришло время для большого плавания, большой жизни.

Я хотела сказать, что она ошибается, что мое место здесь, рядом с ней: меня не покидало чувство, что я предаю ее.

С тринадцати лет мы с ней только и говорили, что о книжном магазине – нашем магазине, который мы когда-нибудь откроем вместе в восхитительном интерьере пастельных тонов на Примроуз-Хилл. Там были бы удобные кресла, уголки для чтения и пушистый, толстый кот, которого мы заранее назвали Персивалем (сокращенно Перси). Посетители называли бы нас книготерапевтами. Врачи прописывают лекарства от физических недугов, а мы бы прописывали книги от душевных. Мы давно все идеально спланировали. А теперь я взяла и все испортила.

– Может быть, когда-нибудь, – сказала я Милли, – мы все равно заполучим этот книжный магазин.

Она натянуто улыбнулась, но ее глаза были полны сожаления и разочарования.

– Это просто глупая детская мечта. Они не всегда сбываются.

– Ничего подобного, Милли. Это *наша с тобой* мечта. И может быть, она еще сбудется. – Мне так хотелось, чтобы Милли мне поверила – ради меня самой.

Она собралась что-то сказать, но тут раздался стук в дверь.

– Это не Фрэнк, – сказала я. – Он не смог бы прийти раньше двух. – Я открыла дверь: на площадке стоял пожилой, солидного вида мужчина – действительно не Фрэнк.

– Мисс Уилкинс?

– Да, – сказала я, и он протянул мне конверт, запечатанный восковой печатью с вензелем «Э. С.». И ушел.

Я разорвала конверт и вытащила листок. Милли смотрела мне через плечо.

Элоиза, ты исчезла, и теперь я должен найти тебя. Но сначала тебе придется найти меня.

Розы краснеют, фиалки синеют[17]. *Подумай, что можно отыскать в обувной лавке за углом.*

Жду.

С любовью,

Эдвард

– Что это? – нетерпеливо спросила Милли.

Мне было некогда вводить ее в курс дела.

– Потом расскажу, – сказала я и с бешено колотящимся сердцем сдернула с крючка у двери свитер. – Мне надо идти!

– Элоиза, постой!

Но я не задержалась ни на секунду. Сбежав вниз по лестнице, я выскочила на улицу. Местная сапожная лавка была прямо за углом, и когда я ворвалась внутрь, улыбка продавца за прилавком подтвердила, что я попала по адресу. Он протянул мне еще один конверт, запечатанный точно так же, как и предыдущий, и я немедленно вскрыла его.

Элоиза, еще на шаг ближе, поздравляю. Помнишь вечер, когда мы встретились? Я помню. Я думаю об этом каждый день. Верю, что это воспоминание навсегда останется в моем сердце, если только ты не знаешь хорошего портного.

Найди меня,

Эдвард

Мистер Уотсон, местный портной! С пылающими щеками я ринулась к его витрине, но дверь оказалась… заперта. «Нет, нет, нет» – бормотала я, колотя в дверь, а потом вгляделась в темное окно, где на стекле висела табличка «ЗАКРЫТО».

– Эдвард! – крикнула я прямо в уличный туман. Вдруг он где-нибудь рядом, стоит за углом и наблюдает за мной с края угла улицы? Миг спустя к двери подошел мужчина – сам мистер Уотсон с пирожком в руках.

– Извините, мисс, я просто вышел перекусить. Чем я могу помочь… – Он осекся и вытаращил глаза. – А, так это вы…

– Да, – сказала я, угадав мысли.

Он быстро отпер дверь и протянул мне следующий конверт.

Элоиза, шах и мат. Пришло время для сладкого – такого же сладкого, как ты[18]*. Ты знаешь, где меня найти.*

С любовью,

Эдвард

Сладкое? Должно быть, это пекарня, где заправляет ворчливая старуха Бербанк. О ее булочках ходили легенды, как и о ее вечно скверном настроении. Зазвонили церковные колокола, и мое сердце

забилось быстрее. Скоро приедет Фрэнк. Времени оставалось не так много, но пекарня совсем рядом, и я ускорила шаг.

К двери стояла очередь, но я локтями протолкалась внутрь и помахала миссис Бербанк.

– Я – Элоиза, – сказала я, встретив ее равнодушный взгляд. – Я пришла за письмом! – Раздраженный мужчина позади меня что-то неразборчиво пробурчал.

– Послушайте, дамочка, – рявкнула недовольная пекарша. – Я без понятия, о чем вы там лопочете, но если хотите купить что-нибудь поесть, становитесь в очередь.

– Ну да, конечно, – разочарованно сказала я, медленно поворачиваясь к двери, и тут увидела его. Он стоял на улице, перед окном, как мощный корабль в бурных водах, с горящими глазами и широкой улыбкой.

Я протолкалась сквозь толпу.

– Привет, – сказал он. Во взгляде его больших глаз читалась страсть.

– Привет.

– Ты нашла меня.

Я смогла только улыбнуться и посмотреть на него. На нем были щеголеватые брюки и светло-зеленый свитер. Интересно, подумала я, на кого я похожа: волосы растрепаны, на лбу капли пота.

– Хочешь булочку? – сказал он, протягивая мне бумажный пакет.

Я взяла пакет, хотя была слишком взвинчена, чтобы есть. Желудок – и сердце – скрутило в узел. Я вгляделась в его лицо.

– Как ты… нашел меня? Как узнал, что я живу… здесь?

Он заговорщически ухмыльнулся.

– У меня свои способы.

– Но… Я оставила тебе записку в клубе. Почему ты в тот день не пришел в бистро «У Джека»?

Он покачал головой в явном недоумении.

– «У Джека»?

Мое сердце упало: я все поняла.

– Ты не получил моей записки?

– Не получил. – Он подошел ближе, так близко, что я ощутила тепло его кожи. На нас смотрела вся очередь, но мне было все равно.

– Ох, Элоиза. Не знаю даже, что сказать. Я… думал, ты… испарилась. Пришлось провести небольшое расследование, но я нашел твой номер телефона и звонил несколько раз.

– Ты звонил?

– Да, но… так и не дозвонился. – Он с усилием сглотнул. – Слушай, давай пойдем куда-нибудь, где можно поговорить.

– Давай, – ответила я, все еще ошеломленная.

Мы двинулись по улице, сначала молча, каждые несколько секунд взглядывая друг на друга. Он вложил в свою сильную руку мою ладонь, и мы шли без всякой цели, пока дорога не привела нас в парк Эджмор. Мы сели на скамейку. Неподалеку компания шумных школьников устроила битву сосновыми шишками.

– Похоже, шило вылезло из мешка, – сказала я, глядя, как мимо нас пробегает один из участников сражения. – Ясно, что я не дочь богатого бизнесмена.

Эдвард улыбнулся, поднес мою руку к губам и поцеловал запястье, как в первый вечер.

– Думаешь, я не знал с самого начала?

– На мне было написано?

– Ты можешь быть только собой, и я, например, думаю, что ты – совершенство.

Я нахмурилась.

– Я бы вряд ли назвала свое детство и юность совершенством.

Он покачал головой.

– Нас определяет не то, откуда мы пришли, а то, кем мы стали. – Он умолк и прижал руку к сердцу. – Здесь, внутри.

Я улыбаюсь.

– Простишь мне наглую ложь?

– Давно простил. – Он глубоко вздохнул. – Послушай, мне жаль, что все так плохо началось. Я бы хотел начать все сначала, но на этот раз как следует.

Мой разум метался, перебирая все препятствия: свадебные планы, тщательные приготовления Фрэнка. Я нервно потерла помолвочное кольцо на пальце. Нужно было смотреть правде в глаза.

– Эдвард, я… выхожу замуж и… уезжаю в Америку.

Он улыбнулся, как будто прозвучал вызов, который он был готов принять.

– Что ж, тогда позволь мне проявить самонадеянность и умолять тебя остаться.

Я не могла не улыбнуться его браваде, хотя чувствовала, что вот-вот расплачусь.

– Но я видела тебя в клубе Ретта за ужином. Я думала, у тебя…

– Свидание? Это и было свидание. С очередной скучной дебютанткой. Она не ты, Элоиза. Никто никогда не сравнится с тобой.

Я с трудом сглотнула.

– О, Эдвард, как жаль, что ты не нашел меня раньше. Как бы я хотела…

– Но я же здесь, – сказал он, придвигаясь ближе, и обнял меня. Я как будто растаяла в его объятиях. Я мечтала об этом моменте с того дня, как впервые увидела его, и когда наши губы встретились, это оказалось именно так волшебно, как я себе представляла, и даже еще лучше. Я нашла своего героя, свою любовь – каждая частичка моего существа говорила мне об этом. И все же… Теперь слишком поздно.

Я отстранилась от поцелуя и заставила себя отвести взгляд.

– О, Эдвард, я так сильно этого хочу – больше всего на свете.

– Все в твоей власти, – сказал он, протягивая мне руку, символ настоящего и, как я знала, будущего.

Я покачала головой, смахнула со щеки слезу и слегка коснулась своего живота. Фрэнк еще ничего не знал, не знала даже Милли. Никто не знал, что во мне растет крошечная новая жизнь. Это была моя тайна, и только моя, но теперь она принадлежала и Фрэнку – наше бремя, которое мы должны были нести.

– Понимаю, – сказал он, оторвав от меня пристальный взгляд и уставившись вдаль.

Я прижалась головой к его плечу, поливая слезами его накрахмаленную рубашку. Он тоже беззвучно плакал, и я чувствовала, как он пытается оторвать свое сердце от моего. Эти последние мгновения пролетели быстро, но я постаралась запомнить каждую секунду. Линия его носа. Тень щетины на его лице. Его рука гладит мою. И когда пришла пора уходить – вот-вот появится Фрэнк, – он поцеловал меня еще раз. Последний поцелуй. Последнее прощание.

Когда я вернулась домой, Милли плакала на диване. Я примостилась рядом с ней. Слова нам были не нужны, мы просто купались в молчании, наслаждаясь нашими последними общими

минутами. Наконец в каком-то оцепенении я двинулась в спальню, чтобы закончить сборы. Я уже рассортировала книги, которые собиралась взять с собой в Калифорнию, и аккуратно уложила в чемодан. Но до одежды я еще не добралась, да это и не имело значения. Ничто не имело значения. В моем выборе не было никакого смысла. Я просто опустошала ящики и бросала в чемодан первые попавшиеся платья. Полный хаос и беспорядок.

Услышав, как шофер сигналит на улице, объявляя о прибытии Фрэнка, я вынесла багаж в прихожую и бросила последний взгляд на нашу квартирку. Милли обняла меня и сжала почти до боли.

– Я напишу тебе, – воскликнула она. Ее голос звучал странно, и я решила, что это от горя. Я тоже была вне себя от горя.

Я машинально кивнула.

– Милли, пообещай мне кое-что.

– Все, что угодно, – сказала она, вытирая слезы.

Я открыла дверь шкафа в прихожей и указала на пиджак Эдварда.

– Сохрани это для меня.

– Эл, я не понимаю…

Я крепко зажмурила глаза, снова открыла их и покосилась на дверь.

– Я не могу взять его с собой в Калифорнию, но и терять не хочу – никогда.

– В смысле?

– Знаю, что звучит бессмысленно, но некогда объяснять.

Милли кивнула.

– Как его зовут?

– Эдвард, – сказала я. Вот я и произнесла его имя. – Эдвард Синклер.

– Ты его любишь?

Слезы защипали мне глаза.

– Да, Милл. О да.

Она в замешательстве покачала головой.

– Тогда почему…

– Слишком поздно. – Я прикусила губу: на лестнице появился Фрэнк, чтобы помочь с чемоданами.

– Привет, дорогая, – сказал он и помахал Милли, не ведая, что за разговор он только что прервал. – Шофер говорит, что мы можем

попасть в пробку по дороге в Хитроу, так что нужно поторопиться. А то потеряем места в первом классе.

Когда Фрэнк повернулся спиной, Милли кивнула мне. Этого было достаточно.

– Готова, любовь моя?

– Да, – сказала я, притворяясь, что радуюсь.

Я бросила последний взгляд на Милли, повернулась и двинулась за Фрэнком вниз. Ноги налились свинцом, и каждый шаг казался мне насмешкой. Я всю жизнь мечтала о дне, когда наконец покину Ист-Энд, послав прошлому воздушный поцелуй на прощание. Но теперь, когда это происходит, больше всего на свете мне хочется… остаться.

Глава 9

Валентина

– Гудки, – шепчу я Лайзе, набрав номер Дэниела Дэвенпорта; сердце бешено колотится.

– Алло? – говорит молодой женский голос. Он звучит решительно, возможно, даже немного раздраженно, но это трудно разобрать из-за шума на заднем плане – гремит посуда, из крана громко льется вода.

– О… мм… здравствуйте, – бормочу я. – Извините… э-э… я звоню… Дэниелу.

– Дэниелу? Что еще за Дэниел?

Я откашливаюсь.

– Дэниел Дэвенпорт.

– А-а, Дэниел Дэвенпорт. – Она смеется. – Красивое имя.

– Извините, не поняла.

– Вам, очевидно, нужен мой бывший, – говорит она. – Скажите, ну какой мужчина выдает номер домашнего телефона, если хочет обмануть девушку? – Она шмыгает носом. – Правда, мобильного у него нет – он все время пропускает платежи. Сначала был Клайд Хамфри, потом Бен Кэллоуэй, а теперь… Как там? Ага, Дэниел Дэвен… неважно. – Она смеется. – Вы не виноваты, милая. Мне жаль и вас, и всех бедняжек, которых он обманул, включая меня. Но теперь он получил по заслугам. – Я качаю головой Лайзе, которая пытается поймать каждое слово. – Его арестовали на прошлой неделе за почтовое мошенничество. Наконец-то он попался. Скатертью дорога.

– О, – говорю я. – Прошу прощения. Я…

– Не стоит, – отвечает женщина. – Просто впредь будьте умнее; как я, и не влюбляйтесь в социопатов.

– Да, верно, – бормочу я. – Спасибо.

Я быстро заканчиваю разговор, бросаю телефон на диван и смотрю на него, как на динамитную шашку.

– Ну и?.. – спрашивает Лайза, округлив глаза. – Рассказывай все!

– Ошиблась номером. – Я вздыхаю. – Либо это ошибка, либо наш Дэниел Дэвенпорт – мошенник-социопат, который в данный момент сидит в тюрьме.

– Предпочитаю первый вариант.

Я пожимаю плечами.

– Не падай духом, – говорит Лайза. – Просто потребуется немного больше усилий.

– Посмотрим, – говорю я, зевая. – А сейчас мне нужно немного поспать.

Лайза хватает свой свитер и ободряюще улыбается мне с порога.

– Спокойной ночи, милая. И пусть тебе приснится самый романтический сон о прекрасном и загадочном Дэниеле.

Наутро я просыпаюсь без воспоминаний о каком-либо романтическом или ином сне. Зато в голове все встало на свои места. Наконец-то я обрела чувство полной ясности по поводу «Книжного сада». Мамина жизнь, возможно, и останется для меня мучительной загадкой, но теперь я точно знаю, что она создала нечто прекрасное и стоящее. Я думаю о покупателях, которых видела в магазине. Вот, например, Эрик, пусть даже его девушка несколько сомнительна. Он практически вырос в магазине! Я видела, что Джен из кафе «Флора» буквально светилась изнутри, когда рассказывала, как необходим соседям «Книжный сад». Я всегда считала, что моя работа библиотекарем важна, – а это не менее, а может быть, и более важно. Буду ли я себя уважать, если хотя бы не попытаюсь вдохнуть в магазин новую жизнь? Наполнив чайник и поставив его на заднюю конфорку старой плиты, я достаю телефон и вношу некоторые изменения в свой профиль на @booksbyval. Я удаляю «библиотекарь» и «Сиэтл». Я не могу балансировать между двумя мирами; нужно выбрать один, и я этот выбор сделала. Это грустно? Нет, напротив, я чувствую прилив гордости, печатая новые данные: «Владелица книжного магазина „Книжный сад“. Примроуз-Хилл, Лондон».

Это жизнь, которую подарила мне давно потерянная мать. У меня есть шесть месяцев, чтобы сделать эту жизнь своей.

Я вхожу в магазин. Колокольчики на двери звенят.

– Милли? – запыхавшись зову я, разбудив своим криком Перси, вытянувшего лапы на солнышке у витрины.

– Минутку, – отвечает она из задней комнаты.

Мгновение спустя она появляется, немного встрепанная, со шваброй в руке.

– Тебе не кажется, что у пчел должно было хватить соображения, чтобы не устраивать себе улей в книжном магазине? – Она качает головой. – Они снова проникли через это проклятое окно. И так каждый год примерно в это время. Я все собиралась это исправить, но вот цена, которую платят за промедление. – Она пытается прислонить швабру к стене, но та упрямо шмякается на пол. – Следующим номером будут шершни в Хемингуэе!

– Ужас какой, – говорю я, подавляя смех, и слышу какое-то царапанье в задней части магазина. – Послушай, надеюсь, это не пчелы?

Милли закатывает глаза.

– Это Перси! Он думает, что угловой книжный шкаф в отделе истории – его личная когтеточка. – Она отпихивает кота обратно к окну, надолго замолкает, изучая мое лицо, и приподнимет бровь.

– То же выражение лица, – говорит она с уверенным кивком. – У твоей мамы бывало точно такое же, когда она на что-то решалась.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но Милли поднимает руку, заставляя меня замолчать.

– Что-то назревает. Я даже знаю что. Давай-ка сразу перейдем к делу. Ты выводишь нас из бизнеса. Закрываешь магазин, продаешь дом. Давай. Просто скажи об этом.

Я качаю головой.

– Ничего подобного, Милли. Ты попала пальцем в небо. Я не продаю магазин. На самом деле как раз наоборот.

Она прищуривает глаза, все еще недоверчиво.

– Послушай, – продолжаю я. – Когда я впервые услышала, что мама оставила мне свое имущество, я не знала, что и думать. Я ведь не видела ее и не слышала о ней с двенадцати лет. Это очень долго. – Внутри начинает пульсировать знакомая боль, но я подавляю эмоции и продолжаю. – С тех пор я ношу в себе много горя. Так что да, когда я сошла с самолета, я не испытывала никаких теплых чувств. – Милли внимательно меня слушает. – Но потом я приехала в Примроуз-Хилл и увидела магазин собственными глазами. Я познакомилась с тобой и Лайзой, встретила Джен, того странного парня на рынке, у которого…

– На голове берет, – с улыбкой заканчивает Милли.

– Да, и, хочу добавить, поддельный французский акцент.

Она кивает.

– Поддельный, не сомневайся.

Я улыбаюсь.

– Но все равно он вписывается, понимаешь? Все сходится. Все вы. Все это, – я замолкаю и обвожу рукой зал. – То есть я хочу сказать, что… я никуда отсюда не уйду. Не смогу. – Я ловлю на себе ее взгляд. – Может быть, я никогда не разберусь в мамином прошлом, но за «Книжный сад» я собираюсь бороться.

Милли обнимает меня.

– Я так и знала! – кричит она. – Знала, что ты не паршивая овца.

Я протягиваю ей салфетку из коробки на прилавке и беру еще одну для себя.

– Но я должна заплатить налог на наследство, Милли, – продолжаю я. – Времени на это полгода, а у меня нет денег. И теперь, если ты готова работать со мной, если проявить немного изобретательности…

Я спохватываюсь, зная, к чему клонится разговор. Да, Милли завершила юридическую карьеру и у нее мог быть какой-то капитал, чтобы помочь, но это стало бы огромным бременем для маминой лучшей подруги. Решив отложить эту мысль на потом, я помогаю ей расставить новую партию книг и рассказываю о вчерашних событиях: об интригующих заметках в «Последней зиме», о том, как мы с Лайзой пили вино и как я набралась храбрости (подкрепленной градусами), чтобы набрать номер телефона, записанный внутри обложки.

– Очень интересно, – говорит Милли, слушая меня с жадным вниманием.

– Да, но попытка познакомиться с мужчиной, которого ты «нашла» в книге, выглядит несколько… безумной, правда?

– Может быть, но в хорошем смысле. – Она усмехается, засовывая на полку новую книгу в мягкой обложке. – Валентина, твоя мама когда-нибудь рассказывала тебе о жизненном цикле книги?

Я улыбаюсь.

– О путешествии? Да.

Милли кивает.

– Он очень длинен. Эта книга, возможно, прошла через бесчисленное множество рук до и после того, как попала в руки Дэниела. Чтобы найти его, могут потребоваться определенные усилия, но не думаю, что это невозможно.

Мы так увлеклись разговором, что ни одна из нас не заметила курьера из FedEx[19], терпеливо ожидающего в дверях. Он деликатно кашляет. Милли вздрагивает, извиняется, быстро приглаживает взъерошенные волосы и расписывается за посылки.

– Ничего страшного, – говорит мужчина, видя, что щеки Милли покраснели.

– Спасибо, Фернандо, – говорит она, кладя пакеты на прилавок, и представляет меня.

– Рад познакомиться, – говорит он и снова поворачивается к Милли. – И… всегда рад видеть вас, мисс Уилсон. – У него черные как смоль волосы, седеющие на висках, хотя видно, что он лет на пятнадцать младше Милли. Когда они стоят рядом, его макушка едва достигает ее ключицы.

– Взаимно, вы же давно доставляете нам товар. Мы в принципе… старые друзья. И вы должны называть меня Милли.

– Милли, – говорит он, на мгновение задержав на ней взгляд, прежде чем повернуться к двери. – До свидания.

– До свидания, Фернандо, – отвечает она, слабо махнув рукой, словно ее правая рука внезапно потеряла семьдесят пять процентов мышечной силы.

– Так-так-так, – поддразниваю я, когда фургон доставки отъезжает. – Кто-то влюбился в парня из FedEx!

– Во всяком случае, не я, – утверждает Милли, как будто выходя из-под власти каких-то чар.

Я улыбаюсь, помогая ей закончить расстановку новых поступлений, и тут вспоминаю последнюю мамину подсказку. Я достаю сумочку и вытаскиваю открытку, чтобы прочитать Милли строчку: «Пускай меня не будет рядом, чтобы вытереть твои слезы, это сделает кто-то другой. Свернись калачиком в бабушкиных мудрых объятиях и слушай, как она говорит: „Тсс“».

Я выжидательно смотрю на Милли.

– Ты хоть представляешь, что это значит?

Ее глаза сверкают.

– Да, представляю, и ты тоже.

– Но я не знаю! Я перечитывала это снова и снова, и… просто не могу вспомнить.

Милли опускается в старое мягкое кресло у окна. Ручки так потерты, что эта дизайнерша интерьера, как ее там, покрылась бы крапивницей.

– Когда ты родилась, я послала твоей маме коробку детских книг – проверенную временем классику. Одну из них, как она мне сказала, ты полюбила чуть ли не с рождения.

Я прикусываю губу, пытаясь извлечь из памяти хоть что-нибудь, что могло бы пролить свет на последнюю подсказку.

– Кролик… Питер?[20] – наконец говорю я.

Милли улыбается.

– Может, дать тебе подсказку?

– Да, пожалуйста.

– Четыре слова. Готова слушать?

Я киваю.

– «В той зеленой комнате…»[21]

Я ахаю, перед глазами у меня мелькают картинки из раннего детства.

– Там был кукольный домик, и воздушный шарик, и… господи, Милли! Бабушка в кресле сказала «Тсс!» – Я качаю головой, вспоминая старую любимую книжку. – «Баю-баюшки, луна!»

– Да. Маргарет Уайз Браун.

Эти строки были действительно запечатлены в моем подсознании, и все же в своем горе мне почему-то до сих пор не удавалось их оттуда извлечь. А сейчас – мне три года, я сижу на коленях у мамы, и мы медленно перелистываем страницы старой книжки со стихами: мышка, кукольный дом, кашка в миске и бабушка, говорящая «Тсс», – набор разрозненных слов и образов, из которых сложилась идеальная картинка, по крайней мере для меня.

Я бегу в отдел детской книги и осматриваю полки, пока не нахожу единственный экземпляр «Баю-баюшки, луна». Перелистываю страницы и… не нахожу ничего.

– Есть успехи? – спрашивает Милли, выглядывая из-за угла.

– Нет, – говорю я, опускаясь в потертое кресло, стоящее справа.

– Знаешь, Валентина, – начинает она. – У твоей мамы была близкая подруга, Мэй Уэзерби. Она живет в трех кварталах отсюда, в угловой квартире на верхнем этаже бледно-голубого дома.

Я киваю, вспомнив, что позавчера, гуляя с Лайзой, проходила мимо этого здания. Мое внимание привлекли цветы в ящике на окне верхнего этажа.

– Может быть, тебе будет интересно узнать, что покойный муж Мэй написал биографию Маргарет Уайз Браун. Он действительно очень хорошо ее знал. – Она улыбается. – У меня такое чувство, что она может указать тебе правильное направление.

Прежде чем я успеваю ответить, колокольчики на двери звенят и входит вчерашний посетитель – тот, у которого кошмарная подружка. Но на этот раз он один.

– Добрый день, Милли, – говорит он, поправляя на плече кожаную сумку. Я замечаю его велосипед, припаркованный на тротуаре у входа.

– Эрик! – говорит она, подходя, чтобы поздороваться. Я безучастно машу рукой со своего кресла. – Думаю, тебе понравятся наши новые поступления. Там есть кое-что специально для тебя.

– Уверен, что понравятся, – отвечает он. – Но вообще-то я пришел за советом.

– Ну, спрашивай, – говорит Милли.

Он проводит рукой по волосам и, нахмурив брови, оглядывается в мою сторону. Может быть, племяннице его подружки не понравилась книга? Что, если…

– По поводу Фионы, – начинает он. – Беда в том… что она… вообще не любит читать, и… я все думаю: если бы ей в руки попала подходящая книга, это могло бы открыть шлюзы, понимаете? – Он смотрит на меня. – Как тогда, когда ваша мама дала мне «Приключения Тома Сойера». Только что я был угрюмым лондонским пацаном и вдруг оказался – по крайней мере в воображении – на берегах Миссисипи, где искал сокровища и бежал с места убийства. Это было… потрясающе. Ведь стоит только уйти с головой в одну историю, как начинает хотеться еще и еще. Такое самосбывающееся пророчество.

Милли улыбается мне.

– Разве это не твоя теория, Вэл, что чтение ведет к дальнейшему чтению?

Я киваю и подхожу к прилавку, поближе к Милли и Эрику.

– В том-то и дело, – продолжает он. – И именно на это я надеюсь с Фионой. Хочу найти книгу, которая откроет ей путь в мир книг.

В полной мере осознав бедственное положение Эрика, Милли поворачивается ко мне.

– Валентина, почему бы тебе не помочь нашему другу Эрику найти именно ту книгу, которая решит его проблему?

– Конечно, – говорю я, роясь в своих глубоких познаниях профессионального библиотекаря. Милли бросила мне на колени бомбу, которая вот-вот взорвется, – и она это знает.

Я начинаю петлять по лабиринту книжных полок, и Эрик следует за мной, терпеливо ожидая моего провидческого выбора. Но я совершенно сбита с толку. Что, черт возьми, я должна предложить прочитать его пустышке-подружке? Она ни за что не одолела бы и десяти страниц «Ревности» Норы Эфрон, и ей до лампочки «Дом на Тара-роуд» Мейв Бинчи. Классика не подходит, обычные бестселлеры тоже. Ну и задачка!

Я обшариваю верхние и нижние полки, надеясь, что мне повезет и что-нибудь – что угодно – само упадет мне в руки. Так и происходит.

– Вы читали «Жену путешественника во времени»?[22] – спрашиваю я, поворачиваясь к Эрику. Он быстро кивает.

– Господи, конечно. Оторваться не мог. Насколько я помню, проглотил за один день.

– Я тоже, – говорю я, натянуто улыбнувшись. Интуиция мне подсказывает, что Фионе это может понравиться. Может быть, ее впечатлит, что книга экранизирована.

Он пожимает плечами.

– Может быть, хотя…

– Экранизации не сравнить с книгами, – говорим мы хором.

– Никогда, – добавляю я, усмехаясь.

Он кивает.

– Тогда я возьму это для нее, – говорит он, оглядываясь на Милли. – И сообщу, если она заглотнет наживку.

– Удачи, – говорю я.

Он молча почесывает затылок.

– У Фионы далеко не идиллическое детство. Отец ушел, когда она была маленькой, а мать жила на государственное пособие. Она выросла практически в нищете. – Сумка через плечо от Gucci, с которой она явилась в прошлый раз, снова напомнила мне, что внешность обманчива, и я тут же пожалела, что так опрометчиво

отнесла Фиону к определенному социальному классу. – Она обиделась бы, узнав, что я вам об этом рассказал. Я, собственно, к тому, что у нее не было таких возможностей, как у нас с вами, и уж конечно, некому было приохотить ее к чтению. Он надолго замолкает и улыбается. – А у меня была ваша мама!

– Это… замечательно, – говорю я небрежно, скрывая нахлынувшую волну эмоций. Пока я жила в Калифорнии без мамы, она тут нянчилась с соседскими детьми. Неужели им она была нужна больше, чем мне? Оказывается, у нас с Фионой есть одна общая черта: мы обе скрываем болезненное прошлое. – Ну ладно, – продолжаю я, овладев собой. – Надеюсь, с книгой все пойдет хорошо. Удачи. Я… мне пора.

– Конечно – говорит Эрик. – Я… извините, что задержал вас.

– Ничего. Мне действительно нравится сводить людей с книгами.

– Какая мать, такая и дочь.

– Да. Думаю, что так.

На улице дождь – крупные капли падают мне на голову, но я не возвращаюсь за зонтиком. Мэй Уэзерби живет недалеко, так что я ускоряю шаг, прохожу два квартала, заворачиваю за угол и сразу вижу бледно-голубое здание. Из-за дождя сцена выглядит размытой, как на картинах импрессионистов, и это почему-то успокаивает меня.

Я поднимаюсь по ступенькам на крыльцо, нахожу табличку с надписью «УЭЗЕРБИ» и нажимаю кнопку домофона. Мгновение спустя из маленького динамика доносится негромкий голос пожилой женщины: «Да?» Голос звучит устало и слегка озадаченно, и я жалею, что предварительно не позвонила. Наверняка у Милли есть ее номер телефона.

– Здравствуйте, это Мэй Уэзерби?

– Да.

– Я… Валентина Бейкер, дочь Элоизы.

– О, какой приятный сюрприз в этот мрачный день, – говорит женщина. – Знаешь, дорогая, я ждала тебя. Поднимайся немедленно, не стой под дождем! Я на третьем этаже.

Я слышу щелчок открывающейся двери и вхожу в подъезд, стряхивая со свитера капли, пока поднимаюсь по лестнице. На третьем этаже я подхожу к открытой двери и осторожно заглядываю внутрь.

– Здравствуйте, миссис Уэзерби! Это я, Валентина.

– Да-да, – откликается изнутри Мэй. – Входи, дорогая. Сейчас заварю нам чай. Будь как дома.

Я вхожу и сажусь на темно-синий диван у окна. Аккуратная квартира как будто законсервирована со времен пятидесятых годов. Я рассматриваю коллекцию старинных керамических статуэток на полке. Над ней черно-белая фотография в рамке: молодой человек и пожилая женщина, оба радостно улыбаются.

Через пару минут появляется Мэй с подносом, на котором стоят чайник и две фарфоровые чашки. Ее хрупкие руки слегка дрожат, когда она ставит его на стол. Потом она усаживается напротив меня в кресло в стиле Людовика XV с бело-голубой матерчатой обивкой. Ей по меньшей мере восемьдесят, может быть, и больше, но она держится как бывшая красавица. Вообще-то она и сейчас очень красива. Легкие седые волосы собраны в пучок, подчеркивая высокие скулы и бледно-голубые глаза.

– Боюсь, ты застала меня в разобранном виде, – говорит она, улыбаясь. – В последнее время у меня не так много посетителей, но ты – особая гостья.

– Я… э-э-э… большое спасибо за то, что пригласили меня, – начинаю я. – Извините, что не позвонила заранее.

– Все хорошо, все хорошо, детка. – Она прищуривает глаза. – А теперь скажи, чем я могу тебе помочь?

Я не знаю, сколько ей может быть известно, поэтому начинаю с самого начала – рассказываю об устроенной мамой охоте за сокровищами и предыдущих подсказках, которые привели меня сюда. Я вытаскиваю из сумки последнюю записку и показываю ей.

– Милли решила, что это как-то связано с книжкой «Баю-баюшки, луна» Маргарет Уайз Браун. Мама читала мне ее в детстве.

– Ну конечно, – говорит Мэй, кладя очки для чтения обратно на кофейный столик. – Сейчас принесу. – Она встает, идет к старому письменному столу в другом конце комнаты и возвращается с книжкой «Баю-баюшки, луна». – Думаю, это то, что ты ищешь. Твоя мама просила меня отдать ее тебе. Когда ты придешь.

Я улыбаюсь и беру книгу в руки: в ней очередной конверт. Я откладываю его в сторону – на потом. Мэй с интересом смотрит на меня.

– Ты встревожена, не так ли, дорогая?

Я качаю головой, изображая слащавую улыбку.

– Нет-нет. Все хорошо.

Она кивает.

– Твоя мать тоже была такой, когда мы познакомились. Ее жизнь пошла не так, как она хотела, – далеко не так, – и, подозреваю, ты тоже чувствуешь нечто подобное. – Она продолжает, прежде чем я успеваю возразить. – Дело в том, что с хорошими людьми случаются нехорошие вещи. Да, случаются. Постоянно. Но нам выбирать, будем ли мы барахтаться в неприятностях всю оставшуюся жизнь или примем приглашение.

Я в замешательстве хмурю брови.

– Приглашение?

– Да, к началу великого второго акта жизни. Видишь ли, именно этому научилась твоя мать. Как только она перестала оглядываться назад, она наконец смогла двигаться вперед.

Я откашливаюсь.

– Послушайте, не хочу показаться грубой, но вы, кажется, не поняли. Моя мать бросила меня, уехав в Лондон. Она так и не вернулась. Не знаю, можно ли это назвать «вторым актом».

Она улыбается, ничуть не смутившись.

– У меня был собственный второй акт, – продолжает она, бросая взгляд на черно-белую фотографию на стене. – Видишь этого красивого молодого человека?

Я киваю, возвращаясь взглядом к снимку, который заметила, когда вошла.

– Это мой муж, Чарльз Уэзерби. Боже, он был мужчиной мечты. Здесь он с Маргарет. – Я машинально бросаю взгляд на книжку, лежащую у меня на коленях. – У нее был домик в Вермонте, недалеко от дома, где он вырос, и она вроде как опекала его, когда он был ребенком. Так или иначе я познакомилась с ним на следующий день после моего двадцать первого дня рождения, и это была любовь с первого взгляда. Беда в том, что к тому времени я уже обручилась с другим. – Она улыбается про себя, как будто воспоминания успокаивают ее, словно старые друзья. – Я вышла замуж за Чарльза, конечно. Как я могла за него не выйти? Но сама понимаешь, перед этим всем пришлось несладко. Я разбила человеку сердце и по ходу дела восстановила против себя всю свою семью. Мать не

разговаривала со мной два года. Но для меня все это стало вторым актом. – Она долго смотрит на меня, и молчание становится тягостным и неловким. – Элоизе повезло гораздо меньше, дорогая.

– Вы хотите сказать, что она любила не моего отца, а… кого-то другого?

– Я хочу сказать, что сердцу можно приказывать лишь до известного предела, а потом оно обретает собственный разум. Какие бы причины ни были у твоей матери, чтобы уехать из Калифорнии, они были серьезными и требовали смелости. Это и стало ее вторым актом.

Я безучастно киваю. Ее слова витают в вечернем воздухе. Они пытаются проникнуть в мое сердце, но я их туда не пущу.

– Ну, будет мне болтать. Ты не собираешься открыть письмо?

Я колеблюсь мгновение, но все же наконец отгибаю край конверта. Она смотрит в ожидании.

Милая Валентина, ты нашла следующую подсказку! Очень надеюсь, что этого человека было не так уж трудно отыскать. Я знала, что придется копнуть глубже, но мне хотелось, чтобы ты познакомилась с Мэй. Когда я вернулась в Лондон, мир казался мне таким мрачным местом. Мэй оказалась одной из волшебниц Примроуз-Хилл, из тех, что зажгли для меня свет и помогли найти дорогу. И я успела. Не спрашивай, откуда я знаю: скажем, сорока принесла мне на хвосте весть, что в твоем мире сейчас немного темно. Жаль, что я не с тобой и не могу помочь, и жаль, что меня не было с тобой в те годы, когда ты больше всего во мне нуждалась. Но назад пути нет, только вперед. Итак, немного подбодрю тебя: нарциссы. Спроси Матильду, и она предложит тебе бархатное зеленое одеяло, но следи за лисьими хвостами: они покажут тебе дорогу к маленькому домику.

Буду ждать,

мамуля

Глава 10

Элоиза
Лос-Анджелес, Калифорния
17 мая 1968 года

– Добро пожаловать домой, – сказал Фрэнк, сжимая мою руку, когда самолет коснулся взлетно-посадочной полосы. Я никогда раньше не летала, поэтому не знала, был ли внезапный глухой удар нормальным явлением или самолет собирался вот-вот загореться. Кроме того, весь полет я боролась со слезами и теперь просто механически двигалась.

Домой. Разве можно так думать о чужой стране? Яркий солнечный свет хлынул в окно, и я сморгнула слезы, изо всех сил стараясь успокоиться. Я не хотела, чтобы Фрэнк видел, как я плачу.

Вдалеке я заметила пальмы; из другого самолета выходили пассажиры, сжимая в руках чемоданы и головные уборы. Модно одетая женщина с волосами намного светлее моих повязала вокруг шеи шелковый шарф и передала свой чемодан и сумку красивому темноволосому мужчине в элегантных очках. Я тут же подумала об Эдварде и отругала себя за это.

– Тебе здесь понравится, дорогая, – сказал Фрэнк. – Город меняется каждый день. Взять хотя бы аэропорт Лос-Анджелеса. Аэропорт эры реактивных самолетов. Зона терминала открылась всего семь лет назад. А в Тематическом здании есть ресторан на смотровой площадке с видом на весь аэродром. Нужно будет как-нибудь сходить.

Я уныло кивнула, спускаясь следом за ним по трапу самолета; солнце припекало мою бледную кожу. Прищурившись, я бросила взгляд на мерцающий вдалеке город. *Так вот она, Америка. Родина всего нового.*

Но мое сердце принадлежало всему старому.

Даже звук голоса Фрэнка заставил меня вспомнить Эдварда – неоконченную главу, которую я оставила в Лондоне.

Неожиданно я вернулась мыслями в Королевский автомобильный клуб.

– Эти американцы, они все говорят, как…

– Ковбои, – сказали мы оба хором и рассмеялись.

Фрэнк, сияя, повернулся ко мне.

– Дорогая, ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, – быстро сказала я. – Просто немного… голова закружилась от воздуха. Все уже прошло.

Он достал бумажник и протянул мне несколько купюр непривычного вида.

– Почему бы тебе не перекусить, пока я заберу багаж?

– Спасибо, – сказала я и двинулась вперед. Отыскав в здании кафе, я взяла два черных кофе навынос, ненадолго задержалась у журнального киоска и наконец воссоединилась с Фрэнком снаружи, где его уже ждало такси.

– Дорогая, ты же знаешь, я не пью кофе, – сказал он.

Я взглянула на два пластиковых стаканчика, которые держала в руках.

– Нет, это для водителя, – сказал я, напомнив ему о своей странной привычке покупать кофе для лондонских таксистов.

– Знаешь, почему так хорошо жить в западной части Лос-Анджелеса? – повернувшись ко мне, спросил он. Ясно было, что он хочет, чтобы мои мысли находились здесь, а не в Лондоне. – Это просто отличное место. Конечно, тут есть все – лучшие рестораны, пляжи. Но главное, аэропорт близко. Через несколько минут будем дома.

Дома. Опять это слово. Я глянула в окно на городской пейзаж: совсем не похоже на дом, скорее на далекую планету, населенную… кто его знает кем.

– Здесь нет настоящих небоскребов, – продолжал Фрэнк. – С 1926 года самое высокое здание в городе – это ратуша высотой четыреста пятьдесят четыре фута. Так спланировали лучшие архитекторы. По их замыслу город должен был развиваться горизонтально, чтобы максимизировать преимущества городской жизни на максимально возможной площади.

Мимо проносились приземистые коммерческие здания, пешеходов было мало, не то что на Уайтчепел-роуд в Ист-Энде, где сновали толпы людей, которые работали, делали покупки, ели и выпивали в том же районе, где и жили.

Двадцать минут спустя водитель свернул на обсаженную пальмами жилую улицу. Машина поднялась на холм, и с его вершины я увидела голубой океан. Мы проехали десятки оштукатуренных домов с крышами из керамической черепицы или чего-то похожего. Повсюду были тщательно ухоженные газоны, плодоносящие цитрусовые деревья и подстриженные живые изгороди, из которых не выбивалось ни одного листка.

Фрэнк указал на большой, современного вида дом прямо перед нами – как будто картинка из журнала про дизайн.

– Приехали, – сказал он, улыбаясь. – Добро пожаловать домой, миссис Бейкер, вернее, будущая миссис Бейкер.

Я ахнула, искренне пораженная.

– Правда, Фрэнк? Это… прекрасно.

Я не покривила душой. Двухэтажный дом стоял на большом угловом участке с ухоженной лужайкой и садом; две высокие пальмы обрамляли вход, а огромные панорамные окна выходили на океан. В таком доме должны жить кинозвезды, а не простые смертные, такие как… я.

Пока водитель выгружал багаж, Фрэнк взял меня за руку и гордо ввел в парадную дверь.

Коренастая женщина в черном платье и белом фартуке, с темными волосами, собранными сзади в тугой пучок, улыбнулась мне с первой ступеньки лестницы. Ее доброта согрела меня, и она мне сразу понравилась.

– Стало быть, вы – Элоиза, – сказала она с акцентом, который я не сумела определить. – Добро пожаловать!

– Дорогая, – сказал мне Фрэнк, – это Бонни, наша чудесная экономка.

– Очень приятно, – сказала я с ответной улыбкой.

– Вы, должно быть, устали, – она начала суетиться вокруг меня. – Давайте-ка вашу сумку. Может быть, хотите чего-нибудь…

Фрэнк кашлянул.

– Бонни, я так понимаю, вы подготовили все, о чем я писал?

– Да, мистер Бейкер, – быстро ответила она, сияя от гордости. – Дом готов для вашей невесты, как вы и просили.

Интересно, что она думает обо мне – иностранке, которую Фрэнк привез из Лондона… как сувенир.

– Дорогая, давай я тебе все покажу, – сказал он, взяв меня за руку. Он рассказал, что нанял для проектирования дома ужасно именитого архитектора и не жалел средств на строительство, уделяя внимание каждой детали. И – о, что это были за детали! Я никогда не видела такого большого холодильника, такого шикарного дивана, такого… Я остановилась, оглядывая внутренний двор с бассейном… подумать только, у меня собственный бассейн!

Наверху Фрэнк показал мне спальню, которая когда-нибудь будет переоборудована в детскую, и еще две гостевые спальни. Когда мы добрались до главной спальни, он отступил назад, любуясь, и повернулся ко мне.

– Сразу после того, как я встретил тебя, я переделал эту комнату, надеясь, что ты разделишь ее со мной. Как тебе нравится?

Что тут говорить: девушка из Ист-Энда могла, как я, всю жизнь избавляться от акцента, но она никогда бы не подумала, что будет спать в такой большой кровати или в такой большой комнате – больше, чем вся моя лондонская квартира. Он спросил, нравятся ли мне бледно-желтые подушки и покрывало. Я не осмелилась сказать правду, что предпочла бы цвет морской волны или может быть, розовый – я всегда любила розовый. Какая разница? Этого должно было быть достаточно, чтобы заглушить мою сердечную боль. Если бы только этого было достаточно!

Фрэнк обнял меня за талию.

– Тебе ведь нравится?

– Да, дорогой, конечно, – быстро сказала я, проводя рукой по покрывалу; мои мысли метались, как неровное сердцебиение. *На этой кровати я буду спать с Фрэнком. Здесь Фрэнк будет раздеваться и заниматься со мной любовью ночь за ночью. Эти подушки впитают мои тайные слезы о Лондоне, о Милли и… о дороге, которую я не выбрала.*

Все произошло очень быстро. Через неделю после моего приезда мы получили разрешение на брак, назначили венчание, и к следующей пятнице уже стали мужем и женой.

Фрэнк оплатил приезд Милли, и она стала единственным свидетелем с моей стороны. Со стороны Фрэнка были несколько его коллег с женами, которые с любопытством смотрели на меня, как на диковинную зверушку, вывезенную из-за границы. Когда мы

произносили брачные обеты, я поймала взгляд Милли, и выражение ее лица поразило меня. Это не было ни беспокойством, ни опасением, ни жалостью. Впервые она смотрела на меня так, будто была со мной незнакома. Я стала чужой и для нее, и, может быть, даже для самой себя.

Утром в день свадьбы я рассказала Фрэнку о ребенке. Я ждала подходящего момента, и, похоже, подгадала правильно. Он, конечно, пришел в восторг: я, правда, ни минуты не сомневалась, что так оно и будет. Его ликование обрадовало меня; не меньше меня радовала и эта новая жизнь во мне. С ней я чувствовала себя… не такой одинокой. В Лондоне Фрэнк всегда находился в пределах досягаемости. Но в Калифорнии он был вечно занят. И даже в обществе Бонни, нашей экономки, непрестанно суетящейся в доме, я чувствовала постоянные муки одиночества. Но если мои мысли слишком надолго застревали в прошлом или я чувствовала особенно острую тоску по Милли, я смотрела на свой округлившийся живот и думала о том, что я не одна: нас двое.

Раньше я никогда не страдала бессонницей, но в Калифорнии часами ворочалась с боку на бок еще долго после того, как Фрэнк начинал храпеть рядом со мной. Чтобы скоротать время, я читала книги и писала Милли. Если бессонница затягивалась до раннего утра, я подходила к окну спальни и считала звезды, пока солнце не выглядывало из-за горизонта и Фрэнк не вставал на работу. Потом Бонни приносила завтрак на подносе и садилась в кресло у окна, требуя, чтобы я съела то одно, то другое. Еда меня не интересовала, зато интересовали ее рассказы, особенно о ее семье, которая осталась у нее на родине, в России. Она напоминала мне, что не одна я тоскую по дому.

Под глазами у меня образовались постоянные темные круги. В те месяцы меня так тошнило из-за беременности, что я часто оставалась в постели до полудня, а иногда и позже. Но хотя утренняя тошнота в конце концов прошла, одиночество никуда не делось. Считалось, что Калифорния – мировой центр развлечений и веселья, но на меня она почему-то действовала противоположным образом. Я ощущала себя каким-то растением.

– Вышли бы вы в патио да посидели у бассейна, – сказала однажды Бонни, изо всех сил стараясь вытащить меня из полумрака спальни. –

Солнышко пойдет вам на пользу.

Я согласилась – исключительно потому, что не хотела ее разочаровывать.

– Вот, – сказала она, когда я устроилась в шезлонге у бассейна, и протянула мне огромную черную соломенную шляпу. Вероятно, это была одна из множества вещей, которые Фрэнк попросил Бонни купить к моему приезду, включая кучу роскошных туалетных принадлежностей на полке в ванной. Я улыбнулась про себя, вспомнив свой первый день в Лос-Анджелесе. Он так радовался, когда привел меня домой и стал показывать все приготовления, которые он сделал – для меня. Никто никогда не был так щедр ко мне, и меня сразу же захлестнула волна благодарности.

Я пристроила на голову шляпу и стала разглядывать свое отражение в окне. Специально потертая по краям и гибкая во всех нужных местах, шляпа была по-настоящему изысканной, и сразу же понравилась мне.

– Вам идет, – сказала Бонни, одобрительно улыбаясь. Я почувствовала, как ребенок толкается изнутри в мой живот. Бонни взяла кувшин чая со льдом и налила в высокий стакан, выдавив туда дольку свежего лимона.

– Спасибо, – сказала я и взялась за книгу, которую начала читать прошлой ночью. «Последняя зима». Я купила ее в Лондоне по рекомендации знакомой из «Хэрродса»: я и не думала, что она любит читать, но когда она начала взахлеб рассказывать о любимых книгах, я в очередной раз вспомнила, что нельзя судить о книге – или человеке – по обложке.

Книгу я нашла в книжном магазине, который часто посещала в обеденный перерыв, когда стояла за прилавком с дамскими аксессуарами в «Хэрродсе». Мне даже не верилось, что я до сих пор еще ее не открыла. Забавно читать книгу про «зиму» в Калифорнии, в краю вечного лета. Но когда я погрузилась в эту историю, она показалась мне… совершенством. Главная героиня, прима-балерина по имени Сезанна, жила жизнью, которая казалась до боли знакомой – возможно, только мне.

Я читала главу за главой, пока мои веки не отяжелели – не от рассказа, а скорее от усталости. Да, мы с Сезанной родственные души, но наши жизни пошли разными путями, подумала я перед тем, как

закрыть глаза. Да, у меня были надежность и комфорт, которых не было у нее, но Сезанна не захотела отказываться ни от любви – как она знала, настоящей, – ни от самой себя.

Когда я проснулась, солнце в небе уже переместилось. Теперь оно пряталось за рядом пальм в боковом дворе. Я услышал в доме голоса, хлопнула дверь. Потом я увидела, что надо мной стоит Фрэнк.

– О, привет, – сонно сказала я и села, чтобы окончательно проснуться и поздороваться по-человечески. – Сегодня прекрасный день, – сказала я, протягивая ему руку, но он ее не взял.

– Эта шляпа, – сказал он, расхаживая взад и вперед. – Где ты ее взяла?

Я машинально коснулась широких полей, смущенная и немного встревоженная. Неужели я чем-то разозлила его? Его рот был напряжен, губы плотно сжаты, в глазах ни намека на обычное добродушие.

– Бонни… дала мне. – Я помолчала. – Что-то не так? Я думала, это ты… мне купил.

Он покачал головой, не ответив на мой вопрос и не объяснив, чем он так недоволен.

– Зря она тебе ее дала.

– О, – сказала я. Сняв шляпу, я положила ее на шезлонг, чувствуя себя маленькой девочкой, которую застукали на том, что она без спросу надела мамино драгоценное ожерелье.

Фрэнк вздохнул, забрал шляпу и ушел в дом, сильным толчком закрыв раздвижную дверь.

Должно быть, это подарок, который он мне купил. Я еще не должна была о нем знать. Ну конечно. Он расстроился, потому что я испортила сюрприз. А может быть, у него неудачный день в офисе.

Но по мере того, как солнце опускалось за горизонт, унося с собой тепло, мои сомнения росли. Ветер зашелестел пальмами над головой, и я вздрогнула, как будто они шептали секрет – секрет, в который я не была посвящена.

В следующие недели Фрэнка почти не бывало дома. Конечно, я знала о его командировках, но он засиживался допоздна в офисе, и это стало для меня неожиданностью. Однажды вечером я даже решила приготовить ему особый ужин и сделала фрикадельки по маминому

рецепту, но его тарелка простояла на обеденном столе три часа и остыла.

– Он такой хороший человек, – разглагольствовала однажды утром Бонни, готовя мне на завтрак тарелку малины с жирными сливками – мое любимое блюдо. – Он очень много работает, поэтому может избаловать вас, миссис Бейкер!

Я напомнила себе, что американцы помешаны на своей карьере. Мне вспомнился Роджер Уильямс, повеса. Дни он проводил, встречаясь с женщинами, а ночью напрочь забывал о них. Я поморщилась при этом воспоминании, но все же, если бы не Роджер, я бы не встретила Эдварда, что в некотором смысле заставило меня пожалеть, что я встретила Роджера.

– Бонни? – сказала я, ковыряясь в тарелке с ягодами.

– Да, дорогая?

– Вы ведь хорошо знаете Фрэнка?

Она улыбнулась из-за раковины, где загружала посудомоечную машину. – Ну, я у него работаю уже четырнадцать лет, так что да, надеюсь, что да.

– Просто, – бормочу я, – на днях он разозлился на меня из-за ужасной ерунды – той соломенной шляпы.

Она вытаращила глаза.

– Вы не знаете почему? – Я сделала глубокий вдох. – Он так смотрел на меня, так говорил… Я все думаю и думаю об этом. В его глазах читалась… неприязнь.

– Не может этого быть, – ответила Бонни. – Какая неприязнь? Мистер Бейкер любит вас!

Я покачала головой.

– Но…

– Пожалуйста, не волнуйтесь, миссис Бейкер, – сказала она, возвращаясь к раковине. – Он просто слишком много работал, вот и все. – Она улыбнулась. – Это сказывается на мужчинах.

Я вздохнула, пытаясь поверить, что так и есть.

– Вы правы. Наверное, у него просто был неудачный день. – Я отправила в рот последнюю малинку и отнесла тарелку в раковину.

– Вот именно, – сказала Бонни, переключаясь на тарелки.

Я решила выбросить эту историю из головы вместе со своими тревогами. В то утро я отправилась погулять по окрестностям, а потом

зашла в ближайшее кафе, села за угловой столик, выпила кофе и стала писать письмо Милли. «*Круассанам здесь далеко до лондонских, но мне нравятся некоторые другие штуки, например, бейглы, такие странные рыхлые булки – как будто троюродные братья пончиков, только не жареные. Американцев от них за уши не оттащишь. А вчера я впервые попробовала авокадо. Оно мягкое и необычное, а вкуса я так и не разобрала*».

Я отложила ручку, и лишь через некоторое время решилась написать то, что действительно хотела: «*Ты вернула пиджак Эдварду? Ты… видела его*?»

Я вздохнула и убрала ручку с бумагой в сумку. Книгу я оставила дома, поэтому взяла газету и, просмотрев местные объявления, обрадовалась: на вторую половину дня была назначена распродажа имущества совсем рядом.

Указанный адрес привел меня к большому дому в стиле крафтсман[23] в нескольких кварталах от кафе. Дверь была открыта. Войдя, я увидела несколько столов с тщательно отобранными вещами, которые покойный владелец, должно быть, собирал всю жизнь. От меховых палантинов и винтажных украшений до домашнего декора и предметов искусства – каждая вещь казалась высококачественной, и, когда я все это осматривала, мое сердце трепетало. Это лучше всякого «Хэрродса».

Я провела долгие часы у этих столов, полагаясь на свои глаза, взвешивая каждую понравившуюся вещь в руке.

Нерешительность, которая тяготила меня с момента приезда в Калифорнию, мгновенно исчезла. Я увидела сделанную из глины коробку цвета океана и объявила, что беру ее. Я просмотрела каждую книгу и выбрала первые издания. Радужная ваза с надписью «ФЕНТОН» очаровала меня, как и украшения в стиле ар-деко. Я примерила геометрические броши и браслеты, представив себя в золотом веке Голливуда. Вот оно, мое новое американское увлечение – или, может быть, увлечение моего альтер эго: охота за сокровищами из прошлого.

Фрэнк дал мне свою чековую книжку, но я ни разу ею не воспользовалась. В тот день я наконец достала ее и заплатила за все вещи.

Глава 11

Валентина

На следующий день

– Доброе утро, – говорю я Милли, уставившейся в экран рабочего компьютера, и протягиваю ей стаканчик кофе из кафе «Флора».

– Ух ты, спасибо, – говорит она, отпивая глоток. – Знаешь, твоя мама вечно раздавала кофе всем жаждущим. Это была ее фишка.

Я киваю, вспомнив маму в маленьком кафе рядом с пляжем: в руках у нее поднос с лимонадом для меня и двумя стаканчиками кофе – второй она готова отдать кому угодно, от местного бездомного до почтальона на углу улиц Парк и Оушен. В какой-то момент я тоже приобрела эту привычку – наверное, это мама заговорила во мне.

– Как дела? – спрашивает она. В магазин входит Лайза и машет нам рукой.

– Хорошо, – говорю я, помахав в ответ Лайзе. – Я нашла мамину последнюю записку.

– Да ты что! – взвизгивает Лайза. Они с Милли нависают над моим плечом и ждут, пока я выкопаю письмо из сумки. Я чувствую запах фирменных ванильных духов Лайзы. На днях она сказала мне: «Я перепробовала миллион ароматов, и это то, что надо. Мужчинам нравится, когда женщины пахнут теплым, свежим печеньем».

– Лисьи хвосты? – удивляется Милли, перечитывая записку, которую я нашла в книжке Мэй Уэзерби «Баю-баюшки, луна». – Что, черт возьми, это значит?

Лайза ставит сумку на землю и улыбается.

– Очевидно, она имеет в виду лисохвост.

Я качаю головой, все еще в растерянности.

– Ты же знаешь, – продолжает Лайза. – Такое растение!

– О, – говорю я и чешу в голове. – Но… где оно растет?

Колесики в мозгу Лайзы быстро вращаются.

– Лисохвосты и нарциссы. – Она надолго замолкает. – Матильда! Вэл, она оставила твою следующую подсказку в саду, в Риджентс-парке!

Я все еще в растерянности.

– Подожди, что за Матильда?

Похоже, до Милли тоже доходит.

– Фонтан Матильды, – объясняет она, кивая. – Конечно. Элоиза любила эту старую статую молочницы, прикрывающей глаза от солнца. Она приходила от нее в восторг, хотя не понимаю почему. Но такая уж она была. Элоиза могла придумать историю из ничего.

Я снова перечитываю мамину записку.

– А что такое, по-вашему, «маленький домик»?

Лайза качает головой.

– Ну, тут я в тупике.

– Я тоже, – добавляет Милли.

– Послушай, – говорит Лайза, поворачиваясь к двери. – Сегодня мне нужно выполнить поручения босса – увы, целую кучу, – но завтра утром почему бы нам не отправиться в Риджентс-парк и не посмотреть, что к чему?

– Давай, – говорю я, думая о маминой последней фразе: «Буду ждать». Если бы только она могла ждать. Если бы только… Я машу Лайзе на прощание и присоединяюсь к Милли за прилавком. После того как вчера заработал наш новый сайт, сообщает она мне, мы получили одиннадцать заказов.

– Это же замечательно, – восклицаю я, разглядывая стопки книг, ожидающих упаковки и отправки.

– Ну да, это обнадеживает, – со вздохом отвечает Милли. – Но чтобы удержаться на плаву, нам потребуется гораздо больше, чем одиннадцать заказов. – Она щурится на экран. – Я все кручу и верчу эти цифры во всех направлениях, пытаясь понять, вдруг мы можем сократить какие-нибудь расходы и направить деньги на этот налог на наследство.

Перси мурлычет у моих ног, и я подхватываю его на руки. Его шерсть щекочет мне нос.

– У меня были кое-какие сбережения, – говорю я. – Но после расходов на развод на счету мало что осталось. – Я хмурюсь. – Представляешь, адвокат брала с меня двести пятьдесят долларов в час. Просто грабеж.

– Именно, – отвечает Милли.

Я киваю.

– А еще юрист.

– У нас в Великобритании тоже есть проблемы, но в Америке система семейного права просто прогнила. Все делается лишь для того, чтобы доказать свою правоту и выиграть процесс, пусть даже с помощью манипуляций, вместо того чтобы думать о благе семьи и детей. – Она хмурится и возвращается к экрану компьютера.

– Ты ведь так себя не вела, когда работала юристом?

– Ну, я не занималась семейным правом, – говорит она. – Это просто токсично. Но да, я вела свою практику по-другому. Я вообще была редкой птицей: брала клиентов, которые больше всего нуждались в моей помощи, вне зависимости от того, могут ли они заплатить. Я любила свою работу, она давала мне крышу над головой, но была не особенно прибыльной. Боюсь, у меня нет лишних средств, чтобы внести свой вклад, как бы мне этого ни хотелось.

– Милли, – быстро говорю я. – Я и не думала просить тебя о финансовой помощи. Ты и так столько сделала, когда мама… ты взяла все на себя, и при этом совершенно бесплатно, и… ну, ты поступила как настоящий друг. И то, что ты как адвокат работала на пользу другим, – я замолкаю и улыбаюсь, – знаешь, немногие на это способны. Это… на самом деле просто потрясающе.

– Ну, – говорит она в своей деловой манере, уклоняясь от моих комплиментов, – если бы я была такой уж потрясающей, то смогла бы найти способ вытащить нас из этой передряги, но боюсь, расклад у нас неудачный.

– Но мы должны стараться, – говорю я, с усилием сглатывая. – Она бы хотела, чтобы мы это сделали.

Выражение ее лица смягчается.

– Она бы сама это сделала, значит, и мы должны.

– Я бы все мигом устроила, будь у меня деньги, доставшиеся мне по завещанию отца. Но медицинские счета плюс расходы на похороны съели почти все. Адвокаты сказали, что за год до смерти он сделал инвестиции, которые пошли прахом. Ник рассвирепел из-за того, что нам пришлось отменить запланированный ремонт кухни, но мне было плевать на деньги. Папа так много работал, и он подарил мне прекрасную жизнь. Мне невыносимо думать, что он так и не оправился от этой финансовой потери.

– Я слышала, что он умер, – говорит Милли. – Очень жаль.

– Шесть лет назад, – говорю я. – Осложнения после сердечного приступа.

– Я была у них на свадьбе, – говорит она.

– Правда?

Похоже, Милли хочет мне что-то рассказать, но не совсем представляет, с чего начать и стоит ли вообще это делать.

– Когда-то, много лет назад… они были влюблены друг в друга?

Она молчит, слегка улыбаясь уголками губ.

– Твой отец был щедрым человеком, и… он действительно очень любил твою маму.

Я представляю обоих родителей за обеденным столом в Санта-Монике. У каждого были свои тайны.

– Перед смертью папа сказал, что хотел бы, чтобы все сложилось по-другому – чтобы она осталась.

Меня захлестывает волна эмоций: я вспоминаю боль и сожаление в его глазах в последние дни, пустыню одиночества, которую я так старалась заполнить для него, забыв собственные страдания в подростковом возрасте. К тому времени он очень ослабел и мог говорить только шепотом. Никогда не забуду наш последний разговор. Он сказал, что жалеет обо всем, и это разбило мне сердце. Единственного человека, который должен был извиниться перед нами обоими, там не было.

– Извини, – говорит Милли.

Я киваю и отвожу взгляд.

– Просто за все эти годы я так ничего и не поняла. Как могла жена, мать – просто так взять и бросить семью?

– Валентина, все это было очень… сложно, – отвечает она.

– Ну, ты же их знала. Что случилось?

– Я была знакома с твоим отцом совсем недолго, до того, как они переехали в Калифорнию. Со стороны это выглядело сказкой: крутой, успешный американец вскружил ей голову и увез в роскошную Калифорнию. Но прошли годы, и твоя мама призналась мне, что все не так просто.

– А что было еще?

Лицо Милли остается настороженным.

– Как и любые бурные отношения, их отношения были… сложными.

Я вздыхаю.

– Ну конечно, я понимаю, люди разводятся и все такое, это очевидно. Не понимаю другого. Как она могла оставить свою дочь и сбежать в Лондон, а теперь я приезжаю сюда, и все мне рассказывают, что она святая. Это что, нормально?

– Попробую кое-что прояснить, – возражает Милли. – Твоя мама никогда не считала нормальной разлуку с любимой дочерью. На самом деле она носила в себе эту печаль до самого последнего дня. – Она берет меня за руку и сжимает ее. – Пусть она сама тебе откроется, по-своему. Я уверена, со временем ты поймешь и, может быть, даже простишь ее.

Я неохотно киваю.

– Но посмотри, – она преобразила свою печаль в это прекрасное место, – продолжает она, окидывая взглядом магазин. – Да, это дело всей ее жизни, и даже если ты не решишься простить ее, это место – нечто большее, чем она сама. «Книжный сад» нашел свой путь в самое сердце сообщества – а за это стоит бороться, не так ли?

– Так, – говорю я, расправляя плечи. – И хочу, чтобы ты знала: я буду бороться столько, сколько потребуется.

Милли улыбается.

– Вот это по-нашему.

– Просто хотелось бы, чтобы финансовые перспективы не были такими мрачными.

– Ты же сама сказала, что нужно проявить творческий подход.

Я выглядываю в окно и смотрю на вывеску наверху: она слегка покачивается на ветру. По тротуару проходит женщина средних лет с огромным букетом в руках – все цветы разных оттенков розового. И тут меня осеняет.

– «Книжный сад»! – восклицаю я, поворачиваясь к Милли. – Вот оно! Что, если нам сыграть на этом? Мы можем освободить немного места в передней части, чтобы продавать растения, даже цветы! Ты же знаешь, многие книжные магазины торгуют, например, подарками и игрушками.

– Конечно, – говорит она. – Вот только…

– Мы могли бы продавать комнатные растения, букетики нарциссов, может быть, найти кого-нибудь в помощь на неполный рабочий день, чтобы мы с тобой могли сосредоточиться на продаже

книг. Знаю, поначалу появятся дополнительные расходы, но они наверняка окупятся. – Я улыбаюсь про себя. – Книги и всякие зеленые штучки. Они могут расти вместе.

– Терпеть не могу комнатные растения, – говорит Милли и натянуто улыбается. – Но идея на самом деле… совершенно блестящая.

– Ты вправду так думаешь?

Она кивает, глядя на меня долгим взглядом.

– Я ошибалась на твой счет, – наконец говорит она.

Я качаю головой.

– То есть как?

– Она так любила это место, – говорит Милли. – Но когда она сказала, что хочет оставить магазин тебе, я… забеспокоилась… что тебе это не очень понравится и ты постараешься побыстрее от него избавиться… Но нет, Элоиза знала, что делает. Она оставила «Книжный сад» тебе, потому что была уверена, что отдает его в самые умелые, заботливые руки. – Она улыбается. – Прости, что сомневалась в тебе.

– Уже простила, – говорю я.

– Ну что ж, – говорит Милли, взглядывая на часы. – Пойду открываться. Уже почти девять. – Она переворачивает табличку «Закрыто» в окне, и в этот момент к магазину подъезжает грузовик FedEx.

– О нет. – Она внезапно начинает нервничать, заправляет волосы за уши и делает глубокий вдох. – Черт возьми! Что-то он рано сегодня.

Я с удивлением наблюдаю, как Милли бежит к прилавку, достает из сумочки помаду и торопливо мажет губы. Когда я открываю дверь, она притворяется, что занята документами.

Миг спустя она поднимает глаза и удрученно смотрит на высокого мужчину со светло-русыми волосами, собранными сзади в неряшливый конский хвост. Это не Фернандо.

– Распишитесь, пожалуйста, здесь, мэм, – говорит он.

– А где же… Фернандо?

– Без понятия, – говорит он. – Может, заболел? Или его направили по другим адресам. В компании вечно что-то меняется.

– О-о, – вздыхает Милли.

– Думаю, тебе давно пора сознаться – говорю я, когда грузовик трогается с места. – Ты определенно неравнодушна к этому доставщику.

– Нет, ничего подобного!

– Не нет, а да. И знаешь что? Похоже, он к тебе тоже неравнодушен.

Пораженная, она поворачивается ко мне.

– Ты правда так думаешь?

Я киваю. Почему-то мне отрадно думать, что независимо от возраста любовь может найти нас и снова превратить в школьниц.

– Я видела, как он на днях смотрел на тебя. Готова спорить, он пытается набраться смелости, чтобы пригласить тебя на свидание.

– Ты просто льстишь мне, – говорит она, в корне отметая мое романтическое предположение. – Мы обе знаем, что он никогда бы не заинтересовался женщиной моего возраста.

– Чепуха, – говорю я, с интересом вглядываясь в ее голубые глаза, мерцающие на свету. – А ты когда-нибудь… была замужем? – наконец спрашиваю я.

– Нет, – говорит она. – Но когда-то, очень давно, был один человек, которым я глубоко восхищалась. – Ее глаза затуманиваются воспоминанием. – Но, увы, он был не для меня. Его сердце… принадлежало другой.

Зря я спросила. Ее губы сжимаются, и она вся закрывается, как тюльпан в ночной прохладе.

– Посмотри, который час, – говорит Милли, взяв себя в руки. – А у меня целая куча новых поступлений, которые нужно каталогизировать. – Блеск в ее глазах бесследно исчез.

Я возвращаюсь в свою квартиру, открываю @booksbyval и отвечаю на десятки сообщений, вдохновленных моим последним постом о том, что нужно собирать столько книг, сколько душе угодно. Мои подписчики единодушно присоединяются к #книги_делают_нас_счастливее.

Я начинаю новый пост.

Есть ли у вас настоящая мечта? Моя мать мечтала о собственном книжном магазине, и она его открыла. Это прекрасно. Но самое забавное, я никогда не понимала, что мечтами можно делиться. Хотя я никогда не думала владеть книжным магазином в

Лондоне, и, хотя мои отношения с матерью были… сложными… она подарила мне гораздо больше, чем просто имущество, указанное в завещании. На самом деле она передала мне свою мечту в надежде, что я сделаю ее и своей тоже. И знаете что? Я решила попробовать.

А какова ваша великая мечта? С нетерпением жду комментариев. #книжныемысли #книжныесны #свой книжныймагазин

Вечером я стучусь к Лайзе, чтобы рассказать ей о нашей с Милли новой идее. Она только что из-под душа, но, кажется, не возражает.

– Понимаешь, ни для кого не секрет, что «Книжный сад» должен увеличить прибыль, чтобы удалось заплатить налог. Мы с Милли думали-думали, и кое-что придумали. Во-первых, я хочу привязать свой аккаунт @booksbyval к сайту магазина, и мы объявим о планах по сбору средств среди сообщества.

– О! – взвизгивает Лайза – Это мне нравится!

– Но у нас прошел еще один мозговой штурм, и вот тут нам понадобишься ты.

Я рассказываю о нашем плане переоборудовать переднюю часть магазина в своеобразную цветочную лавку. И наконец говорю:

– А заправлять там… будешь ты!

Лайза так стискивает меня в объятиях, что я едва могу вздохнуть.

– Ты серьезно?

– Да! – киваю я. – Конечно, мы не сможем много платить, по крайней мере, поначалу, но ты умеешь общаться с растениями – нам польза, а тебе удовольствие. Что скажешь?

– Я «за» на сто процентов, – улыбается она. Кожа у нее еще влажная после душа. – И мне не нужно платить. Я буду трудиться из любви, и это меньшее, что я могу сделать, особенно после того, как я несколько месяцев не могла платить за квартиру, а твоя мама подчистую списала мой долг. Она была особенной.

Да, она была особенной. Но она бросила меня. Противоречие, от которого у меня болит сердце.

– Когда мне начать? Я уверена, что смогу совмещать это со своей работой.

– Что, если… завтра? Вообще-то, когда у тебя появится время. Я ничего не смыслю в растениях, не говоря уже о цветах. Так что все на твое усмотрение.

– Почти всю сознательную жизнь я работаю личным помощником, и уж если что-то умею, то рассчитывать и придумывать. – Она снимает с головы полотенце, и я вижу копну волос, только что выкрашенных в ярко-голубой цвет.

– Боже, что это с тобой?

– А, – говорит она. – Захотелось попробовать что-нибудь новенькое. – Повернувшись к зеркалу, она ерошит свои лазурные кудри. – Пришлось использовать целое море отбеливателя, чтобы цвет держался, я боялась, что сожгу все волосы, но вроде бы получилось неплохо. Как тебе?

– Думаю, это очень даже… в твоем стиле, – усмехаюсь я.

– Да, я тоже так думаю, – тараторит она. – Я вообще-то хотела больше бирюзового оттенка, но теперь мне кажется, что так лучше. Ты бы назвала этот цвет сапфировым?

– Определенно, – говорю я, направляясь к двери.

– Постой, а как продвигаются поиски твоего книжного возлюбленного?

Я достаю из сумки «Последнюю зиму» и смотрю на обложку.

– Какой там поиск, скорее тупик.

– Погоди, – вдруг говорит Лайза, выхватывая у меня книгу. – И как я раньше не заметила?

– Что?

– Штамп на задней обложке. – Она тычет в него пальцем, и мы обе видим эмблему Университета Куин Мэри.

Я качаю головой.

– Ну и что?

– А то, что, возможно – только возможно, – эта книга использовалась в каком-то учебном курсе колледжа. Если бы только понять, в каком, ты бы могла найти своего парня.

– Ну знаешь, – говорю я, когда она возвращает мне книгу, – я, конечно, восхищаюсь твоим упорством, но тебе не кажется, что это несколько… притянуто за уши?

– Никогда не знаешь, что и где можно найти. Давай, покопай еще немного – ради меня.

Я закатываю глаза.

– Ну так и быть. Только ради тебя.

Глава 12

Август 1968 года

Элоиза

Однажды вечером за ужином Фрэнк напомнил мне, что приближается праздник – День труда. Это такой особый американский праздник, который принято отмечать с коллегами по работе. Мы собирались устроить званый ужин для нескольких сослуживцев Фрэнка с женами.

– Возьми чековую книжку и сходи в магазин «Фред Сигал» за новой одеждой, – сказал он. – Купи себе платьев и купальников.

Я решила порыться в своем шкафу и провести инвентаризацию. Вытащила четыре платья, а потом повесила обратно. Ни одно не подойдет. У меня не было никакого желания ходить по магазинам, но Фрэнк, вероятно, прав. Мой гардероб годился скорее для Лондона, чем для Лос-Анджелеса, к тому же, учитывая размер моего растущего живота, я ни во что не влезала. И с какой стати я притащила теплые куртки в климат, который знал только яркое солнце? Надо попросить Бонни спрятать их на хранение.

Как и предложил Фрэнк, я взяла такси до «Фреда Сигала» и купила несколько новых вещей, которые соответствовали моей растущей фигуре и, что еще важнее, позволяли мне чувствовать себя *на своем месте*. Перед первым званым ужином, который мы устраивали как супружеская пара, Фрэнк сидел в гостиной, а я спустилась вниз в одном из новых платьев. Синее, с изящным цветочным узором и завышенной талией в стиле ампир – оно мне понравилось с первого взгляда. Я надеялась, что ему тоже понравится.

– Привет, дорогая, – весело сказал он. – Новое платье?

Я кивнула, ища в его глазах одобрения.

– Тебе нравится?

Он помолчал, потом встал и подошел, чтобы рассмотреть платье поближе.

– Прекрасно, ничего не скажешь, но жены моих коллег обычно расфуфырены в пух и прах. У тебя есть что-нибудь более парадное и,

может быть, другого цвета? Ты же знаешь, что нравишься мне в розовом.

На мгновение опешив, я двинулась обратно к лестнице. Я вспомнила, насколько важна для Фрэнка эта вечеринка; он просто хотел, чтобы каждая деталь была безупречной, поэтому я выбрала розовое креповое платье и винтажные серьги, купленные недавно на распродаже имущества. Бледно-розовые камни почти идеально подходили к цвету платья.

– А как тебе это? – спросила я Фрэнка, вернувшись в гостиную, и обрадовалась довольному выражению его лица.

– Волшебное видение, – сказал он, целуя меня в щеку.

Я надеялась, что моя улыбка скроет тянущую боль, которую я чувствовала внизу живота. Возможно, просто несварение желудка – Бонни готовила божественно, но, хотя я разделяла предпочтение, которое Фрэнк отдавал пряным блюдам, иногда еда шла мне во вред. В любом случае я поклялась, что не позволю расстройству желудка испортить вечер; к тому же мне не хотелось волновать Фрэнка, который в эти дни впадал в панику из-за любой ерунды. Когда неделю назад у меня случился длительный приступ икоты, он не успокоился, пока не вызвал акушерку.

– А как искусно сработаны серьги, – сказал он.

Я коснулась рукой края одного из розовых камней, висящих у меня в ушах. К счастью, раздался звонок в дверь и Фрэнк не успел спросить, сколько я заплатила за серьги. Они были дорогими. Очень.

– А вот и первые гости, – сказал он, взяв меня за руку. – Пойдем поздороваемся.

В половине одиннадцатого, когда последние гости наконец разошлись, я плюхнулась на диван и сбросила туфли. Вечеринка удалась – по крайней мере, так считал Фрэнк. Пришло восемь пар, сослуживцы с женами, в том числе его начальник Джим и его чопорная супруга Габриэль, которая во время ужина сидела рядом со мной. Я изо всех сил старалась завязать с ней разговор, но это было все равно что пытаться разговорить кирпичную стену, намазанную матовой розовой помадой.

Другие женщины оказались немногим приветливее, хотя я завязала беседу с одной из них по имени Конни. Она была примерно моего возраста и достаточно мила, хотя ее, похоже, интересовала только одна

тема: она подозревала, что ее муж завел на работе роман с особенно пышногрудой секретаршей. Пытаясь перевести разговор в более мирное русло, я рассказала ей о своей великой идее, которая в хорошем смысле не давала мне спать по ночам: открыть в Санта-Монике книжный магазин. К сожалению, однако, нашим разговором заинтересовалась Габриэль и встряла.

– О, как прелестно, – сказала она. – Книжный магазин. Так изысканно. Так по-лондонски. Но, дорогая, вы же понимаете, в Лос-Анджелесе никто не читает книг. Мы смотрим фильмы.

Я как раз вспоминала об этом, когда Фрэнк скользнул на диван рядом со мной.

– Тебе было весело?

– Да, – солгала я.

– Они действительно прекрасные люди.

– Так и есть, – снова солгала я и почувствовала, что живот напрягся, а в пояснице разлилась волна боли. Я тут же пожалела, что ела фрикадельки Бонни.

– Тебе ведь нравится Калифорния? – сказал Фрэнк; это был не столько вопрос, сколько констатация факта.

Мгновение я молчала и наконец заставила себя улыбнуться.

– Да, мне очень нравятся пальмы и… солнце… но, Фрэнк, я хочу с тобой кое о чем поговорить. – Я овладела собой. – Думаю, что после… рождения ребенка мне следует заняться тем, о чем я всегда мечтала.

Он поставил свой бокал на кофейный столик и немного рассеянно спросил:

– О чем же ты мечтаешь?

– Фрэнк, ты же знаешь, – о книжном магазине. Я рассказывала тебе еще в Лондоне. Я всегда хотела его открыть, а на Мейн-стрит сдается в аренду прекрасный магазин – я недавно проходила мимо, это было бы идеальное место. – По мере того как его интерес угасал, я говорила все настойчивее и быстрее. – Я бы продавала в основном подержанные книги, но и новинки тоже. Потребуется небольшой ремонт, но я и сама могу многое сделать, и… О, Фрэнк… Ты только представь себе: полки с книгами, удобные кресла в каждом углу!

Я ждала ответа, но он молча сидел на диване и смотрел на меня так, словно я сказала самую нелепую – или забавную – вещь, какую он когда-либо слышал.

– Дорогая, – наконец сказал он, – давай проясним ситуацию. Ты хотела бы продавать подержанные книги?

Я кивнула.

– Да, и я…

– Элоиза, подержанные книги не принесут прибыли. Это провал с самого начала. – Он погладил мое бедро. – Если ты ищешь себе занятие, могу позвонить в пару мест. Уверен, что найдется благотворительный совет, в который ты сможешь войти. Например, жена Джима, Габриэль, возглавляет Фонд детских больниц. Ты могла бы помогать им со сбором средств, – конечно, когда ребенок подрастет.

Я не сказала ему, что Габриэль понравилась мне меньше всех гостей; не сказала и о том, что подслушала ее разговор с одной из женщин – то, что она говорила, не могло быть правдой. В любом случае она была последним человеком, с которым я хотела бы работать, каким бы замечательным ни был ее фонд. Я просто сидела и смотрела перед собой. Фрэнк зевнул и пошел спать.

Конец великой калифорнийской мечте.

Мысли не давали мне заснуть, поэтому я побрела на кухню приготовить себе чашку чая. Там обнаружилась Бонни, заканчивавшая мыть посуду. Увидев выражение моего лица, она перестала улыбаться.

– Что случилось, дорогая? – Хотя мы были знакомы недолго, ее добрый взгляд казался мне бальзамом для моей боли. – Вы хорошо повеселились на вечеринке?

– Да, – сказала я со вздохом. – Думаю, что да.

– Ну-ка выкладывайте, что вас гложет.

Эмоции, которые я сдерживала с того последнего дня в Лондоне, давили на мое сердце с такой силой, что я чувствовала, что могу взорваться, если не доверюсь Бонни. Я рассказала ей, как одиноко мне было все это время в Америке и как Фрэнк почти отверг мои предпринимательские идеи.

– Дайте ему время, дорогая, – сказала она. – Мистер Бейкер иногда бывает непреклонным, но он великодушный человек, и он вас любит. Он одумается.

Я отчаянно хотела верить Бонни, но все равно ничего не понимала. Если он действительно любит меня так, как утверждает, разве он не предпочел бы поддержать мои мечты вместо того, чтобы отбрасывать

как негодные? Но нет, я, кажется, знала о Фрэнке то, чего не знала Бонни: если он принимал решение, то раз и навсегда.

– В любом случае, – сказала я со вздохом, когда она протянула мне чашку ромашкового чая, – все в порядке.

– Уже поздно, душенька, – ответила она. – Быть хозяйкой – тяжелый труд. Вам нужно отдохнуть. А завтра будет солнышко.

В точности как моя мама – неисправимая оптимистка, даже несмотря на ее далеко не безоблачную жизнь. Да, завтра будет солнышко, послезавтра, и через неделю, а я так и буду топтаться в заколдованном круге, притворяясь счастливой, притворяясь, что все хорошо… Притворяясь.

– Да, – сказала я, зевая. – Мне, наверное, пора спать. – Но подслушанные за столом слова Габриэль не давали мне покоя. Я не осмелилась обсуждать это с Фрэнком, но, может быть, Бонни немного успокоит меня?

Я встала, повернулась к двери, но потом оглянулась на Бонни.

– И еще кое-что, – сказал я. – За ужином одна женщина произнесла нечто… довольно странное.

– Что же?

– Может быть, я ослышалась и они имели в виду совсем другого человека, но Габриэль и Конни говорили о какой-то женщине, как я поняла… о *первой жене* Фрэнка.

Глаза Бонни округлились.

– А это ведь глупость, верно? Фрэнк раньше не был женат. Он бы обязательно сказал мне. – Я поискала в глазах Бонни подтверждение своим словам, но не нашла. – Погодите, это что, правда? – Я осеклась, сердце отчаянно билось. Бонни отвернулась к раковине.

– Бонни, пожалуйста, я должна знать.

– И вы этого заслуживаете, – сказала она, поворачиваясь ко мне с глазами, полными сожаления. – Но… это не мое дело.

– Но чье же, если не ваше?

Она нерешительно кивнула с обеспокоенным и задумчивым выражением лица.

– Ладно, – наконец сказала она со вздохом. – Пожалуйста, душенька, сядьте. – Я откинулась на спинку стула, мышцы моего живота напряглись, и боль, которую я чувствовала раньше, вернулась,

причем на этот раз сильнее. И все же я не сводила глаз с Бонни, не желая пропустить ничего из ее слов.

– Мистер Бейкер был когда-то женат, давным-давно, – начала она. – Стыдно должно быть этим женщинам. Они и с ней вели себя жестоко.

Я покачала головой, на глаза навернулись слезы. Внезапно и настроение Фрэнка, и его необъяснимое отдаление – все начало обретать смысл. В Лондоне я была фантазией, мечтой, но здесь, в Калифорнии – всего лишь квадратной затычкой, которая, как он ни старался, не помещалась в круглое отверстие – зияющую дыру, оставленную женщиной из его прошлого. Я не была ею и никогда ею не буду. Что бы я ни говорила и что бы ни делала.

– Но, Бонни, почему он не сказал мне?

– Душенька моя, – сказала Бонни, прижимая меня к своей обширной груди. – Он бы обязательно сказал. Просто он еще не готов.

Я попыталась представить себе эту женщину, о которой ничего не знала, кроме того, что она когда-то делила с Фрэнком кровать, которую теперь занимаю я. Была ли она красивой? Совершенной? Неужели она разбила сердце Фрэнку? Я хотела задать Бонни тысячу вопросов, но выбрала только один.

– Он все еще любит ее? – Я крепко зажмурилась, как будто инстинктивно защищаясь от того, что могла сказать Бонни. Прежде я пренебрегала любовью Фрэнка, теперь же отчаянно нуждалась в ней. Особенно в этот момент, когда боль в животе отдалась в поясницу и по ногам медленно стекла струйка теплой жидкости.

– Элоиза, – продолжала она, между тем как я заметила ярко-малиновое пятно, пропитавшее край моего платья. Кровь. – Диана погибла пять лет назад в автомобильной катастрофе. Она была беременна. – С трудом сглотнув, она замолчала, а я схватилась за живот. – Фрэнк был за рулем.

Глава 13

Валентина

На следующее утро я просовываю голову в квартиру Лайзы:

– Ну что, готова? – Мы договорились в девять отправиться в Риджентс-парк, и я жду в ее дверях, пока она зашнуровывает кроссовки.

Светит солнце, а парк всего в десяти минутах ходьбы, так что мы решили пойти пешком.

– Я прихватила плед и купила кое-какой еды в кафе «Флора». Можем устроить пикник.

– Отлично, – говорит Лайза. – Умираю с голоду.

По пути она показывает мне достопримечательности, в том числе квартиру своего бывшего парня (его зовут Эрл, и она его презирает), а также любимые пабы и старую церковь с заостренным шпилем, в которой, по ее словам, она когда-нибудь будет венчаться – конечно, когда найдет мужчину своей мечты. Я улыбаюсь про себя, слушая, как она болтает о том о сем, пока мы не добираемся до входа в парк. Гравийная дорожка, обсаженная деревьями, выводит нас на край большой лужайки, где кипит жизнь: играют дети, горстка людей запускает воздушных змеев. Эта сцена напоминает мне сказочную экскурсию Мэри Поппинс по рисункам на асфальте.

– Посмотри-ка, фотографируют, – говорит Лайза, указывая вперед. – Может быть, какую-нибудь знаменитость.

Это настоящая фотосессия: на табурете сидит блондинка в розовом вечернем платье с блестками, которое выглядит ужасно неуместно на фоне парка, но, может быть, в этом и есть фишка? Ее волосы собраны в свободный пучок, и когда она поворачивается в нашу сторону, чтобы поправить ожерелье, я сразу узнаю ее – но не потому, что она знаменитость, как надеялась Лайза.

– Постой, кажется, я ее знаю.

– Правда?

Я киваю.

– Это… Фиона. Подружка парня, который недавно приходил в магазин, Эрика.

Лайза качает головой.

– Не знаю никакого Эрика.

Я наблюдаю, как стилист поправляет выбившуюся прядь на виске Фионы.

– Он, можно сказать, вырос в книжном магазине. И знал мою маму. В общем, его девушка, эта Фиона, не любит читать, а он любит, поэтому он попросил меня найти подходящую книжку, чтобы приохотить ее к чтению.

– Прелесть какая, – говорит Лайза. – Поверь, человек, который думает о таких необычных вещах, редкая птица.

– Что ж, я надеюсь, она нашла книгу такой же исключительной, как его поступок. – Мы идем дальше, но Фиона машет мне, и я, остановившись, подхожу к ней.

– Ты ведь Валентина, да?

– Да, – говорю я. – А это моя подруга Лайза.

– Привет, – говорит она с деланым смущением, хотя понятно, что она из тех, кто обожает находиться в центре внимания. – Ну как, дико я выгляжу в этом платье посреди парка?

– Просто… великолепно, – говорю я.

– Ну, когда журнал «Ди» попросил меня сняться для обложки, я понятия не имела, что придется отмораживать тут задницу в бальном платье. – Она улыбается фотографу.

– Журнал «Ди»?

– Журнал «Дизайн», – говорит она. – Самое авторитетное издание по дизайну интерьера. Все его читают. Но, правда, ты же не из мира дизайна – откуда тебе знать!

– Что ж, – говорю я, машинально улыбаясь. – Поздравляю с обложкой. Это… огромное достижение.

– Спасибо, – отвечает она. Стилист смахивает с ее носа излишки пудры кисточкой для макияжа.

– Тут на днях заходил Эрик, искал для тебя книгу. Ты…

– Ох уж этот Эрик! Его миссия – превратить нас обоих в пару старых книжных червей, – говорит она, театрально воздевая очи горе. – Я хочу сказать, что он просто душка, правда?

– Да, это очень мило с его стороны. Надеюсь, тебе понравилась «Жена путешественника во времени»? Обожаю эту книжку. Автор так переплетает прошлое и настоящее…

– Ладно тебе, – говорит она, прерывая меня легким смешком. – Ты что, правда думаешь, что я ее уже прочитала? С моим-то графиком?

– Ну, я просто подумала, что…

– Эрик думает, что прочитала, а это главное. Но, только между нами, девочками, он понятия не имеет, что много лет назад я смотрела этот фильм.

– Фиона, извини, что прерываю, – вмешивается фотограф. – Нам нужно переместиться немного дальше. Здесь не совсем подходящее освещение.

– Не будем тебя задерживать, – быстро говорю я и вежливо машу рукой, но наше общение вызывает у меня противоречивые чувства. Кем надо быть, чтобы лгать своему спутнику жизни о чем бы то ни было, тем более о том, прочитала ли ты книжку?

– Вот ведь чудо в перьях, – говорит Лайза, когда мы оказываемся на приличном расстоянии.

Я пожимаю плечами.

– Должна признать, что не отношусь к ее фанаткам.

– Как же это ты не знаешь журнала «Ди»? Самое авторитетное издание современной эпохи!

Я смеюсь, и мы направляемся в другую часть парка.

– Ладно, ну ее. Пойдем к Матильде!

Фонтан оказывается недалеко, сразу за поворотом, и, едва завидев знаменитую статую, я сразу понимаю, почему мама так любила ее.

– Какая… красивая, – говорю я, разглядывая бронзовую женщину. Ее платье выглядит нежным и женственным, а лицо совершенно живое, хотя и отлито из металла. Она приставила ладонь ко лбу, возможно, заслоняясь от солнца, но мне кажется, что она что-то или кого-то высматривает – в точности как я сейчас.

Лиза замечает мое любопытство и идет в направлении, в котором смотрит статуя – прямо к небольшой лужайке впереди.

Спроси Матильду, и она предложит тебе бархатное зеленое одеяло.

Я следую за Лизой, расстилаю на траве плед и улыбаюсь, представив, как мама сидит на этом самом зеленом пятачке и смотрит на парк в сторону Матильды – у каждой из них свои тайны, а у меня свои.

Нарциссам цвести еще рано, поэтому я огляделась в поисках других подсказок.

…но следи за лисьими хвостами: они покажут тебе дорогу к маленькому домику. Я буду ждать…

Я протягиваю Лайзе круассан, еще один беру себе.

– Не вижу никакого домика и не имею ни малейшего представления, как выглядит лисохвост.

– Лиловый, – говорит она. – Но в это время года он не цветет.

– О-о, – разочарованно говорю я.

– Погоди, – говорит она, вскакивает на ноги и идет вперед. Я следую за ней по пятам. Она опускается на колени рядом с грядкой тимьяна и поднимает какую-то бурую веточку. – Смотри, колосок лисохвоста.

Так, лисохвост нашли, но где же маленький домик? Я осматриваю землю между грядками, но там валяются только сосновые шишки и пожухлые листья.

– Вы что-то потеряли, мисс?

Я поднимаю глаза: передо мной стоит пожилой мужчина в комбинезоне с граблями в руках – наверное, здешний садовник.

– Нет, – говорю я, быстро вставая и подходя ближе. – Но кое-что ищу. Перед смертью моя мама устроила для меня нечто вроде охоты за сокровищами, где каждая подсказка ведет к следующей. Последняя привела меня сюда, к Матильде и растениям. – Я вытаскиваю из кармана записку, показываю ему, и его глаза округляются.

– Стало быть, вы ее дочь, – удивленно говорит он, пораженный.

– Да, дочь Элоизы.

Он тепло улыбается.

– Она так и сказала мне, что вы придете. Ваша мать была здесь завсегдатаем. Ей нравился этот уголок парка. – Он указывает на лужайку, где расположилась Лайза с пледом. – Она могла сидеть там часами, просто так или с книжкой. – Он протягивает руку. – Меня зовут Луис.

– Валентина, – говорю я с улыбкой и возвращаюсь к маминой записке. Видите, – я показываю ему строчку, – она пишет о «маленьком домике». – Вы представляете, что она могла иметь в виду?

– О да, – говорит он. – Сейчас покажу.

Он идет впереди, я за ним, гравий шуршит под нашими ногами, создавая целую симфонию. Он останавливается перед старым дубом с толстым и узловатым стволом.

– Вот мы и пришли, – говорит он. – Маленький домик.

Я в замешательстве качаю головой.

– Но что это такое?

– Если бы здесь была ваша мама, она бы наверняка посоветовала вам включить воображение, – говорит он, подмигивая.

Совершенно точно. Именно так она бы и сказала. Я вспоминаю детство, когда мы вместе собирали разноцветные камешки на пляже в Санта-Монике. Я спрашивала ее, откуда они взялись, и она предлагала придумать для каждого из них историю. Мы придумывали их вместе. «Это Сэм, серый камень. Очень серьезная личность, ему не нравится, когда его поднимают. А это Этель, бежевая скала. У нее четверо детей и девять камушков-внучат». Ветер шелестит ветвями дуба, а мне слышится, как волны разбиваются о берег, и сердце начинает болеть.

Я так долго пыталась изгнать из памяти ее голос, но теперь слышу его: «Включи воображение».

Придя в себя, я осматриваю основание ствола: корни торчат из земли, как щупальца осьминога. Ветер доносит эхо моего детского голоса: «Мамуля, а правда, у деревьев восемь корней, как восемь рук у осьминога?» Я кладу руку на ствол и на миг представляю себе, как зазубренные края коры складываются в морщинистое лицо. Тянусь выше и нажимаю пальцем на большой округлый сучок прямо над моей головой. К моему удивлению, он отпускается, как будто на шарнире.

Луис кашляет, и я вздрагиваю, ожидая, что из ветвей вылетит сова, но тут же вспоминаю старый дуб во дворе нашего дома в Санта-Монике – с точно таким же выступающим сучком и дуплом. Мама называла его маленьким сказочным домиком и оставляла внутри лакомства, записки и игрушки, чтобы я могла их найти.

– Вот вы и нашли – говорит Луис. – Маленький домик.

Я просовываю руку в дупло и достаю конверт. Бумага пожелтела и выцвела от непогоды, но на лицевой стороне четко написано мое имя – ее почерком. Я отрываю край и вытаскиваю записку.

Милая доченька, как же я рада, что ты нашла меня. Ты поздоровалась с Матильдой? Мы с ней старые подруги. Когда я была маленькой, твоя бабушка водила меня в этот парк, и я часами сидела

и наблюдала за ней. Тогда я думала, что, если смотреть на нее достаточно долго, она оживет и расскажет мне свои секреты. Увы, этого так и не случилось. Но, может быть, она расскажет их тебе. Присмотри за ней, хорошо? О, Вэл, мне так много нужно тебе сказать. И я так рада, что ты это читаешь. Сейчас, когда я пишу тебе, мое здоровье ухудшается. Это несправедливо. Даже жестоко. Мы бы столько еще могли пережить вместе, и я надеялась, что она у нас будет, эта жизнь. Но приходится искать другой способ показать тебе, как я тебя люблю. Я всегда буду с тобой, всегда буду тебя любить, а пока – еще два сюрприза. Первый ты найдешь, если вдумаешься в слова Цицерона (хотя, признаюсь, для меня важнее библиотека):

«Если у тебя есть сад и библиотека, у тебя есть все, что тебе нужно».

Милая дочка, ты согласна?

Найди меня. Я буду ждать.

С любовью,

мамуля

Глава 14

Лето 1977 года
Элоиза

Приложив к шее старинную нитку жемчуга, я стала разглядывать свое отражение в окне. Я переехала в Лос-Анджелес девять лет назад, но можно сказать, что с тех пор, как я вышла из самолета, почти ничего не изменилось. Калифорния по-прежнему казалась мне чужой. Я думала об этом как раз утром, когда ехала на такси в шикарный район Пасифик-Палисейдс на распродажу имущества, о которой много шумели газеты – и, судя по ассортименту сокровищ, которые я здесь нашла, шумели не зря. Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы подавить волнение, когда я обнаружила «Праздник, который всегда с тобой» Хемингуэя в отличном состоянии и даже с полустертой подписью автора на титульном листе.

– Сногсшибательное ожерелье, – сказала одна из охотниц за выгодными сделками, поймав мой взгляд. – Смотрится на вас потрясающе. Ваш муж скажет, что вы богиня.

Я улыбнулась доброй незнакомке, но она понятия не имела, как ошибалась. Нет на земле ожерелья, которое заставило бы Фрэнка сказать, что я богиня.

Я приехала в Лос-Анджелес юной невестой, надеясь, что сделала правильный выбор, хотя, по сути, он был единственным. Беременность привязала нас друг к другу, и сколько бы я ни колебалась, чувство долга оказалось сильнее и никуда не делось даже после выкидыша и волны боли, которая за ним последовала. Мы с Фрэнком все больше отдалялись друг от друга, и все же, как ни странно, узы, связывающие нас, стали крепче. Пусть мое сердце осталось в Лондоне, ну и что? Мы вместе создали новую жизнь и потеряли ее. И теперь наши жизни переплетены навеки.

Фрэнк пришел в ужас, когда я предложила кремировать ребенка – это был мальчик. В то время между нами все было так плохо, что я подумывала о том, чтобы подать на развод, и представляла, как заберу его прах с собой домой, в Лондон. Но Фрэнк настоял на том, чтобы его сына похоронили на местном кладбище рядом с его родителями и

первой женой. Я была слишком убита горем и слаба, чтобы спорить, к тому же ко времени похорон у меня еще продолжалось кровотечение. Когда крошечный гроб опускали в землю, часть его – Фрэнка-младшего – все еще покидала мое тело.

После этого мы почти не спорили, да и вообще почти не разговаривали. Мы просто плыли по течению, скользили по дому друг мимо друга, как ночные призраки – каждый во власти прошлого, каждый не в силах жить в настоящем.

Я заплатила за все купленное на распродаже недвижимости, включая жемчужное ожерелье, поймала такси и вернулась домой, вспоминая, как много лет назад Бонни сказала мне: «Горе – коварное путешествие, но оно не длится вечно».

Позже я лежала у бассейна и спрашивала себя: что, если она ошиблась? Что, если на самом деле оно будет длиться вечно?

Услышав, как открылась и закрылась входная дверь, я привстала с шезлонга. «Бонни?» – спросила я, косясь на раздвижную дверь. Странно, ведь четверг – ее выходной.

Но это оказался Фрэнк, и его появление во внутреннем дворике поразило меня еще больше.

– Я думала, ты уже уехал в Гонконг, – сказала я, выпрямляясь. Двухнедельную командировку запланировали несколько месяцев назад, и, как я понимала, в связи с предстоящим слиянием бизнеса она была очень важной.

– Дорогая, – мягко сказал он, садясь рядом со мной. – Я… отменил поездку.

Я поправила лямку на правом плече нового синего бикини.

– Почему?

– Элоиза, – продолжал он. – Нам нужно поговорить.

Вот оно. Сейчас он предложит, чтобы мы развелись.

Я представила, как пакую вещи. Это не займет много времени – я возьму с собой только самое необходимое. Конечно, это вышло бы печально, как заключительная сцена трагической оперы, но, по крайней мере, это был бы финал. И я наконец-то смогу вернуться домой. Конечно, придется начать новую жизнь. Там меня никто не ждет, кроме Милли. У нее квартира и успешная карьера адвоката. Я могла бы пожить с ней, пока не встану на ноги. Это было бы как в старые добрые времена, как будто я и не уезжала в Калифорнию. Как

будто… ничего этого и не было. Все эти годы я чувствовала, что не могу вырваться из нашего союза, но что, если бы Фрэнк… освободил меня?

Колесики в моем мозгу вращались так быстро, что, когда Фрэнк погладил меня по плечу, я едва заметила его прикосновение. Но потом наши глаза встретились, и я увидела в его взгляде желание. Мне стало ясно, что он не собирается прощаться.

– Элоиза… – продолжал Фрэнк. – Это были тяжелые годы для нас обоих. Меня не было с тобой рядом. Я только молюсь, чтобы ты смогла… простить меня. Если ты не против, я… хочу попытаться все исправить.

Моя книга полетела на землю. Я перечитывала свой любимый роман «Последняя зима» об одинокой балерине Сезанне, втянутой в сложные любовные отношения. Но моя ситуация в каком-то смысле даже сложнее. Фрэнк наконец-то открывает мне сердце, но я не уверена, что смогу открыть ему свое.

Мне казалось, что я застряла между вымышленным миром книги и своим собственным, реальным, и тут же напомнила себе, что конец истории Сезанны никогда не изменится, но если я постараюсь, то смогу изменить свою.

– Дорогая, – сказал Фрэнк. – Я работаю, путешествую и слишком часто оставляю тебя одну. Ты одинока, и это моя вина. Прости меня… за нас. Мне очень жаль, что наш брак превратился… в это.

Я медленно кивнула, вслушиваясь в его слова, но с трудом осмысливая, что происходит. Я никогда не чувствовала, что Фрэнк понимает меня. Неужели он наконец решил попытаться?

– Давай сходим куда-нибудь вечером. Нарядимся и повеселимся, как раньше… в Лондоне.

Я вспомнила наши еженедельные свидания, когда он ухаживал за мной. Казалось, это было целую вечность назад. Я действительно ценила его внимание, он удивлял меня, раздобывая нам места во всех лучшие заведениях. Он восхищался мной. Как я соскучилась по тому, чтобы мной восхищались, чтобы меня замечали. В Калифорнии я чувствовала себя настоящей невидимкой, блуждающей по страницам романов, между тем как один неизменно солнечный день перетекал в другой.

Но в этот момент я внезапно вернулась в тот вечер, когда мы ужинали в клубе Ретта. Фрэнк смотрел на меня с обожанием. В тот вечер я увидела Эдварда с другой женщиной. В тот вечер я приняла предложение Фрэнка и сделала смелый шаг вперед – к новой жизни.

Потом я вспомнила слова Бонни, которые она сказала мне вскоре после моего приезда в Калифорнию. «Вы нужны Фрэнку».

Эдварду я никогда не была нужна.

А нужен ли он мне, спросила себя я. Может быть, он нужен мне гораздо больше, чем я думаю, мой американский ковбой? Мы пережили свои лучшие дни, но может быть, они у нас еще будут?

– Звучит… соблазнительно, – сказала я, и мое лицо смягчилось в улыбке.

Он улыбнулся мне в ответ. Его светло-зеленые глаза были того же оттенка, что вода в бассейне. Он потянулся к моей руке, и я спросила себя, что заставило Фрэнка изменить настроение, что растопило весь этот копившийся годами лед. Но что бы это ни было, это неважно. Мы стояли на развилке дорог. Я могла бы исследовать вместе с ним новый отрезок нашего пути – а могла вернуться назад одна.

– Ну, так что скажешь? – спросил он, заглядывая мне в глаза. – Принимаешь мое приглашение?

Я чувствовала, что меня притягивают оба направления – и путь вперед, и назад. Мне действительно отчаянно хотелось домой. Но глаза Фрэнка манили меня. На его лице было написано ожидание, но также и то, чего я так давно не видела: любовь.

– Да, – наконец сказала я.

Мы поехали в тихий итальянский ресторан на Венис-Бич. Говорил в основном Фрэнк, не выходя за рамки поверхностных тем: работа, планы по обустройству сауны на заднем дворе. Все это звучало прекрасно. Словно мы – старые друзья-однополчане, впервые встретившиеся в мирное время. Некоторые темы лучше было не затрагивать.

Поэтому я рассказывала ему о своих прогулках по окрестностям, о любимом кафе – мелочи, о которых могли бы болтать при встрече два полузнакомых человека, а не те, что женаты почти десять лет. Но если мы хотели начать все сначала, многое требовалось наверстать. Я рассказала, как мне нравится искать сокровища на распродажах и ракушки на пляже. О Диане я заговорить не решалась: я помнила, как

подняла эту тему через несколько недель после выкидыша, когда все еще принимала обезболивающие и мои эмоции зашкаливали. «Ты все еще любишь ее? Неужели я просто замена? Почему ты скрывал это от меня?» Ответ меня далеко не обнадежил. Фрэнк просто полностью отгородился от расспросов. Тогда я поняла, что эта тема была и всегда будет закрытой: хранилище, запертое навсегда, пусть даже от него остался ключ. Если мы собираемся помириться, мне придется соблюдать эти правила.

Когда разговор за ужином начал иссякать, я решила поговорить о цветах.

– В Лондоне я больше всего любила нарциссы, – сказала я ему. – А здесь, в Лос-Анджелесе, мне нравятся розы – о, и фуксии. Знаешь ли, это единственное местное растение, которое цветет в разгар лета. – Я улыбнулась; мне самой было тошно от своего щебетания, но, по крайней мере, я старалась. Если бы Фрэнк смог сделать шаг навстречу, я бы тоже могла. – Они скоро зацветут.

– Хотел бы я сейчас подарить тебе букет, – сказал он, осторожно потянувшись через стол к моей руке. – Моя калифорнийская роза.

Я тут же спросила себе, не говорил ли Фрэнк таких же комплиментов первой жене, может быть, даже в этом самом ресторане. Эта мысль грозила отравить нам вечер, как и мои давние воспоминания, и я просто прогнала их. Вместо этого я тепло улыбнулась в ответ.

– Ты сегодня выглядишь совершенно сногсшибательно, – продолжал он. – Совсем как в тот день, когда я впервые встретил тебя. Помнишь?

Я сжала его руку и сделала глоток вина, которое он заказал: терпкое «Неббиоло» сразу же обдало мои щеки жаром – а может быть, дело было просто во взгляде Фрэнка.

– Ты стояла в очереди в бистро, и я налетел на тебя, как идиот. – Он умолк, улыбаясь мне так же, как много лет назад: прямодушный американец, не умевший скрывать свои чувства. Где он прятался все эти годы?

– И пролил мой чай, – добавила я.

Он рассмеялся и в его глазах заплескались эмоции.

– Это было… лучшее, что я сделал в своей жизни. Я серьезно, Элоиза.

На меня тоже нахлынули эмоции, и я сморгнула слезы. Каким бы жарким ни было калифорнийское солнце, до сегодняшнего вечера мир Фрэнка обдавал меня холодом. Мне хотелось верить, что я могу измениться. Что все может измениться.

Когда мы вышли из ресторана, я почувствовала, что слегка опьянела, и по дороге к машине ухватилась за руку Фрэнка. Выйдя на улицу, мы прошли мимо группы хиппи, один из которых бренчал на гитаре; с его губ свисала тлеющая сигарета. Фрэнк бросил несколько купюр в открытый футляр для гитары.

Он открыл дверцу машины и помог мне забраться в салон, но я схватила его за руку, прежде чем он успел отойти. Я притянула его ближе и прижалась губами к его губам.

– Ух ты, – сказал он. – Это за что?

– Ни за что, – сказала я. – И за все.

Фрэнк отпер дверь и положил ключи на столик в прихожей. Тиканье часов наполняло неподвижный воздух гостиной, освещенной только лунным светом, струящимся через окна. Мы с Фрэнком стояли рядом у подножия лестницы. Я знала, что сейчас он пожелает мне спокойной ночи, привычно отправится в свою спальню, а я в одиночестве пойду в свою – такой порядок мы соблюдали все эти годы после выкидыша. Поначалу это была необходимость: Фрэнк рано вставал на работу, а мой график сна полностью сбился, поэтому я допоздна читала в постели. Книги приносили мне утешение, в котором я так нуждалась, но свет мешал ему, так что он перебрался в гостевую спальню. Сначала это было оправданием, но быстро превратилось в статус-кво.

Я спросила себя, хватит ли у нас сил разрушить эти стены, и, посмотрев Фрэнку в глаза, нашла свой ответ в воспоминании о матери. Она часто рассказывала мне историю ночи, когда я была зачата, – той ночи, когда она почувствовала перемену в своем сердце. Она говорила, что почувствовала глубоко внутри себя что-то типа переполненного колодца, бурлящего посреди выжженной, занесенной песком пустыни. Она знала, в какой момент зачала меня. Это была любовь, сказала она, но не к моему отцу, – это была любовь к ребенку, которого она должна была выносить. Ко мне.

Фрэнк поцеловал меня в щеку, пожелал спокойной ночи и повернулся было к лестнице. В миг, когда глаза мужа встретились с

моими, я не просто подумала о матери, а как будто стала ею.

– Не уходи, – прошептала я. Он снова повернулся ко мне, и я позволила своим губам найти его рот.

Я чувствовала, что он колеблется, и понимала его внутреннюю борьбу. Потеря одного ребенка была ужасна, но Фрэнк потерял двоих, и его страх казался осязаемым. Но печаль между нами тлела слишком долго; мы оба стояли на грани того, чтобы утонуть в ней. И я знала то, чего не знал он. Я чувствовала это.

Когда я снова поцеловала его, он уступил и прижался ко мне с силой, которой я никогда раньше в нем не чувствовала, с жаждой, которую нужно было утолить.

Наверху лунный свет проникал в окно моей спальни, освещая лицо Фрэнка, когда его тело поднималось и опускалось рядом с моим, снова и снова. Я смотрела в его глаза, впившиеся в мои, словно лазер, смотрела, как мышцы на его щеках напрягались и расслаблялись подобно перетягиванию каната между удовольствием и болью.

– Скажи мне, что любишь меня, – сказал он, обхватив мое лицо ладонями.

– Дорогой, ты же знаешь, что это так, – сказала я.

Он покачал головой.

– Но ты… никогда этого не говоришь.

Я впервые осознала, что недооценивала ранимость сердца Фрэнка. Он не только боялся новых травм и боли, он также сомневался в моей любви к нему.

– Скажи эти слова, – взмолился он, нависая надо мной всем телом. – Пожалуйста. Мне… нужно их услышать.

Я открыла рот, чтобы заговорить, но ничего не вышло. Казалось, язык был залит цементом.

– Я…

Фрэнк не отрываясь смотрел мне в глаза, видно было, что у него замирает сердце.

– Я… – Я прикусила губу, ненавидя себя за эти колебания, за то, что вышла замуж за человека, которому так и не смогла отдать свое сердце целиком. Да, я не могла бы заставить себя любить его так, как он хотел, но, по крайней мере, могла заставить себя сказать слова, которых он заслуживал. Ради Фрэнка можно было и притвориться.

– Я люблю тебя.

Его дыхание участилось, он стал целовать мою шею, ключицы, грудь. Я сосчитала все звезды, мерцающие за окном, когда энергия из тела Фрэнка хлынула в меня.

Мгновение спустя он лежал рядом со мной, погружаясь в самый безмятежный сон. Он, конечно, не знал, что внутри меня зарождается крошечная новая жизнь. Но я знала.

У меня будет дочка.

Глава 15

Валентина

Следующая неделя в «Книжном саду» не принесла ничего нового. Хотя рост онлайн-заказов обнадеживал, этого было мало, чтобы оплатить огромный налоговый счет. Но мы не падали духом: готовились открыть цветочную лавку и планировали организацию сбора средств среди сообщества. Мы выбрали дату, и Джен предложила провести мероприятие в кафе «Флора»: это стало настоящей находкой. Мне предстояло заняться продажей билетов. Нам нужно было привлечь не менее ста пятидесяти посетителей, чтобы собрать хоть какие-то средства, и даже при этом будущее магазина все еще выглядело мрачным. Но мы с Милли договорились, что не закроем двери без настоящего боя и обе будем готовы выйти на ринг.

Прежде чем заняться сбором средств, я показала Милли последнюю мамину подсказку из Риджентс-парка. Она кивнула и подвела меня к ближайшей полке, где я нашла два томика Цицерона. Увы, ни в одном из них не оказалось нового конверта.

– И что теперь? – Я со вздохом поворачиваюсь к Милли.

– Не знаю. Но не падай духом. Ты обязательно найдешь.

Я возвращаю книги на полки, и тут на двери звенят колокольчики. Это Эрик, наш многострадальный ухажер. Милли направляется к прилавку, чтобы поздороваться, а я машу рукой и иду в переднюю часть магазина, к Лайзе, которая колдует над нашими ботаническими начинаниями.

– Это тот парень, что встречается с мисс Совершенство из парка? – шепчет она.

Я киваю.

– Мне только кажется или они действительно странная парочка?

– Определенно, – говорю я. Но откуда мне знать? Я думала, что мы с Ником отлично подходим друг другу, но он бросил меня ради женщины, которая публикует в Инстаграме свои фотографии в розовом бикини.

– Валентина, – говорит Эрик, улыбаясь, – я зашел, чтобы сказать тебе, что Фионе понравилась книга. Она была просто в восторге! – Он

замолкает, сияя от благодарности. – Хочу сказать большое спасибо.

У меня не хватает духу рассказать ему о недавнем общении в парке, где Фиона рассказала немного другую историю.

– Ну что ж, замечательно, – говорю я с ответной улыбкой. – Рождается новый читатель.

Он кивает.

– Постучи по дереву.

Я бросаю взгляд на часы.

– Ух ты, уже полдень. Мне, наверное, пора идти. У меня… назначена встреча. – Я никому не рассказывала о том, что задумала навестить преподавателя из Университета Куин Мэри в надежде выяснить что-нибудь о моем экземпляре «Последней зимы».

Поначалу предположение Лайзы показалось мне диким, но когда я наконец решилась позвонить в университет, сотрудница кафедры английской литературы рассказала мне кое-что интересное. Хотя в настоящее время книга не используется в учебных программах, быстрый компьютерный поиск показал, что однажды, семнадцать лет назад, такой случай имел место. Она назвала мне имя преподавателя, и сегодня я намеревалась встретиться с ним, чтобы узнать, помнит ли он что-нибудь о своем бывшем студенте Дэниеле Дэвенпорте.

– Мне тоже нужно бежать, – говорит Эрик. – Может быть, прогуляемся вместе?

– О, – говорю я, вытаскивая из-за прилавка сумку. Я чувствую на себе пристальный взгляд Лайзы, но не смотрю ей в глаза. – Конечно.

– Хороший денек, – говорит Эрик, когда мы выходим на улицу.

– Да, – улыбаюсь я. – Точь-в-точь у нас в Сиэтле в один из редких солнечных дней.

– Это твой родной город?

– Ну, я родилась в Лос-Анджелесе, но в конце концов оказалась в Сиэтле. Уехала оттуда недавно, после того как рассталась с мужем.

– О, извини.

– Все нормально, – говорю я, на мгновение удивляясь собственной открытости и тому, что она не вызвала обычной волны боли и отвращения к себе.

С Эриком легко разговаривать, и хотя я едва знаю его, мне почему-то нравится откровенничать с ним. – Мы плохо подходили друг другу с самого начала, но я была слишком упряма, чтобы признать это.

По выражению его лица трудно сказать, сочувствует он мне или мои слова нашли отклик на более глубоком уровне.

– В любом случае, – продолжаю я, – некоторым вещам просто не суждено сбыться, и я учусь мириться с этим, но это нелегко.

Он улыбается.

– Когда взломаешь код, пожалуйста, поделись им со мной.

– Обязательно, – смеюсь я.

– А как выглядит Сиэтл?

– Вообще-то не так уж сильно отличается от Лондона, – говорю я. – Когда выходит солнце, люди впадают в безумие.

Эрик смеется, а я продолжаю.

– Когда я только переехала туда, череда мрачных дней казалась бесконечной – то есть по сравнению с Калифорнией. Но когда наконец выглядывает солнце, буквально у всего города на глазах меняется настроение. – Я вспоминаю, как в редкие солнечные дни мои обычно нелюдимые соседи выходили на улицу, радостно здоровались друг с другом, готовили барбекю и бегали в местные питомники растений, скупая грузовиками анютины глазки. Сегодня в Лондоне царит похожая атмосфера. Тротуары заполнены улыбающимися лицами, и каждый паб на углу забит до отказа.

– Куда сегодня направляешься? – спрашивает Эрик.

– Да нужно тут кое-что… решить, – неопределенно отвечаю я. – А ты?

Он смотрит на часы.

– Днем у меня деловая встреча дома, но немного времени еще осталось. Если ты не слишком торопишься, может быть, мы могли бы… где-нибудь поесть? Я умираю с голоду.

– Конечно, – отвечаю я, и в этот самый момент у меня урчит в животе. – Вообще-то я сегодня ничего не ела. – Кафе «Флора» прямо перед нами, я предлагаю приземлиться там, и он соглашается. Мы заходим, Джен приветствует нас, и я с удивлением обнаруживаю, что они с Эриком знакомы.

– Привет, малыш, – говорит она, обнимая его. – Как папа? Я слышала, ему сделали операцию на сердце.

– Да, в прошлом месяце, – отвечает он. – Ему лучше, но он еще не совсем поправился. Восстанавливаться придется долго.

Джен кивает.

– Его счастье, что ты присматриваешь за ним после смерти мамы.

– Спасибо, – говорит он. – Я делаю все, что в моих силах.

Она улыбается и кивает в сторону кухни.

– Ну, мне пора возвращаться. Рада тебя видеть, дорогой. И тебя тоже, Вэл. – Она подмигивает мне и ныряет в зал.

Я просматриваю меню и выбираю салат кобб, который и заказываю, когда молодой официант останавливается у нашего столика. Эрик просит то же самое, но с курицей.

– Мне жаль твою маму, – говорю я мгновение спустя.

– Спасибо, – говорит он. – Видишь, у нас есть еще кое-что общее.

Я киваю.

– У вас с ней были близкие отношения?

– Очень. Это она привела меня в детстве в «Книжный сад».

– Значит, ты вырос здесь, в Примроуз-Хилл?

– Да, – отвечает он. – Прямо за углом.

– Надо же, вырасти в таком удивительном месте, – говорю я, немного завидуя кажущемуся идиллическим детству Эрика. – У тебя, должно быть, прекрасные воспоминания.

– Все мои воспоминания связаны с мамой, – говорит он, – и это очень тяжело. Папа много работал. Он всегда был занят. Думаю, смерть мамы заставила его остановиться и задуматься, что он в жизни упустил, понимаешь?

Я киваю.

– Но, по-моему, это редкий дар переживать утрату таким образом – когда начинаешь видеть вещи более ясно.

Я не говорю ему, что на меня смерть матери, похоже, произвела противоположное воздействие.

– Очень сожалею о твоей потере.

Он улыбается.

– Ее нет уже двенадцать лет, но легче не становится, особенно здесь, в Примроуз-Хилл, где каждый уголок вызывает воспоминания. По пути в парикмахерскую через квартал она обычно оставляла меня в книжном магазине твоей мамы – слушать, как Элоиза читает.

Я чувствую комок в горле, но быстро овладеваю собой.

– Мама была для меня целым миром, – продолжает он. – Она подарила мне волшебное детство.

– Моя мама тоже, – говорю я, снова удивляясь своей откровенности, – По крайней мере, пока мы были вместе.

Он кивает.

– Мне жаль, что я не узнал ее с точки зрения взрослого, и она так и не узнала меня взрослым. – Он выпрямляется на стуле и со вздохом проводит рукой по волосам. – Извини, я говорю бессвязно.

– Вовсе нет, – быстро говорю я. – На самом деле ты совершенно прав. Когда говоришь, что вроде бы знаешь человека, но не знаешь его… Это очень верно, особенно когда речь о родителях. Они ведь прожили целую жизнь до нашего рождения, пережили собственные личные бури, но мы были детьми и ничего об этом не знали.

Он кивает в знак согласия.

– Моя мама, как твоя, тоже была всем моим миром, и когда она уехала в Лондон, я так и не смогла заполнить пустоту, которая после нее осталась. Я долгое время была сбита с толку ее внезапным отъездом, а потом разозлилась на нее. Но теперь, когда я здесь, – я замолкаю, глубоко выдыхая, – я начинаю понимать, что за всем этим стоит больше, чем мне известно. Я все еще чувствую боль от ее отсутствия, но… пытаюсь понять, есть ли в этом какой-то смысл.

В глазах Эрика я читаю сочувствие, и это согревает меня.

– Логично, и я даже представить себе не могу, через что ты прошла. Но если это тебя хоть как-то утешит, Элоиза так часто говорила о своей дочери – удивительной Валентине, – что казалось, будто ты неотъемлемая часть книжного магазина.

Я улыбаюсь.

– Правда?

Он кивает. Официант приносит нам салаты. От свежесмолотого перца мы оба отказываемся.

– А твои родители были счастливы вместе? – спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

– Наверное, да, если смотреть со стороны. Но я даже в детстве знала, что между ними что-то не так. Каждый жил своей жизнью.

– Мои тоже, – говорит он. – Я был единственным, что…

– Их связывало, – говорим мы хором и смеемся.

Эрик улыбается, но в глазах у него сомнение.

– Думаю, не всем удается пожить в сказке.

Я поправляю салфетку на коленях.

– И ты не считаешь себя одним из счастливчиков?

– Нет, то есть на самом деле… да, я надеюсь, что так. – Он замолкает. – Нам с Фионой повезло, мы счастливы – так я думаю. Но все эти годы, что я наблюдал за родителями, научили меня осторожности, – особенно когда речь идет о чем-то постоянном, понимаешь?

Я киваю.

– Она хочет выйти замуж, завести семью, и я тоже хочу, но… Понимаешь, я хочу быть уверенным.

– О, уж я-то знаю.

– Извини, – говорит Эрик, откладывая вилку. – Я что-то слишком разболтался.

– Нет, твоя откровенность ободряет.

– Что ж, я рад, что мы становимся друзьями, Валентина.

– Я тоже, – говорю я, улыбаясь.

Я решаюсь рассказать ему об охоте за сокровищами, в которую втянула меня мама, и он приходит в восторг.

– Это потрясающе, – говорит он.

Я рассказываю ему о последней подсказке, оставленной в Риджентс-парке, – опустив все, что касается встречи с Фионой, – и его глаза округляются.

– Понятно, что она упомянула Цицерона, – говорит он, сияя. – Но то, что ты должна найти, – не книга.

– А что же тогда?

Он чешет в затылке и смотрит вдаль, как будто роется в потоке воспоминаний.

– Когда мама водила меня на чтения Элоизы, дети садились вокруг нее на ковре, и прежде чем начать, она передавала по кругу деревянную коробочку, из которой каждый брал себе леденец. Это было волшебно. – Он улыбается. – Вот и все, Валентина.

– Ничего не поняла.

– Коробочка – я так и вижу ее перед собой, будто это было вчера. Из красного дерева, покрытого блестящим лаком. Но главное вот что: на крышке была выгравирована надпись: «Чувства Цицерона». В то время я понятия не имел, что это значит, я же был маленьким и думал, что Цицерон – это что-то от слова «цыц». – Он смеется. – Но теперь-то я понимаю книжный юмор твоей мамы. Ведь Цицерон был одним из

величайших римских мыслителей, верно? А она держала внутри конфеты. Просто блестяще.

Она и была блестящей.

– В общем, если найдешь ту шкатулку, готов спорить, что найдешь и следующую подсказку.

– Вот это да, – говорю я, пораженная. – Спасибо тебе. Я спрошу Милли.

Мы заканчиваем есть, и наш разговор переходит на другие темы. Я спрашиваю, кем он работает, и он отвечает, что журналистом. Это вызывает у меня любопытство, но прежде чем я успеваю расспросить подробнее, к столику возвращается Джен.

Эрик достает бумажник, но она настаивает, что угощает нас за счет заведения, и отмахивается, когда мы пытаемся протестовать.

– Было здорово, – говорит он, когда мы выходим. – Может, как-нибудь повторим?

– Хорошо бы, – говорю я, и мы разъезжаемся, каждый в своем такси.

Я прошу водителя отвезти меня в Лондонский университет Куин Мэри, откидываюсь на спинку сиденья и улыбаюсь про себя, вспоминая разговор в кафе. Если я когда-нибудь встречу Дэниела Дэвенпорта, то, возможно, он будет немного или даже очень похож на Эрика. И что греха таить, мне бы хотелось, чтобы так оно и получилось.

Завидев Тауэрский мост, я прошу таксиста высадить меня, чтобы я могла рассмотреть поближе это культовое сооружение. Я вспоминаю мамины рассказы о ее любимом Лондоне, в которых очень часто упоминался этот самый мост – символ ее юности. Она рассказывала, как каталась по нему на стареньком велосипеде с прикрепленной корзинкой и колокольчиком на руле, как с развевающимися от ветра волосами пересекала Темзу, радостно крутя педали. Я знала, что ее детство в бедном районе Лондона было нелегким, но все равно ее истории казались мне самыми лучшими сказками, и я страстно желала в них жить.

Я иду по тропинке, ведущей к пешеходной дорожке моста, уворачиваясь от встречного джоггера; мне на руку случайно попадает капля его пота, я смахиваю ее и проталкиваюсь сквозь группу туристов, плетущуюся за гидом. Перебравшись на другую сторону, я

проверяю на телефоне навигатор и понимаю, что неправильно рассчитала путь до университета: идти еще минут сорок пять. Конечно, можно поймать такси, но солнце так соблазнительно, что я решаюсь пройтись. В конце концов, это старые улицы, по которым ходила мама. И хотя нас разделяет столько лет, я позволяю себе представить, как она идет рядом со мной, наши шаги звучат в унисон, и она показывает мне свою родину. Как будто она шепчет мне на ухо: «Видишь вон тот угол, там я ободрала коленку по дороге из школы, когда мне было одиннадцать. Было не очень больно, но страшно неловко, что это видел Джонни Истон. И, Вэл, смотри, старое корнуоллское кафе. В последнее воскресенье каждого месяца, если у мамы оставались деньги, она водила меня туда завтракать».

Я думаю о том, о чем мы говорили с Эриком в кафе: жаль, что мы так и не узнали своих родителей, когда повзрослели. Будь мама здесь, могли бы мы подружиться, если бы я наконец… простила ее?

Перейдя мост, я иду дальше, погрузившись в свои мысли и время от времени сверяясь с навигатором на телефоне. Наконец вдалеке появляется обширный кампус Университета Куин Мэри. Я заворачиваю за угол и по выложенной кирпичом дорожке иду к величественному зданию из белого камня. Ни дать ни взять дворец, что вполне соответствует табличке у входа с надписью «Королевский корпус». Светлого камня башня с часами возвышается над деревьями, наблюдая за студентами, снующими взад и вперед.

Я спрашиваю одну из студенток, как пройти на факультет английского языка. Она снимает наушники, и я вынуждена повторить вопрос. Она указывает вперед и влево. Поблагодарив ее, я иду к зданию, нахожу вход и проникаю в вестибюль вслед за двумя парнями с рюкзаками на плечах.

– Мне нужно увидеть мистера Харви Эллисона, – говорю я секретарше у стойки регистрации. Судя по ее виду, она не горит желанием оказывать какие-либо услуги.

– Вам назначено? – спрашивает она, причмокивая жвачкой.

Я сразу же пожалела, что не позвонила заранее. Я ведь собиралась, но потом пошла в кафе с Эриком и…

– Нет, боюсь, что нет, – говорю я. – Но мне он нужен буквально на два слова. Это займет не больше нескольких минут.

– Вы студентка? – спрашивает она с растущим подозрением.

– Нет, я…

– Тогда, боюсь, вам придется поступить надлежащим образом и записаться на прием заранее. Мистер Эллисон достаточно занятой человек, а у нас действует политика…

Со вздохом я отступаю назад, но тут дверь ближней аудитории открывается, и из нее валит толпа. Пытаясь решить, что мне делать, я замечаю студента, который ожидает снаружи.

– Извините, профессор Эллисон, – говорит он мгновение спустя, когда в коридоре появляется мужчина в твидовом костюме. – У меня вопрос по поводу сегодняшнего задания.

Ободренная удачей, я жду, пока они закончат свой краткий разговор, и пользуюсь возможностью подойти. К счастью, дежурная секретарша отошла от стойки.

– Профессор Эллисон, – говорю я, ловя его взгляд. – Вы, должно быть, очень заняты, но можно вас на пару слов?

Он вопросительно смотрит на меня и кивает.

– Конечно, но у меня буквально минута. Я задержал их на последнем занятии и прискорбным образом выбиваюсь из расписания.

– Конечно, – говорю я, следуя за ним по коридору в его кабинет.

– Ну так что же, – говорит он, проводя рукой по седеющим волосам, и на мгновение я вспоминаю, как мне нравилась седина, пробивающаяся на висках Ника. – Вы по поводу итоговой работы в конце семестра?

– Нет-нет, – говорю я, на мгновение польщенная тем, что он принял меня за студентку лет двадцати с небольшим. – Я… не студентка. Я пришла по другому поводу. – Я лезу в сумку и достаю «Последнюю зиму».

При виде книги в моих руках он улыбается.

– О, эта жемчужина так и осталась неоцененной. Я уже много лет этим не занимался. Если бы не приходилось проверять столько чертовых работ, я бы…

– Не могу не согласиться, – говорю я, тут же переходя к нужной мне теме. – Вот почему я здесь. Это может показаться безумием, но у меня что-то типа… поручения найти человека, которому когда-то принадлежала эта книга.

Он склоняет голову вправо и поворачивается к книжным полкам, занимающим всю стену позади его стола.

– Где-то здесь стоит мой экземпляр, так что я могу заверить вас, что книга не моя.

– Знаю, – продолжаю гнуть свою линию. – Я просто надеялась, что вы сможете вспомнить что-нибудь, – я подхожу на шаг ближе, – об этом конкретном экземпляре. – Я протягиваю ему книгу. – Загляните внутрь. Там есть имя.

Он чешет в затылке.

– За эти годы у меня было столько студентов, что, боюсь, всех запомнить невозможно.

– Да, конечно. – Разочарованная, я протягиваю руку за книгой, но он ее не отдает. Вместо этого он достает из кармана рубашки очки для чтения, надевает их и начинает изучать надпись на внутренней стороне обложки.

– Дэниел Дэвенпорт, – говорит он, и в глазах его брезжит воспоминание.

– Я знаю, что прошло столько лет, но… Я не могла упустить эту возможность: вдруг вы его помните?

Он перелистывает страницы, задерживаясь, чтобы прочитать некоторые заметки, а потом смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

– А я ведь действительно помню этот экземпляр.

Я опираюсь ладонью о его стол и с нетерпением жду, что он скажет дальше.

– Да, – продолжает он. – Эти заметки на полях… Я уже почти забыл.

– Что забыли?

– Один из моих студентов отдал ее мне в конце того семестра.

Я вглядываюсь в его лицо, пытаясь что-нибудь понять.

– Отдал вам?

– Ну да, – говорит он. – Я тогда сделал объявление о пожертвовании подержанных книг для следующих занятий. В книжном магазине кампуса не хватало книг из-за проблем с поставщиками. И некоторые студенты откликнулись, а этого я запомнил отчетливо. – Он снова открывает книгу, рассматривая страницы. – Он сказал, что делал пометки и не знает, приемлемо ли передавать книгу дальше. Я помню, что прочитал пару страниц и подумал прямо противоположное. Заметки были весьма

проницательными. – Он возвращает мне книгу, поворачивается к компьютеру и начинает стучать по клавишам. – Сейчас посмотрю базу данных наших выпускников. – Снова стук по клавишам. – Возможно, я сейчас нарушаю университетские правила конфиденциальности, но тайна книги того стоит, – добавляет он, подмигивая.

Я улыбаюсь, с напряженным вниманием ожидая, когда он повернет ко мне монитор. – Похоже, парень, которого вы ищете, сейчас здесь, в Лондоне, в «Снежном гусе».

– «Снежный гусь»?

– Паб в Мейфэйре, – улыбается он. – Согласно нашим записям, он владелец этого заведения. Должен сказать, довольно странное применение диплома по английской литературе, но каждому свое.

Мои глаза сияют. «Снежный гусь».

Когда я выхожу из метро, мне в лицо ударяет порыв холодного ветра. Вот вам и солнце. Небо закрыли темные тучи, и пока я разглядываю карты Google, на щеку мне шлепается капля дождя. Я ускоряю шаг, но это бесполезно: дождь усиливается, и через минуту я промокаю до нитки. Я смотрю направо, потом налево, и прямо впереди вижу то, что мне нужно: сияние фонаря, причудливый синий навес, над входом вывеска с художественным изображением герба. «Снежный гусь».

Внутри шумно и многолюдно, как будто все в радиусе пяти кварталов выбрали именно этот паб, чтобы переждать ливень. К счастью, я замечаю свободное место у стойки и спешу занять его, прежде чем повесить промокшую куртку на крючок под стойкой и пригладить мокрые волосы.

– Что вам, мисс? – спрашивает бармен.

– Грязный мартини[24] с джином, пожалуйста.

Я смотрю, как он заполняет шейкер льдом и вспоминаю, как Ник всегда просил положить в коктейль оливки, фаршированные сыром, – даже в распоследних забегаловках. Мне это казалось чем-то вроде отсутствия музыкального слуха.

– Вот, пожалуйста, – мгновение спустя говорит бармен, пододвигая мне бокал. Несколько капель выплескивается на салфетку.

– Хозяин бара, Дэниел – он случайно не здесь? – спрашиваю я, медленно отпивая из бокала.

Он качает головой, похлопывая себя по правому уху.

– Извините, милая, не повторите еще разок? – Справа от меня сидит шумная компания мужчин, и один из них каждые несколько секунд громко хохочет.

Я наклоняюсь ближе.

– Хозяин бара. Он здесь?

– А, да. Извиняюсь. Вы, должно быть, его подружка.

– Нет-нет, – быстро говорю я и замолкаю, нервно теребя край рукава. – Не подружка. Но мне нужно… с ним поговорить, если он свободен.

– Да, конечно. – Он смотрит в сторону кухни. – Подождите минутку. Пойду поищу его.

Дэниел может материализоваться в любой момент, и что тогда? Я делаю еще глоток, соль обжигает мне губы, и мои мысли снова обращаются к Нику. Сначала я отгоняю воспоминания, злясь на себя за то, что позволила своим мыслям блуждать во времени. В конце концов, я уже выплакала все слезы, их больше не осталось. Так почему же я думаю о нем сейчас? Я вспоминаю книги по самопомощи, которые пачками читала после ухода Ника, и мне приходит на ум отрывок из одной из них. «Травма – это не единичное событие, а непрерывный процесс. Мозг желает поскорее двинуться дальше, избавившись от любых воспоминаний, связанных с травмой. Но сердце хочет разобраться».

Может быть, именно этим и объясняется мой сегодняшний шквал воспоминаний, именно поэтому я то и дело ловлю себя на мыслях о нашем первом свидании – его подстроил когда-то наш общий приятель по колледжу, с которым, по иронии судьбы, мы оба потеряли связь. Мы тогда встретились в пабе, очень похожем на этот. Я пришла на десять минут раньше, Ник опоздал на десять минут. Эта маленькая деталь в то время казалась несущественной и быстро забылась. Но обладай я достаточной мудростью, поняла бы, что на самом деле это предупреждающий знак.

Несколько минут спустя я чувствую, что кто-то похлопывает меня по плечу. Я оборачиваюсь и вижу высокого мужчину атлетического телосложения. Он улыбается.

– Мне сказали, что меня ищет красотка-американка, – говорит он; широкая улыбка открывает небольшую щель между двумя его передними зубами. Он примерно моего возраста, симпатичный, с

темными волосами, бледно-голубыми глазами и легкой россыпью веснушек на носу.

Волосы у меня все еще влажные, и я нервно провожу рукой по кончикам в последней отчаянной попытке взять себя в руки.

– Да, привет, – говорю я. – Меня зовут Валентина.

Он машет бармену, который быстро наливает ему виски со льдом и садится на пустой стул рядом со мной.

– Ну, – говорит он. – Пожалуйста, удовлетворите мое любопытство и скажите, как случилось, что такое прекрасное создание материализовалось из ниоткуда и хочет меня видеть.

– В общем… – мнусь я. – Я… нашла одну вашу вещь, то есть когда-то она была вашей, и хотела встретиться лично, чтобы вернуть ее.

– Нашли? Что? – Он замолкает. – Стоп, вы что, нашли мой бумажник? На той неделе я потерял его на стадионе Уэмбли. Вы просто ангел.

Я качаю головой.

– Увы, нет. Насчет бумажника сочувствую. Но я пришла… из-за другого. – Я лезу в сумку, протягиваю ему книгу и смотрю, как он перелистывает страницы.

– Видите ли, Дэниел, эта книга…

– Постойте, вы сказали Дэниел?

– А разве не так вас зовут? Не Дэниел Дэвенпорт?

Он качает головой.

– Ужасно жаль, но думаю, вы ошиблись парнем. Я Дэвид Дэвенпорт.

– О, – разочарованно говорю я. Профессор, как видно, вбил в базу данных выпускников не то имя.

Он кивает кому-то на кухне, поворачивается ко мне и ухмыляется.

– Слушайте, мне нужно бежать. Но… если вы не найдете этого своего Дэниела, почему бы нам как-нибудь не сходить куда-нибудь вместе? – Он усмехается. – Дэниел, Дэвид, Дональд – готов стать кем угодно ради вас, детка.

Я заставляю себя улыбнуться, и он исчезает на кухне. Рядом со мной пустой барный стул.

Все, приплыли.

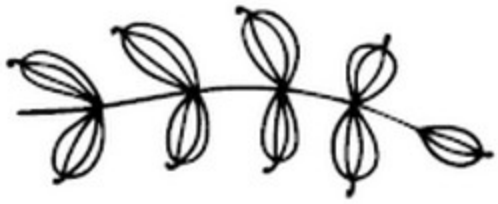
Выйдя на улицу, я с радостью обнаруживаю, что дождь прекратился. Холодный ветер пробирает до костей, я плотнее запахиваю куртку, огибаю соседний дом и машу рукой, ловя такси. «Примроуз-Хилл», – говорю я водителю, плюхаясь на заднее сиденье машины.

Сообразив, что еще нет пяти, я решаюсь позвонить в Университет Куин Мэри и попросить соединить меня с профессором Эллисоном, который, к моей радости, оказался еще на месте. Я рассказываю ему о путанице с Дэниелом и Дэвидом, и он тут же извиняется.

– Сейчас поищу еще раз, – говорит он и на пару секунд прерывается. – Ах да, в базе есть и Дэниел Дэвенпорт, его специальностью была литература. Группа девяносто восемь. Но, к сожалению, больше о нем тут ничего нет. Понимаете, база данных выпускников сейчас почти полностью обновляется. Но вы же знаете, как все затягивается в университетах. – Он вздыхает. – Бюрократизм убивает! Через пару месяцев можно попробовать еще раз.

– Нет, – говорю я. – Все в порядке. И большое вам спасибо за то, что уделили мне время.

Я вздыхаю и слышу, как в кармане жужжит телефон. Быстро смотрю на экран: СМС от… Ника. С замиранием сердца я читаю: «*Вэл, даже не знаю, с чего начать. Могу только сказать, что совершил самую большую ошибку в своей жизни. Мы можем поговорить? Я скучаю по тебе. Прости*».



Глава 16

Элоиза

Девять месяцев спустя

Валентина Элизабет Бейкер родилась солнечным утром, во вторник. Вскоре после трех утра у меня отошли воды, и Фрэнк запаниковал, как школьник во время учебного воздушного налета. По дороге в больницу он трижды проехал на красный свет. К тому времени схватки шли быстро, одна за другой. Два часа спустя, когда я увидела совершенное личико девочки, родовые муки остались далеким воспоминанием.

Фрэнк тоже влюбился в дочку с первого взгляда. Когда медсестры унесли ее в палату для новорожденных, он сразу начал безумно скучать по ней.

– Вы только посмотрите на эту прелестную малышку! – расплакалась Бонни, когда мы привезли ее домой. Она взяла ее из моих рук, воркуя и шепча фразы на родном языке.

– Все готово? – спросил Фрэнк, неся наши сумки наверх.

– Да, мистер Бейкер, – ответила Бонни. – Все как вы говорили. – Она улыбнулась мне.

Фрэнк показал мне кроватку из красного дерева с постельным бельем в желтую клетку, примостившуюся у боковой стены. Я провела рукой по планкам, разглядывая висящий над изголовьем мобиль с гроздью плюшевых звезд пастельных цветов и заводной музыкальной шкатулкой.

– Он играет «Лондонский мост», – сказал Фрэнк, гордо улыбаясь.

– Скоро станет ее любимой песней, – сказала я, опускаясь в кресло-качалку, обитое бежевой льняной тканью в желтых и золотых звездах. – Это… потрясающе, – сказала я, понимая, что он ждет одобрения.

Появилась Бонни с ребенком на руках.

– Извините, мистер и миссис Бейкер, – сказала она. – Но Валентина начинает беспокоиться. Наверное, проголодалась.

– Ну конечно, – сказала я, взглянув на часы на прикроватном столике. – Ведь прошло уже несколько часов. – Я взяла на руки

крошечное спеленутое тельце, и Валентина приникла к моей груди. Фрэнк и Бонни на цыпочках вышли из комнаты.

– Вэл, – сказала я, когда ее животик наполнился, а глаза стали сонными. – У тебя уже есть любимая песенка. Теперь нам нужна любимая книжка. Когда-нибудь я покажу тебе картинки, а сейчас просто расскажу слова.

Она тихо заворковала, как бы соглашаясь.

– «В той зеленой комнате…» – начала я и тут же остановилась.

– Я забыла сказать тебе, как называется эта лучшая на свете история. «Баю-баюшки, луна».

Вэл ерзает в моих объятиях, как будто устраивается, чтобы лучше слышать.

– «Был воздушный шарик —
летучий, новый —
и две картины: одна с коровой…»

Я знала весь стишок наизусть, и скоро Вэл тоже будет его знать.

Она была слишком мала, чтобы узнать, что жизнь писательницы, подобравшей настолько прекрасные слова для своей сказки, сложилась далеко не так прекрасно. Я читала ее биографию: ей не везло в любви – разорванная помолвка, несчастливый роман, потом еще один, более длительный роман, который закончился ее внезапной и ранней смертью.

Ее история была трагической. Я крепче обняла Вэл, полная решимости направить свою дочь по пути к счастью, на котором с ней случалось бы только самое лучшее. У всех ее сказок будет счастливый конец.

Глава 17

Валентина

На следующий день

– Как ты относишься к гвоздикам? – спрашивает Лайза, постукивая ручкой по подбородку.

– Хорошо, – говорю я, отрывая взгляд от экрана компьютера в книжном магазине. – Только мне всегда казалось, что они какие-то… унылые.

Лайза кивает.

– Вот именно. У них плохая репутация. Но что, если мы изменим ее? Что, если мы сделаем им ребрендинг?

– Не слишком ли жирно для гвоздик, не говоря уже о нашем новорожденном цветочном магазине? – говорю я со смехом. – Но если ты готова взяться, то почему бы и нет?

Лайза пожимает плечами и возвращается к экрану ноутбука, с которым сидит на подоконнике в передней части магазина. Она приехала рано утром, чтобы осмотреть помещение и составить список вещей, которые нам понадобятся для наших ботанических начинаний: комнатные растения и суккуленты (которые, по ее словам, нынче в моде), большие контейнеры для срезанных цветов, подставка для поздравительных открыток (хорошая мысль) и несколько небольших столиков для подарков и всякой всячины.

– Смотри, – говорит она, поворачивая экран так, чтобы я видела. – Если взять пустые полки из подсобки и столы, которыми вы не пользуетесь, останется сделать всего несколько покупок, и мы будем готовы к работе.

Я улыбаюсь.

– Очень рада.

Я рассказываю ей о сообщении Ника и о том, что я до сих пор не ответила.

Она качает головой.

– Я все это проходила. Не попадайся на крючок.

– И не подумаю. – Хотя должна признаться, я просмотрела в телефоне наши свадебные фотографии. Черт, как же он хорошо

смотрелся в смокинге.

– Но ты думаешь об этом. По глазам вижу.

Прежде чем я успеваю ответить, в разговор вмешивается Милли.

– Что ты видишь по ее глазам?

– Ее бывший написал ей, – объясняет Лайза. – Он хочет вернуть Вэл.

Милли хмурится.

– Попробуй только! Скажи этому мерзкому типу, чтобы шел лесом.

– Не волнуйся, – говорю я со смехом. – У меня и в мыслях нет снова с ним замутить.

– Что-то незаметно, – добавляет Милли.

Колокольчики на двери снова звенят: пришел сотрудник FedEx с двумя коробками. На сей раз это Фернандо, и, судя по выражению лица Милли, она на седьмом небе – и лишилась дара речи.

– Привет, – говорит она.

– Привет, – отвечает он.

Точь-в-точь пара влюбленных подростков, а мы с Лайзой – публика с галерки.

– Я думала, вы… ушли, – говорит Милли. – В смысле, вас перевели на другой маршрут.

– Так и было, – говорит Фернандо, подходя ближе. – Но я попросил, чтобы меня вернули на этот. Я так соскучился… по своим клиентам.

– О, – говорит Милли, сияя. Она пытается сохранять хладнокровие, но видно, что от радости ее сердце готово выпрыгнуть из груди.

Фернандо ставит коробки на прилавок рядом с Милли. Она действительно намного выше, а он – намного моложе, но почему-то это не имеет значения. Я улыбаюсь про себя. Может быть, они самая нелепая пара на свете, но, возможно, и самая трогательная.

– Всегда рад вас видеть, Милли, – говорит он, улыбаясь, и поворачивается к двери.

– И я вас, Фернандо, – с пылающими щеками отвечает она.

Когда дверь закрывается, Лайза ахает.

– Милли, говорю тебе, он влюблен.

– И я так думаю, – говорю я. – В следующий раз, когда он придет, дай ему телефончик.

– Девочки, все это очень мило, но вы явно спятили. Господи, да я ему в матери гожусь!

– У любви нет возраста, – объявляет Лайза, и Милли закатывает глаза.

– Но она кружит голову, – говорю я, смотрю на телефон и вижу новое сообщение от Ника: «Вэл, мы можем поговорить? Я люблю тебя. Я так сильно скучаю по тебе».

Я не отвечаю. Вместо этого я спрашиваю Милли о маминой шкатулке с Цицероном, о которой вчера рассказал мне Эрик.

– Ах, ну конечно, – говорит она, заглядывая под прилавок. – Знаменитая коробка с конфетами. Я почему-то и не подумала о ней. Она держала ее прямо здесь, под…

Я смотрю, как она шарит по нижней полке, потом по другой. Заглядывает в один ящик, другой, в третий.

– Куда, черт возьми, она запропастилась?

– Может, ты унесла ее в подсобку, когда мы здесь прибирались?

– Может быть, – говорит она, исчезая в подсобке, но через несколько минут возвращается с пустыми руками. – Похоже, там тоже нет.

Я опускаюсь на стул рядом с разделом научной литературы.

– Наверняка она где-то здесь. Мы найдем ее.

– Найдем ли? – говорю я со вздохом. Впервые я осознаю, насколько все это важно. То, что поначалу меня только удивляло и даже забавляло, оказалось чем-то более серьезным. Мама пыталась что-то мне сказать, помочь что-то *понять*. Но пойму ли я?

– Валентина, все хорошее требует времени, – говорит Милли. – Не теряй надежды.

Она, конечно, права. Я где-то читала, что Толкин писал продолжение «Хоббита» шестнадцать лет. Все равно в конце концов я найду мамино послание – и свой путь в жизни.

– Ты так много работала, – продолжает она. – Почему бы тебе не пойти прогуляться, чтобы проветрить голову? Лайза здесь, мы все решили.

Она права. Я отправляюсь по Принс-Альберт-роуд в сторону парка Примроуз-Хилл. Когда-то это были королевские земли и личные охотничьи угодья Генриха VIII, а теперь здесь небольшой общественный парк. Лайза говорила, что благодаря панорамным видам

на Лондон он популярен как у местных жителей, так и у туристов, а я в некоторой степени и то и другое.

Примроуз-Хилл расположен довольно высоко над уровнем моря, но парк Примроуз-Хилл еще выше. Как отметил таксист, который привез меня в город, высота над уровнем моря составляет шестьдесят три метра. Об этом сообщает и табличка у входа. Вдалеке толкутся любители архитектуры, они фотографируют телебашню и «Лондонский глаз»[25]. Но меня интересуют литературные места. На склоне растет дуб, называемый «Деревом Шекспира», посаженный в честь трехсотлетия со дня рождения драматурга, и при виде его мои руки покрываются мурашками.

Медленно поворачиваясь по кругу, я осматриваю окрестности. Трава зеленая, деревья посажены низкие, чтобы не загораживали вид на Лондон. Я вижу «Осколок» и «башни Маммоны»[26], достопримечательности, о которых я только слышала или видела фотографии, но теперь они открываются передо мной с моего собственного заднего двора.

Я продолжаю подниматься до самого верха, получаю главный приз – камень с выгравированными словами Уильяма Блейка. Я публикую фотографию в @booksbyval, а под ней пишу:

«Я беседовал с духовным солнцем. Я увидел его на Примроуз-Хилл», – сказал Уильям Блейк. Он увидел свет, и я тоже. Наконец-то я дома.

Буквально через несколько мгновений в мой Инстаграм хлынули комментарии, из которых мне бросился в глаза один – от Ника: «*Твое сердце – мой дом. Я люблю тебя*».

Я чувствую смятение, которое быстро перерастает в злость. Если его предыдущие сообщения тронули меня так, что это даже было заметно со стороны, то последнее произвело прямо противоположный эффект. Зато я обрела некоторую ясность и понимание. Как Ник посмел опубликовать нечто настолько личное в моем Инстаграме? За все время нашего брака он не оставил на @booksbyval ни одного комментария, а теперь прыгает через кольцо, как обиженный муж, который скучает по жене! Я делала все возможное, чтобы хранить наши личные дела, – ну, в общем, в тайне, – а теперь у него хватает наглости использовать мой аккаунт, чтобы привлечь мое внимание

или, что еще хуже, вызвать жалость у моих подписчиков. Мои щеки пылают, и я думаю, что нужно удалить комментарий или и вовсе забанить Ника. Но вместо этого просто сую телефон в сумку и стараюсь продолжать жить настоящим. Ник бросил меня, и я начала новую жизнь – по крайней мере, начинаю. Что бы он ни сказал или ни сделал, это ничего не изменит. Эта жизнь моя, и только моя, в точности как мамина жизнь в Лондоне, с ее тайнами, в которые я не была посвящена.

Я иду домой с новым чувством силы и целеустремленности. Моя жизнь больше не трагический роман, как я воображала, а нечто совершенно другое – большая книга приключений, даже триллер, а может быть – но только может быть, – прекрасная история любви.

Дома я опускаюсь на диван и беру в руки новый триллер, только недавно появившийся в магазине. Автора я не знаю, и это вообще не мой жанр, но меня привлекла цитата на обложке: «Захватывающая и незабываемая, эта история заставит вас подвергать сомнению все: от неизбранных дорог до человека, с которым вы делите постель».

От книги невозможно оторваться. Я читаю два часа подряд, потом фотографирую обложку и публикую ее в Инстаграме с новым постом:

Что бы вы ни пытались испробовать – нового автора, или жанр, или решаете кардинально изменить свою жизнь, – я первая признаю, что выходить из зоны комфорта бывает страшновато. Но что, если бы мы, оглянувшись на нашу жизнь, убедились, что эти риски, трудные решения, даже внезапные прыжки веры были главными составляющими полноценной жизни? Во всяком случае, я так думаю, хотя понятия не имею, что может ждать меня впереди. Сейчас у меня в собеседниках эта книга, довольно необычный выбор для меня. Но я открыта тому, что найду на ее страницах и в своей жизни. Скажите, а на какой большой риск пошли вы – в чтении или в жизни? Целую, Вэл #книжныйриск #новыйжанр #живисегодня

Мне хочется чаю, и я ставлю чайник на плиту в маминой, теперь уже моей, кухне и просматриваю ее коллекцию пластинок, пока не нахожу нужный альбом: «Арт Тейтум»[27]. Я вынимаю виниловый диск из конверта, осторожно ставлю на проигрыватель и прислушиваясь сквозь знакомое потрескивание к фортепьянной мелодии. «Чай для двоих».

Я закрываю глаза и вижу, как мы с мамой далеко-далеко, много лет назад кружимся в нашей гостиной в Санта-Монике. Как будто ничего не изменилось, хотя изменилось все. Может быть, сейчас в этом весь секрет. Можно притвориться, что боль прошла, и я так и делаю.

Чай для двоих и двое за чаем. Я для тебя, а ты для меня.

Глава 18

Элоиза
Санта-Моника
Десять лет спустя

После ужина я просмотрела находки с распродажи имущества, которые притащила домой, – большую хрустальную вазу и стопку редких книг. Но самый лучший трофей достался мне по чистой случайности. Сегодня я – незаурядный случай – решила прогуляться за пределы нашего района и доехать на такси до Беверли-Хиллз, где, согласно газетному объявлению, должна пройти особенно интересная распродажа. Поначалу я была разочарована, но потом нашла дорогу в библиотеку большого дома, в то время как другие покупатели рылись в закромах винтажной коллекции вещей от Шанель, собранной предыдущим владельцем и продававшейся по сходной цене. И тут меня ждало открытие. Я не только набрала целую сумку первых изданий, но и нашла самое невероятное из сокровищ, хотя таким оно было только для меня.

На кофейном столике домашней библиотеки стояла лакированная деревянная шкатулка с гравировкой «Чувства Цицерона». На зеленой наклейке крышки стояла цена в один доллар. Увидев ее, я улыбнулась: мне стало любопытно, дорожил ли ею когда-то владелец. Заметив петли, я присела и приподняла крышку. Увидев содержимое, я рассмеялась: внутри лежали конфеты, шарики лимонного драже в обертках.

Конечно, я знала, что Цицерон был весьма почитаемым римским философом и писателем, и не могла не восхититься контрастом: конфетки в коробке, хранящей чувства великого литератора и оратора. Мне это сразу понравилось, особенно когда я подумала о своей давней мечте открыть книжный магазин. Хотя я и знала, что в Калифорнии это почти невозможно, воображению не прикажешь. Перед моим мысленным взором предстала я, владелица прекрасного книжного магазина на углу: вот я открываю коробочку и угощаю всех детей, которые пришли послушать чтение вслух.

Фрэнк давным-давно разрушил мою надежду воплотить эту мечту в жизнь. Но с тех пор прошло десять лет: вдруг на этот раз мне удастся его уговорить? Правда, короткая искра, которую мы зажгли до рождения Валентины, вскоре угасла, и мы погрузились в скучную домашнюю рутину, но вражды между нами не возникало. Просто он жил своей жизнью, а я своей. И с годами, по мере того как Фрэнк все глубже уходил в себя и отдалялся от меня, я тоже перестала стараться и приняла наш брак таким, каким он был, – два совершенно разных человека, объединенных взаимной любовью к общему ребенку.

Валентина оставалась нашим связующим звеном, и быть ее матерью доставляло мне величайшую в жизни радость, но чем старше она становилась, тем меньше нуждалась во мне, и приступы одиночества возобновились. Однажды, когда она гостила у подруги, я решила поговорить с мужем.

Я нашла Фрэнка в его любимом кресле в гостиной, где он отгородился от остального мира развернутой газетой.

– Мы можем минуту поговорить? – спросила я.

– Конечно, – ответил он. Он по-прежнему смотрел на заинтересовавшую его статью.

– Фрэнк, – сказала я, сделав глубокий вдох. – Я тут подумала… Валентина растет. Я уже не нужна ей так, как раньше. Она уж такая взрослая и самостоятельная, и… У меня теперь больше свободного времени, чтобы заниматься другими делами, и я думаю… что должна…

Он безучастно кивнул, что я восприняла как поощрение.

– Я… уже говорила об этом давным-давно… Ты, может быть, и не помнишь, но, Фрэнк… Я хочу открыть книжный магазин.

Наконец он отложил газету и посмотрел на меня; на его лице читалась смесь иронии и раздражения.

– Элоиза, когда мы познакомились, ты была продавщицей в универмаге. С чего, черт возьми, ты взяла, что сможешь управлять малым бизнесом?

Его ответ сильно меня задел. Но я взяла себя в руки и проигнорировала комок в горле.

– Фрэнк, я всегда об этом мечтала – сколько себя помню. – Я сделала глубокий вдох, продолжая потихоньку гнуть свое: – Послушай, на Оушен-Драйв есть торговое помещение, которое со

следующего месяца будет сдаваться в аренду. Чудесное место с маленьким диванчиком у окна, на солнце. – Я чувствовала себя глупо и нервничала, как маленькая девочка, убеждающая отца, что он непременно должен купить ей пони. Но продолжала настаивать:

– Мы будем брать в основном подержанные книги, всякие редкие сокровища. Люди станут приносить туда старые книги и открывать для себя новые.

Он усмехнулся.

– Дорогая, страшно сказать, но это определенно не самое прибыльное предприятие. Особенно учитывая, что ты, кажется, читаешь только одну книгу, снова и снова.

Я нахмурилась, услышав его пренебрежительное упоминание о «Последней зиме». Я действительно часто погружалась в мир Сезанны, но своим замечанием Фрэнк как будто отметал стопки книг на моем прикроватном столике. Правда, он о них не знал, потому что никогда не заходил в мою спальню. У него была отдельная.

– Послушай, – продолжал Фрэнк, прервав мои размышления. – Понятно, что у тебя появилось свободное время и ты хочешь его чем-то заполнить. Давай я позвоню куда следует и попробую найти тебе работу в торговом зале Фреда Сигала? Ты ведь работала в «Хэрродсе», это открывает тебе дорогу. Что скажешь?

– Что скажу? Фрэнк, ты полностью упускаешь главное. Мне вовсе не нужно убить время, и я, конечно же, не хочу работать у Фреда Сигала. Я хочу следовать зову сердца и делать то, что мне интересно. Мне это необходимо, Фрэнк. Мне нужно, чтобы было ради чего вставать по утрам – нужна цель. Неужели ты не можешь этого понять?

– А разве наша дочь для тебя не *цель*?

– Не приплетай сюда Валентину, – огрызнулась я. – Совершенно естественно, что женщине для самореализации нужно что-то еще, кроме материнства. – Я подумала о наших немногочисленных знакомых. – По-твоему, Барбара Мэтьюз меньше любит своих сыновей из-за того, что она работает в больнице? Или Клэр Гринспен. Неужели работа архитектором делает ее плохой матерью? – Я покачала головой. – Фрэнк, я знаю, что у нас есть деньги. В прошлом месяце ты купил новый «порше». Начальный капитал для моего бизнеса составил бы лишь малую часть этой суммы.

– Не будь такой дерзкой, Элоиза, – сказал он, и уголки его рта изогнулись. – И никогда не указывай мне, как тратить мои деньги.

Мои глаза сузились.

– Ты что, правда меня ни капли не уважаешь? – Вдруг мне все стало ясно – пугающе ясно. Я впервые поняла, что…

– Мамуля? – В дверях стояла Валентина с влажными после купания косичками. Я услышала, как с подъездной дорожки отъехала машина: надо же, совсем забыла, что мать ее подруги согласилась привезти ее домой.

– Почему вы с папой ссоритесь?

Я подбежала к ней и поцеловала ее пахнущие медом волосы.

– Мы не ссоримся, милая. Мы просто спорим. О… взрослых вещах. Все в порядке.

Она молча смотрела на меня большими карими глазами. Фрэнк наблюдал за нами из своего кресла.

– Вы с папой собираетесь разводиться? Как родители Джейни?

Мое сердце как будто вырвали из груди и сбросили с небоскреба.

– Конечно нет, милая, – поспешно сказал Фрэнк прежде, чем я отважилась ответить.

Он погладил ее по голове, а я поцеловала в щеку.

– Выше нос, Чарли.

– Хорошо, мамуля, – нежно сказала она, улыбнулась отцу и мне и взбежала по лестнице. Я повернулась и пошла следом, оставляя за собой пустыню молчания величиной с Большой каньон.

– Элоиза, постой, – окликнул меня Фрэнк. – Прости, если я… показался…

– Это неважно, – сказала я, не оборачиваясь. На самом деле это было очень важно.

Глава 19

Валентина

Я открываю глаза, смотрю на часы и с ужасом вижу, что уже почти одиннадцать утра. Конечно, я допоздна слушала мамины старые пластинки, но так поздно не просыпалась со времен… колледжа. Я быстро одеваюсь и спускаюсь в магазин. Там Лайза составляет букет в вазе.

– Ух ты, – говорю я. – Витрина выглядит потрясающе.

– Тебе нравится? – спрашивает она, скептически оглядывая дело своих рук. – Никак не могу решить, стоит ли передвинуть этот стол немного влево или, может быть, добавить ряд полок? – Она наклоняет голову вправо и хмурится. – Даже не знаю, это хоть немного впечатляет?

– Гм, Лайза, – говорю я, – ты кудесница. Это же прекрасно!

Я спрашиваю, не видела ли она призрачную шкатулку с Цицероном. Как и ожидалось, не видела.

– Увы, – говорит она, срезая шипы и лишние листья с нескольких дюжин роз на длинных стеблях. – Но буду иметь в виду.

– Спасибо, – говорю я со вздохом.

– Знаешь, что тебе нужно? – продолжает Лайза, глядя на меня снизу вверх. – Немного бабских радостей. Давай смоемся отсюда и пойдем в салон моей подруги Дебби.

– Я бы с удовольствием, – говорю я, – но у меня столько работы, которую нужно сделать к нашей благотворительной акции. Я не знаю, смогу ли…

– Чушь, – отвечает она, поднимая с пола несколько упавших лепестков роз. – Встряска тебе нужна даже больше, чем мне парень.

– Э-э, Лайза, ты о чем?

Она улыбается.

– О том, что мы идем в салон.

Приходит Милли, и мы отправляемся в путь. Салон находится менее чем в четырех кварталах отсюда, и Дебби встречает нас у двери. Она высокая, со светло-каштановыми волосами до плеч и прямой челкой, образующей идеальную линию на лбу.

– Как думаешь, сможешь ее излечить? – спрашивает Лайза, когда я сажусь в кресло Дебби.

– А то, – говорит она. – Я слышала, ты новая хозяйка «Книжного сада». Я нашла тебя в Инстаграме! Этот пост об Уильяме Блейке, помогающий увидеть свет, меня просто вдохновил.

– О! – я польщена. – Спасибо на добром слове. У меня вообще-то порядочно подписчиков, но иногда мне кажется, что сейчас мои посты читает только один человек – бывший муж.

Дебби усмехается.

– Ох уж эти бывшие! У всех нас они есть. – Они с Лайзой обмениваются понимающим взглядом. – Но можешь не сомневаться, голубушка, многие читают. А что это за мероприятие по сбору средств для книжного магазина? Ты обязательно должна написать об этом. Никогда не знаешь, кто может заявиться!

– Ты права, Деб, – добавляет Лиза. – Даже принц Гарри. – Она мечтательно рассматривает свое отражение в зеркальной стене салона. – Я всегда была к нему неравнодушна.

Я смеюсь.

– Ну, я сильно сомневаюсь, что мы заманим принца Гарри в Примроуз-Хилл, но ты права. Мероприятие состоится через три с половиной недели, и мне, вероятно, следует начать продвигать его в Сети.

Деб подводит меня к стулу у окна и долго смотрит на меня.

– Тебе нужна стрижка и мелирование.

– Вот уж не знаю, – неохотно отвечаю я.

– Я просто сделаю несколько цветных прядок, и это сразу тебя оживит. Тебе понравится, обещаю.

– Хорошо, – соглашаюсь я, откидывая голову назад, и она проводит щеткой по моим неухоженным волосам.

– Вэл, ты должна рассказать Деб о Дэниеле!

– Что за Дэниел? – Она заинтригована.

Я рассказываю о книге с пометками и о своих неудачных поисках, которые завели меня в тупик.

– Хреново, – говорит она, разделяя мои волосы на пряди для мелирования. – Значит, как я понимаю, Дэниел из «Снежного гуся» – это не Дэниел из книги?

Я киваю.

– Нет, и вообще оказалось, что его зовут Дэвид Дэвенпорт, а не Дэниел Дэвенпорт.

– Иди ты, – говорит Дебби, отступая назад. – Шутишь?

Я в замешательстве качаю головой.

– Дэниел Дэвенпорт? – Она поворачивается к Лайзе. – Парня с таким именем я знаю с детства. Мы вместе в подгузниках бегали. Наши мамы были и остались лучшими подругами. У них был тщательно продуманный план, как мы вырастем и поженимся, и, признаюсь, когда-то я мечтала, чтобы так и случилось. Он неплохая добыча. Дьявольски красивый и хороший, чего не скажешь о большинстве красивых мужчин. Да еще и умный.

Я выпрямляюсь во вращающемся кресле.

– Погоди. Что ты такое говоришь?

Она кивает.

– Он не то кинопродюсер, не то сценарист, или что-то в этом роде. – Она качает головой. – В общем, работает в кино кем-то там. Мама что-то говорила о документальных фильмах.

Потрясающее совпадение, но знакомый Дебби никак не может быть *тем* Дэниелом. Мы с Лайзой уже погуглили это имя – в одном Лондоне их сто с лишним штук.

– Постой, – говорю я. – А ты не знаешь, где он учился? Случайно не в Университете Куин Мэри?

Глаза Дебби округляются.

– Правда, именно там.

– Вэл, – говорит Лайза, улыбаясь до ушей. – Похоже, мы только что нашли твоего парня.

– Так я же могу ему позвонить, – говорит Дебби, хватаясь за телефон. – На днях как раз говорила с мамой – он не женат, это точно. Я бы могла устроить вам свидание за ланчем или кофе.

Я качаю головой.

– Нет-нет, не стоит. И, потом, разве ты сама на него не претендуешь?

– Брось, – говорит она, протягивая левую руку и демонстрируя кольцо с бриллиантом. – Я помолвлена. К тому же романтические возможности для нас иссякли, когда нам обоим стукнуло девять. Целоваться с ним было бы все равно что… с братом. Фу.

Я смеюсь.

– Ну так что, – продолжает она, взяв следующую прядь моих волос, – познакомить вас?

– Даже не верится, – говорю я, поворачиваясь к Лайзе за поддержкой. – Что же это будет – свидание вслепую? Уж не знаю. Хотелось бы, чтобы это произошло как-то… более естественно.

Лайза кивает.

– Может быть, тебе пойти в его любимое кафе и случайно столкнуться с ним, пролить кофе ему на рубашку или что-то в этом роде?

– Да, неплохо, – говорю я, – кроме того, чтобы пролить ему кофе на рубашку.

Лайза поднимает указательный палец.

– О, еще ты можешь украсть у него портфель в поезде, а потом побежать за ним и вернуть.

Я качаю головой.

– Нет, это не годится.

Дебби кивает.

– В пятом классе я проделала нечто подобное. Я была абсолютно без ума от одного мальчишки по имени Крэг. И тщательно разработала план, как привлечь его внимание, случайно ткнув его в руку пластиковой вилкой за обедом. Я нафантазировала себе, что он сочтет это забавным и мы будем смеяться над этим долгие годы. Я представляла, как после нашей свадьбы он станет всем рассказывать смешную историю о том, что мы познакомились на почве того, что я ткнула его вилкой. Беда в том, что вилкой я в него почему-то не попала, зато попала кетчупом со своего подноса. И испортила ему рубашку. – Она качает головой.

– Трагедия, – говорит Лайза.

Дебби кивает.

– Так оно и было. – Она поворачивается ко мне, и ее взгляд встречается с моим в зеркале. – Давай я все-таки позвоню ему позже и подумаю, как вас свести.

– Хорошо, – наконец говорю я.

Она улыбается и протягивает мне блокнот и ручку.

– Вот, напиши свой номер телефона, чтобы я могла ему передать.

Я нацарапываю на листке номер и смеюсь.

– Кто-нибудь объяснит мне, почему я снова чувствую себя пятнадцатилетней?

Лайза улыбается.

– Вот сейчас, Вэл, ты, кажется, раскрыла самую страшную тайну взрослых: никаких взрослых не существует.

– Отличная прическа, – говорит Милли, когда в конце дня я захожу в магазин.

– Спасибо. – Я рада, что ей нравится. Дебби действительно оживила меня: приятная перемена после… всего.

– День триумфа, – говорит она, выключая свет. – Лучшие продажи за последние несколько недель.

– Правда?

Она кивает.

– Хочешь, провожу тебя до дома? А по дороге ты мне все расскажешь.

– Конечно, – говорит она, запирая магазин. – Пойдем, если хочешь, но не потому, что мне требуется сопровождение. Я ходила по гораздо более темным улицам Лондона дольше, чем ты живешь на свете, моя дорогая.

– Знаю, – говорю я со смехом. – Я просто подумала, что в моей компании тебе будет веселее, вот и все.

Я рассказываю Милли о последнем звонке Джеймса Уитейкера из «Бевинс и партнеры». Он убеждает меня рассмотреть два новых предложения, которые позволили бы легко урегулировать вопрос с налогами. Конечно, оба предполагают закрытие книжного магазина и снос здания, чтобы освободить место для современного жилого дома, но чем дольше это тянется, тем сильнее горит земля у меня под ногами.

– Адвокаты никогда не сдаются, – говорит Милли.

– Я не собираюсь принимать никаких решений до окончания сбора средств, – говорю я. – У нас еще есть время.

– Вот именно. Отвечай туманно. Скажи ему, что обдумываешь собственные варианты. Когда придет время, он получит ответ и, надеюсь, это будет большое жирное «нет».

Я киваю, чувствуя, как в заднем кармане жужжит телефон. Номер незнакомый, но я на всякий случай решаю ответить.

– Алло, это Валентина? – Глубокий, звучный мужской голос.

– Да, – отвечаю я.

– Это Дэниел. Дэниел Дэвенпорт.

– Дэниел, – говорю я, чувствуя предательскую внутреннюю дрожь. – Привет.

– Привет, – отвечает он.

Милли ухмыляется, одними губами произносит «спокойной ночи» и исчезает за углом.

– Извините, я вам не помешал? – спрашивает Дэниел.

– Нет-нет, – говорю я быстро, возможно, слишком быстро. Я делаю глубокий вдох и прислоняюсь к фонарному столбу. – Вовсе нет.

– Хорошо, – говорит он. Я сразу же представляю, как он, улыбаясь, стоит у окна своей квартиры на верхнем этаже в центре города: темные волнистые волосы, застенчивая улыбка, на плите греется ужин, на столе только что откупоренная бутылка вина, на тумбочке книга. – Сегодня я разговаривал с нашей общей знакомой Дебби, и она сказала, что нам с вами есть о чем поговорить.

Глава 20

Элоиза

Год спустя

За дверью спальни мужа виднелся свет. Обычно я стучала, но сейчас одной рукой держала стакан с водой, а другой – рубашки на вешалках. Кроме того, Фрэнк оставил дверь приоткрытой, так что я не беспокоилась, что потревожу его.

– Привет, – сказал я, открывая дверь локтем.

Он лежал на боку в полосатой пижаме, которую я подарила ему на Рождество два года назад. Услышав мои шаги, он быстро сел.

– Элоиза? – удивленно сказал он. – Я же просил тебя стучать.

– О, – растерянно сказала, – извини. Утром я забрала вещи из химчистки и просто хотела положить твои рубашки в… – Я осеклась, заметив, что на его кровати разложены десятки фотографий, черно-белых и цветных. – Что ты делаешь, Фрэнк? Что это за фото?

– Ничего, – сказал он, поспешно сгребая их в кучу, но один снимок выскользнул и упал на пол лицевой стороной вверх. Я присела, чтобы поднять его, и гроздь вешалок выпала у меня из рук.

Сначала я обратила внимание на ее глаза – большие, прелестные глаза, – а потом и на другие черты: высокие скулы, идеальные пухлые губы, тонкая талия. Светлые волосы мягкими волнами ниспадали на плечи. Она смеялась, сияя, как будто человек с фотоаппаратом был для нее всем. Я с усилием сглотнула и посмотрела на Фрэнка. Я знала ответ на вопрос, который собиралась задать, но все равно спросила:

– Это она, да? *Диана*.

Фрэнк забрал фотографию из моей ослабевшей руки, бросил поверх остальных, засунул всю пачку в конверт из плотной бумаги и положил в ящик тумбочки. Он ничего не сказал, и я тоже: мы оба погрузились в ледяное молчание.

Когда пару минут спустя он повернулся ко мне, его глаза были полны сожаления, даже нежности.

– Элоиза, прости меня…

– Не надо, Фрэнк. – Я покачала головой. – Столько лет. Я никогда не могла достучаться до тебя. Раньше я думала, что дело во мне, что я

недостаточно хороша, недостаточно красива, недостаточно интересна. Но теперь вижу, что я ни при чем. Фрэнк, я не могла достучаться до тебя, потому что ты был недосягаем – потому что твое сердце все еще с ней.

Мы больше не вспоминали тот вечер, но с той поры поведение Фрэнка изменилось. Он чаще приходил домой к ужину и даже как-то предложил сводить меня в новый ресторан морепродуктов на Мейн-стрит, но я вежливо отказалась.

Я тоже стала вести себя по-другому. Иногда я не спускалась к завтраку или отказывалась идти на официальное мероприятие, на котором мне не хотелось присутствовать, даже если знала, что это вызовет сплетни в нашем кругу. Я даже получила водительские права – это был, как я считала, самый мой смелый шаг.

Моим первым пассажиром была Валентина.

Я сидела и читала во внутреннем дворике, когда она вышла и села рядом со мной в шезлонг у бассейна.

– Отвезешь меня на пляж?

– Хорошо, – сказала я, посмотрев на часы. – Сейчас я оденусь, принесу тебе что-нибудь перекусить, а потом отвезу.

Валентина, сияя, вскочила.

– Ты лучшая мамуля на свете!

– А ты лучшая дочурка на свете, – улыбнулась я.

– А водить машину весело? – спросила Валентина, когда я задним ходом вывела «вольво»-универсал с подъездной дорожки. Я с опаской сжимала руль. Готовясь к экзамену по вождению, я сшибла почтовый ящик. Фрэнк, естественно, не был в восторге, зато Валентина решила, что аттракцион «Мамуля крушит почтовый ящик» – самое забавное зрелище, какое она когда-либо видела.

– Не то чтобы весело, – сказала я, и мы тронулись вниз по улице. – Но это дает чувство свободы. – И это была правда, так что я даже удивлялась, почему мне потребовалось столько времени, чтобы решиться на этот важный шаг.

– Не поспоришь, – сказала дочь, глядя в открытое окно; теплый ветер развевал ее каштановые волосы. Вэл вытянула руку в окно, как любила делать с раннего детства, позволяя ладони ловить ветер, как будто она плывет по воздуху.

– Послушай, – вдруг сказала я. – Давай остановимся и купим мороженое, а потом прогуляемся до пляжа? Апельсиновый шербет?

Она улыбнулась.

– Нет, жевательная резинка!

– Идет, жевательная резинка, – сказала я и резко свернула влево, на боковую улицу, ведущую к набережной. Я высматривала место для парковки на Оушен Драйв, но, прокатавшись десять минут и три раза объехав вокруг квартала, поняла, что все напрасно.

Валентина указала вперед.

– Вон место, мамуля! Видишь? Вон там, впереди.

Я покачала головой.

– Боюсь, в параллельной парковке я безнадежна. Вообще-то я из-за нее чуть не провалила экзамен на вождение.

Она улыбнулась.

– Как же ты собираешься научиться, если не будешь практиковаться?

– Какая у меня мудрая дочь, – усмехнулась я, оценивая стоящую передо мной задачу. – И не вздумай смеяться надо мной, когда я все испорчу.

Я подала вперед, переключилась на задний ход, медленно двигаясь назад под углом, как меня учили, но быстро поняла, что не рассчитала угол и мне придется начинать все сначала. После восьми попыток я была вне себя от разочарования.

– Может быть, просто высадишь меня, – мило предложила Валентина, – и подождешь, пока я куплю нам мороженое?

– А как мы тогда попадем на пляж? – сказала я со вздохом.

– Извините. – Какой-то мужчина обратился ко мне через открытое окно машины. – Я не мог не заметить, что у вас возникли некоторые… трудности при попытках попасть на это место. Может быть, вам помочь?

Я выглянула в окно и посмотрела на него: высокий, с каштановыми волнистыми волосами и доброй улыбкой. Я никогда не разговаривала с незнакомцами, но что-то в выражении его лица меня обезоружило.

– Да, – сказала я со смехом. – Наверное, жалкое зрелище.

– Нет, – ответил он. – Уверяю вас, вы не единственная в Санта-Монике сражаетесь с параллельной парковкой. – Он указал на многоквартирный дом позади себя. – Я здесь живу и наблюдаю это

постоянно. Мужчины хуже всего. Самолюбие. Вы бы видели, как они бесятся, когда не могут вписаться в парковочное место. На это довольно забавно смотреть.

Я улыбнулась. Он отступил назад, чтобы оценить обстановку.

– Сложновато, но, думаю, мы справимся. Я буду давать указания.

– Хорошо, инструктор, – сказала я, и Валентина хихикнула.

– Поближе сюда, – сказал он, жестом указывая вперед. – Достаточно, теперь остановитесь и медленно поверните руль влево. – Я последовала указаниям, и он одобрительно кивнул. – Да, вот так. Еще чуть-чуть. Еще немного. Сюда. А теперь вставайте. Вот так, идеально!

Я выключила двигатель, в восторге от нашего парковочного подвига, подняла стекла и вышла из машины на тротуар вместе с Валентиной.

– Кто же вы, святой покровитель парковки?

Он улыбнулся.

– Меня зовут Питер, – сказал он, протягивая руку.

– Элоиза. – Я слегка покраснела – А это моя дочь, Валентина.

– Рад познакомиться с обеими, – сказал он, снова поймав мой взгляд. – Послушайте, если вам интересно, я…

– Извините, – прервала я. – Нам вообще-то пора. Я обещала ей мороженое. Но спасибо вам… Питер, за вашу доброту. Это было… очень благородно.

– Всегда готов, – сказал он. – Может быть, я еще когда-нибудь застану вас здесь за парковкой и вам снова понадобится дополнительная помощь.

Я улыбнулась и взяла Валентину за руку. Когда мы уходили, я чувствовала спиной его взгляд.

Вот тогда я и увидела эту пустующую витрину на Оушен-Драйв, где я представляла себе свой книжный магазин.

– Давай поглазеем на витрины, – сказала я, останавливаясь у пустого магазина.

– Мамуля, – сказала Валентина со смехом, – но этот магазин закрыт. В витрине ничего нет.

– Нет, милая, ты ошибаешься, – сказала я. – Нужно включить воображение.

Она с любопытством посмотрела на меня.

– И что ты видишь?

Я улыбнулась.

– Книги. Много-много книг.

– А в Лондоне есть мороженое? – спросила Вэл, слизывая розовую каплю с вафельного рожка. Мы сидели на пляже и смотрели, как волны разбиваются о берег.

– Конечно, есть, – сказала я, – хотя не могу сказать, что объедалась им в детстве. Это скорее американская привычка.

– А какие лакомства ты в детстве любила?

– Конфеты, конечно. За лимонное драже душу бы продала.

– А еще?

– Я обожала мамины плюшки со взбитыми сливками, – сказала я, вспомнив, как она всегда подавала сливки в отдельных формочках. «Так положено», – говорила она мне, хотя это увеличивало количество грязной посуды. Мама всегда очень старалась делать все «как положено», потому что ее воспитывали далеко не так, но она хотела, чтобы это усвоила я. Интересно, что бы она подумала обо мне сейчас: живу в Калифорнии с богатым мужем, могу пачкать столько посуды, сколько захочу. Да, она всегда желала мне именно такой жизни, но я знала, что она прочитала бы меня, как книгу, и увидела пустоту, которую я так старалась скрыть.

– А ты свозишь меня в Лондон? – спросила Вэл, высасывая из рожка остатки растаявшего мороженого.

Я вытерла ей подбородок.

– Я бы с удовольствием, милая.

– Когда? – спросила она. – Может быть, через месяц, на каникулы?

– Знаешь, неплохая идея – сказала я.

Я до боли скучала по Лондону и по Милли тоже. С годами мы стали писать друг другу редко, но я знала, что как только мы встретимся, наверстаем все до последней секунды.

– Вечером поговорю с папой, – сказала я. – А теперь беги помочи ножки в океане!

Я улыбалась, наблюдая, как она скачет к кромке воды, играет с прибоем и визжит, когда волна подкрадывается ближе: она любила эту игру с раннего детства. В отличие от меня, Валентина была бесстрашной; с другой стороны, жизнь еще не принесла ей разочарований.

Я позволила ей еще немного поиграть, и мы направились обратно к машине.

– А тот дядечка славный, – внезапно сказала она, смахивая песок со щеки и наблюдая за мной с не по возрасту мудрым видом.

– Это правда, – сказала я, отпирая машину. Я включила двигатель и опустила стекла, чтобы проверить салон.

Вэл указала на ветровое стекло.

– Мамуля, а что это за бумажка под дворником?

– Красота, – сказала я со вздохом. – И после всего этого я получаю штраф за неправильную парковку. – Но взяв листок, я тут же поняла, что это не штраф.

– Что это? – с интересом спросила Валентина.

– Это… так, ничего, – быстро сказала я, засовывая клочок бумаги в карман джинсов. Я не стала ей говорить, что на самом деле это записка от Питера и что он оставил мне номер телефона. Конечно, все это ничего не значило. Я бы никогда не позвонила ему и не позволила бы себе думать о том, что может случиться, если я позвоню. Я посмотрела на здание кондоминиума с видом на пляж и улыбнулась, чувствуя себя юной и искрящейся – в точности то ощущение трепета, которое приходит только после третьего глотка шампанского.

Дома, разбирая почту, я заметила письмо от Милли, которое узнала по почерку на конверте, и сразу же открыла его.

Дорогая Элоиза,

Как поживаешь, старая подруга? Мы не виделись целую вечность, и я страшно скучаю по тебе. Без тебя Лондон – не Лондон. Хотя, полагаю, твоя жизнь в Калифорнии намного интереснее. Я поспорила с приятелем в пабе, что в один прекрасный день увижу тебя по телевизору. «Это моя лучшая подруга», – скажу я всем, но, конечно, мне никто не поверит. Помнишь Сьюзан Уайтхолл? Она спросила меня, когда ты наконец бросишь Фрэнка и выйдешь замуж за кого-то вроде Тома Круза. Если бы кто-нибудь мог провернуть что-то подобное, то это ты, Эл. Черт возьми, надеюсь, Фрэнк не прочитает этого письма. На всякий случай упомяну, что прекрасно помню Фрэнка, помню, какой он красивый, умный и мудрый. Ладно, хватит об этом.

В своем последнем письме ты спрашивала, думаю ли я когда-нибудь о нашей давней мечте о книжном магазине. Да, думаю, и довольно часто. Мне жаль, что тебе не удалось открыть магазин в Санта-Монике, но это заставило меня эгоистично надеяться, что у нашего маленького предприятия еще может появиться шанс! Представляешь, как это было бы прекрасно и весело? Мечты не умирают, ведь правда? Во всяком случае, так я себе говорю.

Как поживает Валентина? Я так часто думаю о вас обоих. Присылай фотографии!

С любовью, как всегда

Милли

Слезы защипали мне глаза, и я спрятала письмо подальше. Никогда я еще так не скучала по дому и Милли. Я решила поговорить с Фрэнком о том, чтобы свозить Валентину в Лондон.

Я улыбнулась, подумав обо всех достопримечательностях, которые ей покажу. Драгоценности короны! Букингемский дворец! Моя любимая маленькая пекарня в Ноттинг-Хилле – на месте ли она, ждет ли меня, осталась ли такой, какой я ее запомнила?

В гостиной зазвонил телефон. Я надеялась, что это Фрэнк, и я сразу же выложу ему нашу идею. Он мог бы попросить секретаря помочь нам с билетами на самолет, бронированием отелей и тому подобным.

– Алло?

– Привет, дорогая, – сказал Фрэнк. – Я только что добрался до Чикаго и…

– Хорошо, что ты позвонил, – сказала я. – Я… хотела спросить тебя кое о чем.

– О чем же?

– Фрэнк, я… хочу свозить Валентину в Лондон.

На другом конце провода воцарилась тишина.

– Фрэнк? Ты еще там?

– Да-да. Я тут.

– Я говорю, что хотела бы показать Валентине Лондон.

– Я слышу. – Его голос звучал резко, по-деловому.

– Вот и хорошо. Так могу я…

– Дорогая, боюсь, не могу поддержать эту затею. В Европе случается слишком много террористических актов. Я никогда себе не прощу, если…

– А я себе не прощу, если не смогу показать дочери свой дом.

Фрэнк повысил голос, чтобы показать, что последнее слово останется за ним.

– *Твой* дом в Калифорнии, а *наша* дочь спокойно подождет до совершеннолетия, чтобы путешествовать за границу.

В этот вечер я дала Бонни выходной, и теперь, когда Фрэнк был в отъезде, а Валентина ушла в гости с ночевкой, дом казался особенно пустым. Обычно я заглушала тишину чтением, но сегодня подошла к шкафу и выбрала легкий синий свитер и джинсы. К ним добавила пояс и открытые туфли и сунула кошелек и губную помаду в стеганую сумку «Шанель», которую Фрэнк подарил мне на Рождество в год рождения Валентины. Когда я доставала шелковый шарф из верхнего ящика комода, мое внимание привлекла шкатулка для драгоценностей, спрятанная в дальнем углу. Мне подарила ее мама на мой одиннадцатый день рождения. Она не могла позволить себе купить такую дорогую вещь: шкатулка досталась ей по наследству от матери, а та получила ее, когда работала швеей для одной из самых богатых семей Лондона. Но мое сердце кольнула не сама шкатулка, а то, что я положила в нее.

Я подняла крышку и достала записку, которую нашла тогда на лобовом стекле, от того мужчины на пляже. Питера. Ее нужно было сразу выбросить, но у меня почему-то не поднялась рука. И вот я нахожу ее пятничным вечером, стоя тут в туфлях на каблуках. Я сунула клочок бумаги в сумочку и взяла ключи от машины.

Через некоторое время я уже сидела на барном стуле в Vino Volletta, недавно открывшемся винном баре по соседству. Гулять вечером в одиночестве было непривычно, но странным образом прекрасно.

Бармен улыбнулся, пододвигая мне через мраморную стойку стакан воды и меню.

– Кто-нибудь присоединится к вам? – спросил он, как будто колеблясь, не дать ли мне второе меню.

– Нет, – быстро сказала я. – Я одна.

Он кивнул, указывая в верхнюю часть меню.

– Закуски здесь. Ниже – салаты и холодные блюда, потом горячее. Курица сегодня замечательная. А на другой стороне вина. Внизу наборы для дегустации – из трех сортов.

– О да, – сказала я, «дегустация» – это звучало неплохо. Мне набор из красных вин. Какой вы рекомендуете?

– Ну, – сказал он, – судя по вашему акценту, вы, наверное, предпочитаете европейские сорта?

Я улыбнулась.

– Я действительно скучаю по дому.

– Тогда я принесу набор французских красных, – решительно сказал он. – Вы не разочаруетесь.

Да, я не разочаровалась, и, покончив с дегустацией, решила заказать бокал. Бармен немедленно потянулся за бутылкой, которую назвал «особой»; так и оказалось. Несколько минут спустя я почувствовала себя легкой, счастливой и несколько осмелевшей. Я полезла в карман.

Я вспомнила, как Фрэнк разговаривал со мной по телефону, как отшил меня. Я так долго была так одинока. Он и сам это признавал. Что плохого в том, чтобы просто… поговорить с человеком, который хочет поговорить со мной? Я сделала еще глоток вина и помахала бармену.

– Извините, сэр, вы не против, если я воспользуюсь вашим телефоном?

– Конечно, – сказал он, указывая в конец стойки.

Я подошла и набрала номер. После двух гудков трубку сняли.

– Алло?

– Да, привет… Питер? – Я ухватилась за край стойки, чтобы не упасть.

– Да, это я.

Мое сердце билось так быстро, что мне казалось, я вот-вот упаду в обморок. Что я делаю?

– Алло? – повторил он. Тут я запаниковала и положила трубку на рычаг.

Глава 21

Валентина
Лондон
Примерно три недели спустя

В пятницу перед закрытием магазина все сотрудники «Книжного сада» сильно нервничают. Организованный нами сбор средств запланирован на завтрашний вечер. Пан или пропал – мы с Милли и Лайзой ощущали это всем своим существом и надеялись на первое. Так что всю последнюю неделю мы готовились: складывали программки и завязывали на них ленточки, печатали лотерейные билеты и делали бирки для негласного аукциона.

– Черт возьми, понятия не имею, как мы собираемся собрать все эти деньги, – нервно говорит Милли, оторвавшись от экрана компьютера, и опускается на диван.

– Все билеты распроданы, – напоминаю я ей. – Так или иначе сообщество Примроуз-Хилл демонстрирует свою поддержку.

Прежде чем Милли успевает ответить, в магазин входит девушка со стрижкой пикси и просит Керуака.

Милли, конечно же, вскакивает с места, ведет покупательницу к нужной полке и вручает ей книгу. Девушка уносит покупку в пакете, украшенном новым логотипом магазина: стебельки нарцисса, прорастающие со страниц открытой книги.

– Может быть, книжный бизнес и меняется, – говорит Милли, – но пока существуют на свете читатели, шестнадцатилетние девчонки всегда будут требовать Керуака. – Она качает головой. – Только вот не пойму, зачем им Керуак, когда есть Сильвия Плат? Непостижимо.

Милли переключает внимание на стопки подарочных пакетов, украшенных тем же новым логотипом. Благодаря щедрости местных предпринимателей, от пекарни до бакалейной лавки за углом, мы набьем каждый пакет до отказа.

Лайза вздыхает, разглядывая бантик, который она только что завязала на одном из пакетов, и я понимаю, что беспокойство Милли заразительно.

– Как ты думаешь, это и вправду поможет? В смысле, сможет ли один сбор средств принести нам достаточно, чтобы заплатить налог на имущество и остаться в бизнесе?

– Так это и есть наша цель, – говорю я. – Примроуз-Хилл нужен свой книжный магазин. Билеты проданы – это уже о чем-то говорит! – Я молчу о том, о чем и так все знают: что бесплатный ужин в кафе «Флора» сведет нашу выручку к нулю.

Тем не менее мы придерживаемся намеченного курса и работаем как настоящий конвейер. Милли складывает пакет и передает Лайзе; та завязывает на ручках розовый тюлевый бант и отдает мне, а я помечаю каждый и раскладываю их по коробкам в соответствии с номерами столов.

Лайза внезапно поднимает глаза.

– Вэл, а у тебя не сегодня свидание с Дэниелом?

– Да, – говорю я, не в силах сдержать улыбку при упоминании о нем. Когда он позвонил в первый раз, он собирался уехать дней на десять, но теперь вернулся и пригласил меня поужинать с ним в маленьком итальянском ресторанчике в Ноттинг-Хилл, где, по его словам, подают какое-то блюдо из баклажанов, о котором восторженно отзываются все кулинарные критики. У меня не хватило духу признаться, что я терпеть не могу баклажаны. Так или иначе надеюсь, что в жизни он такой же замечательный, каким кажется по телефону. Парикмахерша Дебби, во всяком случае, в этом уверена.

– Волнуешься? – с надеждой спрашивает Лайза.

– Я не ходила на свидания больше пятнадцати лет, – говорю я со вздохом. – Так что да, есть немного.

– Не забудь кокетливую блузку и капельку духов. Она указывает на мочки ушей, ключицы и запястье. – Главное – нанести куда надо, и предлагаю аромат ванили.

Прежде чем я успеваю ответить, подъезжает грузовик FedEx, немного раньше обычного. Милли всегда планирует свой день так, чтобы перед ежедневным явлением Фернандо у нее было время припудрить носик и подмазать губы, так что любое незначительное изменение графика застает ее врасплох. И сегодня Фернандо обнаруживает ее сидящей на полу, окруженной подарочными пакетами, с блестящим носом и бледными губами. Но судя по выражению его лица, он, похоже, не имеет ничего против.

– Привет, Милли, – говорит он, кладя на стол рядом с ней несколько пакетов.

– О, Фернандо, – отвечает она заикаясь, как всегда при его появлении.

– Что это вы делаете?

– Готовимся к завтрашнему сбору средств для магазина, – быстро отвечает она.

Он улыбается.

– Я приду. Купил билет еще на прошлой неделе.

Милли сияет.

– Придете?

Он кивает.

– Как я могу такое пропустить? Послушайте, я… подумал… что, может быть… То есть, если вы хотите, я бы… то есть… мы могли бы, ну, пойти… вместе.

У Милли отвисает челюсть. Она ошеломленно молчит, поэтому Лайза отвечает за нее:

– Она хочет, Фернандо!

Он выдыхает, широко улыбаясь, как будто и ждал ответа – любого ответа – именно от Лайзы.

– Почему бы вам не приехать и не забрать ее отсюда завтра в пять тридцать вечера, и вы тогда пойдете вместе, – продолжает наша великая сводница.

– Хорошо, – говорит Фернандо, улыбаясь Лайзе, а потом Милли. – Звучит прекрасно.

– Звучит прекрасно, – вторит слегка обалдевшая Милли, и он направляется к двери.

Когда он уходит, Лайза радостно взвизгивает, и я тоже присоединяюсь к веселью.

– Милли! Ты там еще жива? Фернандо пригласил тебя на свидание!

Непонятно, собирается ли она рассмеяться или заплакать, или то и другое вместе. Повернувшись к нам, она тоже взвизгивает.

– Это что, правда сейчас было? – спрашивает она, широко раскрыв глаза.

– Было, – говорит Лайза, и Милли возвращается к прилавку, не в силах сдержать улыбку. Так приятно видеть ее счастливой.

– Кажется, мы подъезжаем, – говорю я таксисту сквозь скрип дворников на ветровом стекле. Льет такой дождь, что водитель установил их на максимум. Видимость такая же низкая, как в туманную ночь в Сиэтле.

– Вы сказали, ресторан «Белла Норма», верно?

– Да.

Водитель кивает.

– Приехали, это как раз через дорогу.

Я протираю запотевшее окно и вижу очаровательное маленькое заведение на углу, тускло освещенное, со свечами, мерцающими в окнах. Прелесть какая.

Заплатив за проезд, я быстро перебегаю дорогу. Укрывшись под навесом ресторана, стираю со щек капли дождя, молясь, чтобы моя водостойкая тушь выдержала.

– Валентина Бейкер, – говорю я хозяйке, стоящей у входа. – Я встречаюсь здесь с Дэниелом Дэвенпортом.

Мне нравится, как звучит его имя.

– Да, конечно. Ваш столик готов. – Она выбирает два меню и ведет меня через маленькую столовую к уютному столику на двоих у окна. Я, как обычно, пришла на пять минут раньше. Интересно, опоздает ли Дэниел? Ник всегда опаздывал. Я слишком волнуюсь, чтобы заглянуть в меню. Вместо этого я смотрю в окно, на залитую дождем улицу, и с нетерпением жду. Его прибытие выглядит впечатляюще кинематографично, недаром он работает в кино.

Едва часы бьют шесть, в ресторан входит мужчина, должно быть, Дэниел Дэвенпорт – не рано, не поздно, но точно вовремя. Он передает хозяйке пальто, и я вижу, что он высок и красив, даже лучше, чем описывала Дебби. Он идет к столу, и с каждым его шагом мое сердце бьется все быстрее. Меня внезапно охватывает беспокойство, хочется закрыть лицо или, может быть, убежать в туалет, но взгляд Дэниела каким-то образом пригвождает меня к месту.

– Ну, привет, – говорит он, и его высокая фигура нависает над столом.

– Привет, – пищу я в ответ. Я не знаю, куда девать руки, а ноги, похоже, парализовало, или, может быть, они растаяли под столом, превратившись в лужицы студенистой жидкости. Во всяком случае, я их не чувствую. Я не чувствую ничего и уверена, что щеки у меня

сейчас по меньшей мере четырнадцати оттенков малинового. Возможно, даже шестнадцати.

– Надеюсь, я не заставил вас долго ждать, – говорит он, опускаясь на стул.

Он извиняется за то, что пришел вовремя? Что за тип? Он вообще настоящий?

– О нет, – начинаю я объяснять. – Дело в том… что мой бывший муж всегда опаздывал. А я всегда прихожу рано. Так что, наверное, я просто привыкла к тому, что мужчины опаздывают. – Я прикрываю рот рукой. – О боже, я, наверное, разволновалась. Несу околесицу. И говорю о своем бывшем. Извините. – Я потираю лоб. – Все, я заткнулась.

– Не стоит оправдываться, – говорит Дэниел. *Почему у него такие белые зубы?* – Признаюсь, я тоже немного волнуюсь. Первая встреча – это всегда неловко, но должен сказать, что вы даже красивее, чем я себе представлял. И поймите меня правильно, по описанию Деб я представлял, что вы весьма хороши собой.

– Что ж, спасибо на добром слове, – говорю я, поправляя вилку на столе так, чтобы она лежала параллельно ножу. – Вы тоже ничего.

– А еще Деб сказала, что вы пытаетесь разгадать тайну, – добавляет он. – Как режиссер-документалист, должен признать, что это меня заинтриговало.

– Да, – отвечаю я. – Речь о старой книге, полной пометок…

Он кивает и берет со столика меню.

– У нас хватит времени, чтобы разобраться во всем этом за ужином. Что отсюда вам нравится?

– Ох, мне все нравится, – говорю я, откладывая меню. – Может быть, сделаете заказ для нас обоих?

– Ну, здесь всегда есть севиче из баклажанов, – говорит он, приподнимая бровь. – Об этом недавно писали в «Таймс».

– О, – говорю я. – Тут такое дело… Э-э… должна вам кое в чем признаться.

Он наклоняется ко мне.

Я морщу нос.

– Я… никогда не любила баклажаны. Хм… и севиче. – Я улыбаюсь. – И вы, вероятно, сейчас серьезно сомневаетесь в моих

способностях детектива, учитывая, что я даже не могу разобраться в меню.

Он разражается смехом.

– Нет, я даже больше стал доверять вашей интуиции. Я и сам ненавижу баклажаны.

– Но это же вы предложили!

– Ну да, – продолжает он с покаянным видом. – Пытался пустить пыль в глаза. Но… меня поймали.

– Знаете, – говорю я, смеясь, – это одно из самых забавных признаний, которые я слышала за долгое время. Вы баклажанный мошенник.

– Виноват.

– Мы оба такие, – добавляю я.

Я просматриваю список основных блюд, хотя они не вызывают у меня интереса. Я перевожу взгляд на его лицо и изучаю его глубоко посаженные карие глаза. Официант подходит спросить, готовы ли мы, и Дэниел заказывает бутылку вина.

Он склоняет голову вправо и смотрит на меня с веселой, совершенно мальчишеской улыбкой.

– Вы знаете, у меня такое чувство, что у нас с вами больше общего, чем отвращение к баклажанам, миссис Валентина Бейкер.

– О, правда, мистер Дэниел Дэвенпорт?

– Не хочешь немного прогуляться? – спрашивает Дэниел после того, как официант убрал со стола. Он оплачивает счет, прежде чем я успеваю предложить свою долю.

– А теперь удовлетвори любопытство документалиста, – говорит он. – У меня есть вопросы, и я хотел бы узнать тебя получше.

Я смеюсь. Мы выходим на улицу, радуясь, что дождь утих.

– Хорошо, сэр, – говорю я. – Но только сначала направим камеру на тебя. Дебби говорит, что у тебя блестящая карьера в кино.

– Верно. Вижу, она рассказала тебе о моих двадцати девяти «Оскарах».

Я весело смотрю на него.

– Ну да, вовсю пела тебе дифирамбы.

– Беда с работой в кино в том, что все считают ее ужасно шикарной, а на самом деле это даже скучновато. В конце концов, я

всего лишь скромный рассказчик – без всяких «Оскаров». – Он улыбается. – Я тебе еще не разонравился?

– Я бы не назвала это скучным, – говорю я. – Звучит страшно интересно. И ты мне не разонравился. Скажи, а какие темы тебя больше всего интересуют?

– О, диапазон широк. В прошлом году мы сняли фильм о жизни детей в одной из беднейших провинций Филиппин – Апаяо. Это вызвало некоторый гуманитарный интерес, который, похоже, сыграл свою роль, пусть и небольшую. – Он улыбается. – А это для меня самое главное.

– Я тоже люблю проекты, способствующие изменениям, – говорю я, пытаясь согреть дыханием замерзшие руки. – Этим я и занимаюсь здесь, в «Книжном саду».

– А как ты пришла к книгам? – спрашивает он.

– В двух словах? Благодаря маме. Она читала мне вслух с младенчества. Она любила книги и научила меня тоже их любить.

– Так как же ты снова оказалась в Лондоне?

Я рассказываю ему, как мама внезапно покинула меня, как уехала в Лондон, чтобы начать новую жизнь – или, может быть, прежнюю, но с чистого листа.

– Ага, – говорит Дэниел. – Как я и подозревал. Мы приближаемся к источнику главных загадок.

Я нервно улыбаюсь.

– И в тебе заговорил документалист.

– А как ты поддерживала связь с матерью после ее ухода?

– Вообще-то никак. Она была для меня целым миром, а потом… исчезла. Время для меня остановилось, надолго. Но книги спасали меня. Я подолгу сидела в библиотеке и читала книги, которые, как мне казалось, могли ей понравиться. Я изучала библиотечное дело и много лет работала библиотекарем.

– Какая мать, такая и дочь, – заключает Дэниел. – Ну а потом?

– А потом мой брак распался – но это уже предмет другого расследования – и я приехала сюда, в Лондон, унаследовав мамин книжный магазин. Для меня это настоящая сокровищница. Мама даже организовала мне охоту за сокровищами с подсказками по всему Примроуз-Хилл, я их все еще нахожу.

– Она очень любила тебя, – говорит он. – По всему видно.

Я киваю.

– Я знаю, и все же… не знаю.

Он кивает и останавливается перед закрытым кафе, подняв глаза к небу.

– А звезды знают.

Я тоже смотрю вверх, любуясь небом над Лондоном.

– Мама часто говорила нам, что звезды с городскими огнями как будто ведут… сражение. Вечность против современности, как-то так. Ее всегда утешало то, что каким бы ни был технический прогресс и какими бы умными мы себя ни считали, звезды все равно сияют ярче. Они будут всегда.

– Ух ты, – говорит он. – Это… действительно красиво, тут есть о чем задуматься. Когда твои родители расстались?

– Когда мне было двенадцать. Развод – это ужасно, и, судя по всему, история повторяется. Моя скоро закончится.

Он внезапно останавливается и поворачивается ко мне с серьезным выражением лица.

– Мне очень жаль, Валентина. Это был… прекрасный вечер, и мне приятно познакомиться с тобой, но не думаю, что смогу встречаться с разведенной женщиной.

– О, – говорю я, отступая назад. – Да я…

Он смеется.

– Шучу, конечно. Меня совершенно не волнует, что ты разведена, вернее, почти разведена.

Я выдыхаю и игриво стукаю его по плечу.

– Знаешь, на миг я действительно поверила.

– Извини, не мог удержаться. Вообще-то я тоже разведен.

– Правда?

– Правда. Ее звали Эйприл, и нам обоим был двадцать один год. Оказалось, на самом деле она была влюблена в моего шафера.

– Быть того не может!

– Может, – продолжает он. – Конечно, тогда я впал в отчаяние. Как будто она проехала катком по моему сердцу. – Он становится серьезным, прижимает руку к груди и качает головой. – Думал, что не переживу, но знаешь, что забавно? На днях я понял, что не помню цвета ее глаз.

Я смеюсь.

– Зеленые? Голубые? – Он качает головой. – Может быть, карие? Я серьезно. Я понятия не имею, и мне, конечно, все равно. Но это напомнило мне, что человеческое сердце обладает невероятной способностью восстанавливаться. – Он медленным жестом берет мою руку, и я чувствую, как она покрывается мурашками до самого плеча. – И снова любить.

– Это мне нравится, – говорю я, улыбаясь. – Слушай, а знаешь, что самое забавное? Мы вообще не говорили о «Последней зиме».

Он останавливается перед фонарем и долго смотрит на меня. Свет отражается в его глазах и добавляет им блеска.

– У нас будет все время на свете, чтобы поговорить о прошлом. Может быть, даже вся жизнь, если повезет. Давай пока останемся в настоящем?

– Договорились, – говорю я, но не могу не спросить себя, не закончился ли роман Дэниела с книгами еще в колледже. Что, если он не такой ненасытный читатель, как, скажем, Эрик? Совместимы ли мы?

– Я бы хотел увидеться с тобой снова, Валентина, – говорит он, неотрывно глядя мне в глаза, и мои сомнения испаряются. – Что ты делаешь завтра вечером?

Я рассказываю ему о сборе средств для книжного магазина.

– Послушай, а почему бы тебе не прийти?

– С удовольствием, – быстро говорит он.

Так Дэниел Дэвенпорт сошел со страниц книги и ворвался в мою жизнь.

Глава 22

Элоиза

После ужина я поднялась, чтобы одеться, и заглянула в комнату Вэл, где застала ее, конечно же, за книжкой.

– Мамуля, зачем ты нарядилась? – спросила она, с беспокойством оглядывая меня. – Ты куда-то уходишь?

– Ненадолго в город, милая. Скоро вернусь.

Она улыбнулась и снова уткнулась в книгу. Я поцеловала ее в макушку.

Фрэнк сидел в гостиной, куда я зашла за ключами.

– Я ненадолго, – сказала я ему, когда он поднял на меня взгляд.

– И с чего, позволь спросить, ты нарядилась в пух и прах в четверг вечером?

– Решила прошвырнуться по кварталу искусств на Эббот Кинни, – небрежно ответила я. Если у него есть свой личный мир, почему бы мне не иметь свой?

Он с интересом посмотрел на меня.

– Квартал искусств?

За все время нашего супружества он никогда не замечал, куда я хожу и когда прихожу, но в последнее время это стало его интересовать. Может быть, даже слишком.

– Ряды галерей, где продают работы начинающих художников. Ты же сам говорил, что хотел бы заменить импрессионистскую картинку в гостиной чем-то более современным. Вот я и решила взглянуть.

– Верно, – сказал он. – Я знаю, ты любишь девятнадцатый век, но этот дом требует чего-то поновее. Может быть, в этот раз выберешь что-нибудь на мой вкус?

Вот еще, хотела ответить я, выберу, что хочу. Но тут на лестнице появилась Вэл.

– Мамуля, папочка, а давайте на мой следующий день рождения у нас будет торт в розовую и белую полоску! – объявила она. Я не могла сдержать улыбку: в этом вся моя дочь с ее брызжущим жизнелюбием. Ей совсем недавно исполнилось двенадцать, она задула свечи на торте

(украшенном засахаренными фиалками – ее идея) – и вот уже мечтает о следующем празднике.

– Думаю, звучит отлично, – ответила я.

Фрэнк молчал, пока мы с Вэл обсуждали достоинства глазури из помадки. В конце концов мы решили, что сливочный крем – лучший вариант. Я поцеловала ее, и она убежала обратно в свою комнату. Ей нужно было делать уроки, но я знала, что не меньше времени она потратит на размышления о списке гостей на следующий год и о торте.

В прихожей я надела свитер, мазнула губы розовой помадой и посмотрела на свое отражение в зеркале у двери.

– Какая ты сегодня красивая, – сказал Фрэнк, подойдя сзади, так что я даже вздрогнула.

– Спасибо, – сказала я, переводя дыхание. Его замечание походило скорее на обвинение, чем на комплимент.

– Все в порядке? – продолжал он. – Ты сегодня сама на себя не похожа.

– Забавно, – сказала я, взяв ключи от «вольво». – Наоборот, похожа на себя, как никогда.

В квартале искусств я долго бродила среди киосков, останавливаясь, если что-то привлекало мое внимание. Конечно, я была одна, как это часто бывало в Калифорнии, но впервые за долгое время не чувствовала себя *одинокой.*

Я остановилась, чтобы полюбоваться пейзажем, напомнившим мне английскую деревню, куда мама как-то возила меня в детстве, но думала все еще о Фрэнке: о его тревогах, его потребности держать под контролем внешнюю часть нашей жизни – и *меня*. Я вздохнула, двинулась дальше и снова остановилась, чтобы рассмотреть современную картину на стенде справа. Сценка сразу же нашла отклик в моем сердце: маслом на холсте была изображена маленькая девочка, прыгающая в бассейн, а на заднем плане современный дом, построенный в середине века. Картина совсем небольшая, но я знала, что Фрэнку она понравится, и, самое удивительное, она нравилась и мне.

Перекресток двух миров, двух сердец, подумала я, доставая из сумочки деньги, которые недавно раздобыла, продав несколько своих старых платьев из «Хэрродса» в комиссионном магазине. Я заплатила

художнику и сунула в сумку картину – подарок Фрэнку. Предложение мира.

Возвращаясь к машине, я услышала свое имя, которое эхом отдалось в темноте.

– Элоиза?

Обернувшись, я увидела в нескольких футах сзади себя мужчину. В темноте я не сразу узнала его, но уже миг спустя поняла, что к чему.

– Я Питер – сказал он, улыбаясь. – Мы познакомились на пляже. У вас были проблемы с парковкой. Помните?

Я помнила.

– Да, конечно. Привет… Питер.

– Как дела?

– Хорошо, спасибо, – сказала я и пошла вперед, обходя мужчину с тяжелым фотоаппаратом на плече. Питер последовал за мной.

– Папарацци собрались в полном составе, – сказал он. – Ходят слухи, что здесь Голди Хоун с дочерью.

– У меня, конечно, есть свои проблемы, – сказала я, улыбаясь, – но я рада, что жизнь на виду у всех к ним не относится.

– Знаю, – ответил он, догоняя меня. – Я бы тоже ни за что не променял свою свободу.

Свобода. Я задумалась об этих словах Питера, хотя согласиться могла лишь отчасти. Он жил жизнью, которую для себя выбрал; у меня же никогда не было американской мечты. Земля свободных, отчизна храбрых, говорят они здесь, но я не чувствовала себя ни свободной, ни храброй – просто… *невидимой*.

– А что вы делаете сегодня вечером? Может быть, я могу пригласить вас… на поздний ужин или выпивку?

Кажется, меня… *увидели*.

Польщенная, я остановилась, поудобнее перехватила сумку с картиной для Фрэнка и обдумала приглашение Питера. Сначала это показалось безобидным, даже забавным – немного выпить, немного поболтать, может быть, даже прогуляться до пляжа и скинуть обувь. Конечно, это означало бы пересечь черту, но как же мне хотелось знать, что там, за этой чертой, так долго отгораживавшей мой безопасный, удобный, но одинокий мирок!

Я чувствовала взгляд Питера, предлагавший мне сделать первый шаг, войти вместе с ним в новый мир свободы. Но как бы это ни

манило, я знала, что моим проводником станет не он. И вообще ни один мужчина.

– Извините, – сказала я. – Я бы с удовольствием, я бы рада, но, видите ли, я замужем. И я просто… не могу.

– О, – ответил он; понимание и разочарование в равной степени отражались на его лице. – Ну, если передумаете, позвоните, ладно?

– Конечно, – сказала я, помахав на прощание.

Нет, не передумаю. Сейчас сяду в машину, поеду домой, поцелую Валентину в сонную макушку и отправлюсь спать – одна.

Глава 23

Валентина

На следующий день

Наступил вечер сбора средств. Мы все ощущали радостное возбуждение, смешанное с паникой. Мы с Милли пришли в квартиру Лайзы, чтобы начать вечер с праздничного тоста.

– Как я выгляжу? – спрашивает Милли, встревоженно разглядывая свое отражение в зеркале.

– Великолепно, – говорю я, любуясь ее длинным вечерним платьем с черными блестками. – Фернандо будет сражен наповал. Кстати, когда он появится?

Она бросает взгляд на часы.

– Я встречаюсь с ним перед магазином через десять минут. Боже мой, нужно торопиться!

– Да не дергайся ты, – ворчит Лайза, нанося на веки Милли серо-коричневые тени. – А то будешь похожа на енота, ты этого добиваешься?

Через пару секунд она отступает, чтобы полюбоваться своим шедевром, удовлетворенно кивает и брызгает закрепляющим спреем.

Я рада, что она выбрала для Милли классическую, приглушенную палитру, а не раскрасила ее как барабанщицу девчачьей панк-рок-группы.

– Вот, – говорит она. – Шик-блеск.

Пока я открываю шампанское, Лайза надевает платье – короткое, синее, с фестонами на талии и россыпью павлиньих перьев на плече. Если кто-то и может позволить себе такое безумство в одежде, то это Лайза. Кроме того, платье подходит к ее волосам. Я улыбаюсь про себя, наливая нам по бокалу шампанского, пока она наносит на веки голубые блестки.

– За «Книжный сад», – говорю я, поднимая бокал. – Пусть живет и цветет.

– За лучших друзей, – говорит Милли.

– И за новые романы, – добавляет Лайза, подмигивая нам обеим. Мы чокаемся и берем сумочки.

Я бросаю на себя последний косой взгляд в зеркало. Собираясь в Лондон на неопределенный срок, я и не думала, что мне придется наряжаться, не говоря уже о том, чтобы пойти на второе свидание с мужчиной, сошедшим со страниц книги. К счастью, во время нашей первой экскурсии по Примроуз-Хилл Лайза показала мне небольшой бутик на нашей улице. Я не зря надеюсь, что мои коллеги – владельцы местного бизнеса поддержат «Книжный сад»: я ведь, в свою очередь, поддерживаю их. Перебрав несколько вариантов, я в конце концов остановилась на простом, но элегантном черном коктейльном платье с пояском на талии.

– Сюда нужно ожерелье, – говорит Лайза.

Я пожимаю плечами.

– Боюсь, на этом фронте у меня нет выбора.

– У твоей мамы была целая коллекция украшений, – говорит Милли. – Пойдем со мной.

Я следую за ней наверх: ясно, что она знает мамину квартиру как свои пять пальцев.

– Вот, – говорит она, указывая на огромную шкатулку с драгоценностями в спальне. Я заметила ее еще в день приезда, но почему-то так и не смогла себя заставить изучить содержимое.

Теперь я его вижу благодаря Милли. Я наблюдаю, как она открывает каждое отделение, тщательно осматривает каждую вещицу, пока наконец не находит нужное.

– Вот, – говорит она, застегивая у меня на шее массивное хрустальное ожерелье. – Платье чудесное, но нужно что-то необычное, чтобы оживить его.

Я дотрагиваюсь до ключицы и смотрюсь в зеркало. Мне бы в жизни не пришло в голову надеть что-то подобное, но Милли права: яркое цветовое пятно подчеркивает линию платья, так же как капелька лимонной цедры усиливает аромат блюда.

– А как тебе идет! – добавляет Лайза, стоя в дверях.

– Твоя мама его особенно любила, – объясняет Милли. – Одна из вещиц от Трифари 1930-х, которые она собирала на распродажах имущества в Калифорнии.

Я снова касаюсь ожерелья и тянусь за своим шампанским.

Милли тут же откашливается.

– Вэл, Лайза, – говорит она. – Подойдите поближе.

Она поднимает свой бокал.

– Нужно произнести еще один тост – самый главный. За Элоизу.

– За мамулю, – тихонько говорю я, вкладывая в эти слова чувства, которые сдерживала годами.

– Разве это не похоже на нее – все, кого она любила, становились еще красивее только от того, что ее знали?

Я улыбаюсь, обдумывая ее слова. Милли права, мама несла с собой красоту, но и страдания тоже. Однако сегодня я постараюсь забыть о последнем.

– Вот что, девочки, – говорю я Лайзе и Милли. – Неважно, что произойдет сегодня вечером, увенчаются наши усилия успехом или нет, давайте утешимся мыслью, что мы сделали все возможное.

Милли улыбается, снова поднимая бокал с шампанским.

– За Валентину, – говорит она. – За нашу бесстрашную предводительницу.

Я молю Бога, чтобы она не увидела страха в моих глазах. Мы отправляемся не просто на мероприятие, а в великую неизвестность.

До кафе «Флора» нужно пройти три квартала. Мы с Лайзой следуем за Милли и Фернандо. Он прибыл в книжный магазин точно в назначенное время, в свежевыглаженном костюме и с букетом роз пастельных тонов для Милли: та была так ошеломлена, что Лайзе пришлось подтолкнуть ее, чтобы она взяла букет из протянутых рук Фернандо. Она смогла только улыбнуться, и, о, что это была за улыбка! И теперь они вместе шли вперед – Милли трогательно возвышалась над ним.

В кафе «Флора» мы обнаруживаем – правда, без особого удивления, – что Джен с мужем поистине превзошли себя. На каждом столе не только великолепные срезанные цветы и скатерти, но и искусные книжные намеки, например, подставки в виде обложек классических книг, коктейльные меню в виде закладок. По стенам расставлены вещи, пожертвованные для негласного аукциона.

– Потрясающе, – говорю я Джен, когда джазовое трио в углу начинает разыгрываться. – Большое вам спасибо.

Вскоре начинают появляться гости; я вижу, как Милли приветствует нескольких наших постоянных клиентов, и тоже машу им.

– Когда приедет Дэниел? – спрашивает Лайза, взяв бокал с подноса у подоспевшего вовремя официанта.

– Пора бы ему, – говорю я, взглянув на часы на стене. Он уже опаздывает на пятнадцать минут. Я разочарована.

Однако проходит еще двадцать минут, все садятся за столы, но стул рядом со мной так и остается пустым.

– Он, наверное, просто застрял в пробке, – успокаивает меня Лайза.

Я киваю, проверяю телефон и вижу сообщение от Дэниела. «Вэл, извини. У нас производственный кризис, и я застрял на работе до ночи. Мне ужасно стыдно, и я молюсь, чтобы ты простила меня. Я заглажу вину перед тобой, обещаю».

– Не приедет, – со вздохом сообщаю я Лайзе и засовываю телефон в сумочку.

– То есть как не приедет? – Лайза приходит в ярость.

– Пишет, что какой-то аврал на работе.

– Фу, – говорит она и подзывает официанта, который протягивает мне еще один бокал шампанского. – Мне это совсем не нравится. Он вообще представляет, как важен для тебя этот вечер? Как будто он…

– Извините, дамы, у вас тут занято?

Мы обе поднимаем глаза и видим, что позади нас стоит Эрик. Я улыбаюсь.

– Нет, пользуйся на здоровье, – говорит Лиза. – Будешь парой Вэл. – Она встала. – Ее кавалер ее продинамил.

– О, – говорит Эрик, усаживаясь на стул и с беспокойством глядя на меня. – Мне очень жаль.

– Не продинамил, – поправляю я Лайзу. – У него просто… много работы.

Эрик кивает и берет бокал шампанского у ближайшего официанта.

– Да, веселого мало. Ну ему же хуже, а мне лучше, – улыбается он.

– Спасибо, что пришел, – говорю я. – Твоя поддержка очень много значит для нас.

– Я бы ни за что на свете не пропустил это. Жаль только, что Фиона не смогла. У нее клиент из Челси и последний срок сдачи заказа. Беда с этими трудоголиками.

Я смеюсь.

– Да, похоже, у нас с тобой общая беда.

– Нет, только посмотрите на это, – говорит он, оглядывая комнату. Я замечаю, что Милли наблюдает за нами из-за соседнего столика, но не смотрю ей в глаза. – Твоя мама гордилась бы тобой.

Гордилась бы? Я наблюдаю, как гости бродят по залу, делая ставки на лоты аукциона, и надеюсь, что этого будет достаточно.

– Странно, – говорю я, снова поворачиваясь к Эрику. – Когда я приехала в Лондон, я и не ожидала, что влюблюсь в Примроуз-Хилл. А сама взяла и влюбилась. – Я машу нашему мяснику Тому, проходящему мимо со своей женой Гретой.

– Трудно не влюбиться, – отвечает он, откладывая вилку для салата. – А все соседи точно так же влюбились в тебя.

Краска приливает к моим щекам, и мне почему-то уже не грустно из-за отсутствия Дэниела. Я чувствую себя легкой и свободной, даже счастливой, как шипучие пузырьки в моем бокале шампанского.

После ужина Эрик ведет нас смотреть аукцион, где делает щедрую выигрышную ставку на корзину вина, и еще одну – на коробку старых книг, первоизданий из маминой коллекции. С ними было трудно расстаться, но я знала, что их стоимость принесет большую пользу «Книжному саду». Теперь я рада, что они найдут новый дом на книжной полке Эрика. Он позаботится о них.

– Привет, – говорит Милли, подходя к нам. – У меня хорошее предчувствие, кажется, вечер удался.

– У меня тоже, – говорю я. Джен подходит к микрофону, чтобы что-то сказать перед тем, как официанты начнут разносить десерт – формочки с ванильным заварным кремом и малиной.

Мы с Эриком беседуем с гостями, и в какой-то момент я машинально тянусь, чтобы поправить его слегка съехавший набок галстук.

– Извини, – говорю я. – Не могла удержаться. Было немного криво.

Он ухмыляется.

– И ты позволила мне весь вечер разгуливать с перекошенным галстуком? А еще друг называется!

– Да, паршивый из меня друг, – со смехом говорю я.

– Шучу, – говорит он, становясь серьезным. – Ты на самом деле… самый лучший друг. – Прежде чем я успеваю ответить, он смотрит на часы. Вечеринка подходит к концу. – Ну, мне пора идти. Пойду попрощаюсь с хозяйкой.

Кажется, вечер пролетел в мгновение ока, и я машу Эрику, когда он выходит на улицу со своей корзинкой вина.

– Вэл, – говорит Джен, подходя, – мы только что получили очень щедрое пожертвование по телефону. Звонивший хотел передать тебе сообщение.

– Сообщение? Мне?

– Да, – говорит она, улыбаясь. – Тысяча фунтов от джентльмена по имени Дэниел, который просил меня передать тебе, как ему жаль, что он не смог сегодня прийти.

– Надо же, – говорю я с улыбкой. – Как… удивительно. – Такого великодушного жеста было достаточно, чтобы я немедленно простила его.

Милли, Лайза, Фернандо и я остались еще на час, чтобы помочь персоналу Джен убраться. Вдруг я заметила, что коробка со старыми книгами, на которую сделал ставку Эрик, так и стоит на столе.

– О черт, – говорю я Лайзе. – Он ее забыл.

Она улыбается.

– Ничего подобного.

– То есть как это? – Я бросаю взгляд на аукционную карточку рядом с коробкой. – Видишь, он сделал выигрышную ставку.

– Он купил их для тебя, дурочка, – отвечает она, и тут я замечаю прилепленную к краю записку с моим именем.

Вэл, если кто-то и заслуживает право обладать этими сокровищами, так это ты. Приятного чтения.

Твой друг

Эрик

Я наклоняюсь, собирая с пола упавшие программки. Ко мне подходит Милли.

– Ну, что скажешь?

– По-моему, все прошло отлично, – говорю я, улыбаясь. – Фернандо доволен?

Милли задумчиво кивает.

– Он только что ушел.

– А как у тебя прошло *с ним*?

Она расплывается в улыбке, которую не может сдержать.

– Хорошо. Нет, *изумительно*.

– О, Милли. Я так рада за тебя.

– Сама-то ты счастлива, дорогая? – спрашивает она, и ее мудрые глаза смотрят мне прямо в сердце.

Я с трудом сглатываю.

– Да, – говорю я. – Это был просто… необыкновенно важный вечер. Но у меня сейчас столько разных эмоций…

– Знаю, – говорит она. – Пойдем, я провожу тебя домой.

По дороге, у нас, естественно, заходит разговор о маме, и я ловлю себя на том, что вспоминаю первые недели и месяцы после ее отъезда в Лондон.

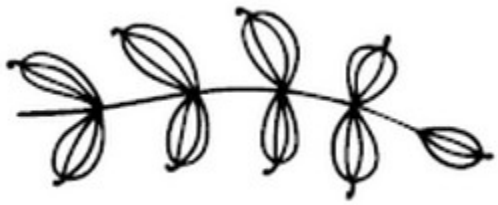
– Целый год я писала ей каждый день. Целый год, Милли. И потом писала реже, но все равно часто. – Я замолкаю, качая головой, на глаза наворачиваются слезы. – Она так и не ответила – ни разу. Сначала я говорила себе, что отправляю письма не по тому адресу. Или что мама занята, и когда я наконец получу от нее письмо, оно будет длинным, как роман. – Я вглядываюсь в Милли, как в карту сокровищ, ища любую подсказку. – Но так и не получила.

Она смотрит на меня разинув рот и качает головой.

– Что такое?

– Вэл, на самом деле она писала тебе, – говорит Милли. – Каждый день. – Ее слова обжигают. – Каждый божий день. Каждое утро она заходила на почту – это был ритуал. Валентина, твоя мама всегда писала тебе. Всегда.

– Но, Милли… – говорю я дрожащим голосом. – я… не получила ни одного письма.



Глава 24

Элоиза

Тем же вечером

Я остановила машину на подъездной дорожке, взяла сумки и двинулась по знакомой тропинке к входной двери. Цикады стрекотали в теплой ночи, напевая колыбельные моей семье, спящей в доме.

Я поднялась наверх и на цыпочках вошла в спальню Вэл. Ушастый плюшевый кролик, с которым она спала с рождения, выпал у нее из рук. Я наклонилась, чтобы поднять его, положила рядом и нежно поцеловала ее в щеку. Она выглядела совсем ребенком, когда спала, хотя в ней уже пробуждалась женственность.

Я решила, что пришло время рассказать ей историю любви. Мою историю любви.

Вэл заворочалась в постели.

– Мамуля? Это ты?

– Да, моя дорогая. Мама здесь. Не просыпайся. Я посижу с тобой, а ты спи.

– Расскажи мне что-нибудь, – сонно пробормотала она, – о Лондоне.

Я закрыла глаза.

– Хорошо. Давай отправимся в прошлое, в 1968 год.

– Давай, – сказала Вэл, проснувшись только наполовину.

– Это был год, когда я встретила свою любовь. – Я сделала паузу. – Год, когда я встретила твоего отца.

Вэл, успокоившись, плотнее завернулась в одеяло.

Я набралась смелости и продолжила.

– Когда-то в Лондоне было одно прекрасное место, – сказала я. – Таких, как я, туда никогда не приглашали. Но меня однажды пригласили.

Я не стала рассказывать о своей вечно болезненной неуверенности, о чувстве, что я никогда нигде не стану своей – разве что на страницах книг. Эту часть истории я пропустила.

– Там все были нарядно одеты. Посуда на столах была из настоящего серебра и фарфора. В меню только самые вкусные блюда.

– Это настоящее место, мамуля? – спросила Вэл. – Звучит слишком красиво, как в сказке.

– Оно и вправду походило на сон, – сказала я. – Сон, ставший явью.

Тут я ушла в себя, мои мысли закрутились таким водоворотом, что я уже не могла разделить истории двух мужчин, с которыми встретилась в тот роковой вечер. Фрэнк и… Эдвард.

В тот вечер, когда я встретила его…
Он сразу понял меня.
Он заканчивал за меня фразы.
Он был добр.
Он смотрел на меня так, будто ждал меня всю жизнь.
А потом он исчез.
А потом он увез меня.

– На этом моя история заканчивается, Вэл. И начинается твоя. Он навсегда изменил мою жизнь. Он привел меня к тебе.

Глава 25

Валентина

Двумя днями позже

Мы с Милли и Лайзой усердно работаем в «Книжном саду», пытаясь отвлечься от мыслей о результатах сбора средств, которые еще не поступили.

– Нет вестей от Дэниела? – спрашивает Лайза.

Хотя меня, безусловно, разочаровало его отсутствие на мероприятии, он компенсировал это своим щедрым и неожиданным пожертвованием. Но прошло уже два дня, а он так и не отреагировал на мое благодарственное сообщение. Об этом я и говорю Лайзе.

– Он, наверное, просто занят, – вмешивается Милли.

Лайза качает головой.

– Нет, думаю, он просто соблюдает правила игры.

– Игры?

Она кивает.

– Да, он не хочет казаться слишком нетерпеливым. Всем известно, что после первого свидания нужно выждать три дня, прежде чем позвонить или написать СМС. После второго ждешь два дня, а после третьего – один. Таковы правила.

Я качаю головой.

– Ну и правила! А что же происходит после четвертого свидания?

– О, вот тогда можешь свободно звонить и писать – но не слишком свободно: нужно подождать до конца *третьего месяца*.

Я закрываю лицо руками.

– Слишком сложно для меня. Сдаюсь.

– Ничего, ничего, – говорит Милли. – Все образуется само собой.

Я ухмыляюсь.

– Тебе легко говорить. Вы с Фернандо звоните друг другу каждые пять минут! И не соблюдаете никаких правил.

– Ну, – возражает Лайза, наш постоянный консультант по любовным делам, в данный момент, следует добавить, не состоящий в каких-либо любовных отношениях. – Если засчитать всю историю их

флирта до первого свидания, то правила к ним не относятся. Они уже переросли все это. А вот тебе еще работать и работать.

– Нет, для меня это слишком, – говорю я, ради драматического эффекта хватаясь за голову. Милли тем временем отвечает на звонок. Естественно, Фернандо.

– От этой парочки, – говорит Лайза со вздохом, – уже немного тошно. Но, черт возьми, они такие милые, когда вместе.

– Так и есть. – Я со вздохом смотрю на собственный телефон.

– Есть какие-нибудь новости от Джен? – спрашивает Лайза.

– Пока еще жду. – Джен обещала позвонить сегодня или завтра и назвать общую собранную сумму: для некоторых операций по кредитным картам и чекам требовалось несколько дней. Чтобы дело выгорело, нам нужно не менее 250 тысяч фунтов. Я знаю, что цель грандиозная, а вероятность успеха невелика, но мы договорились сохранять оптимизм – это все, что мы можем сделать.

Мой телефон звонит, и я вздрагиваю, но это не Дэниел и не Джен. Неизвестный номер. Я решаю ответить.

– Вэл? О боже, я так рад, что ты взяла трубку.

Ник. Я тут же жалею, что ответила. Его голос звучит по-новому: знакомый, но чужой, как будто это бывший одноклассник или кто-то из прошлой жизни. – Я звоню с телефона приятеля, потому что… ты не брала трубку. Я пытался дозвониться до тебя, и…

– Знаешь, Ник, – говорю я со вздохом, – я действительно не уверена, что хочу с тобой разговаривать.

– Послушай, – говорит он, – я просто… хотел сказать тебе, как мне жаль. Я натворил дел. И теперь страшно об этом жалею.

– Насколько я понимаю, ты расстался с этой как-ее-там?

– Расстался, – спокойно отвечает он. – Вэл, я сам не знаю, о чем думал. У нас с тобой было все идеально, а я… взял и все испортил. И я просто… хотел сказать, что сожалею обо всем.

Я не знаю, что ответить, поэтому молча слушаю его слова, позволяя им отложиться в моем разуме и сердце.

– Не вешай трубку – говорит Ник.

Я слышу шум на заднем плане.

– Ты где? – спрашиваю я.

– На кухне. Готовлю, по крайней мере, пытаюсь.

– Ник, ты *не умеешь* готовить.

– Не умею, – соглашается он. – Вернее, не умел, а теперь учусь по необходимости. Я… скучаю по твоей стряпне. Скучаю по твоим книгам, разбросанным по всему дому. Вэл, я скучаю… по тебе.

Все это было приятно слушать, и в глубине души я все еще жаждала услышать эти слова. Долгое время я только об этом и мечтала: представляла, как Ник умоляет о прощении, уговаривает начать все с начала. Но с тех пор столько изменилось. Изменилась я сама. Пусть даже он просит прощения – и даже научился готовить, – Ник перестал быть для меня солнцем, луной и звездами. На самом деле я открыла для себя совершенно новую вселенную.

– Скажи что-нибудь, Вэл, – нервно говорит он. – Поговори со мной. Скажи, что скучаешь так же сильно, как я по тебе. Скажи, что простишь меня. Я приеду в Лондон. Мы можем начать все сначала. Пожалуйста, детка, я сделаю все, что угодно.

И вот тут я все поняла. Я не хочу, чтобы он приезжал в Лондон. Я хочу, чтобы ноги его не было в Лондоне.

Я делаю глубокий вдох и после долгой паузы отвечаю.

– Ник, – говорю я. – Спасибо, что позвонил и сказал… то, что сказал, сделал то, что сделал. Понимаешь, я действительно скучала по тебе. И даже очень долго. Но я наконец-то исцелилась. Я нашла свой путь.

Лайза и Милли слушают с широко раскрытыми глазами.

– Но я скажу тебе, чего мне действительно не хватает, – продолжаю я. – Я скучаю… по мечте о нас с тобой. Скучаю по девушке в белом платье, которая несла букет бледно-розовых роз и жаждала полноценной жизни – семьи, любви, счастья. Я скучаю по тому, чтобы смотреть в глаза своему мужу и доверять ему. Я скучаю… по тому, что могло бы быть, но теперь никогда не будет. – Я тяжело сглатываю. – Но знаешь, по чему я совсем не скучаю? По одиночеству. Потому что, Ник, в нашем браке я чувствовала себя такой одинокой.

– Вэл, я… мне так жаль. Хотел бы я сказать что-нибудь, чтобы…

– Не надо, – говорю я. – Все в порядке. Хочу, чтобы ты знал: я простила тебя. И всегда буду желать тебе самого лучшего. Прощай, Ник. – Я заканчиваю разговор, прежде чем он успевает сказать что-нибудь еще.

– Черт возьми, подруга, – говорит Лайза, хлопая в ладоши. – Это было нечто.

– Ты блестяще справилась, – вторит Милли.

Я вытираю слезу – последнюю, которую я пролью из-за него. «Все кончено. Теперь все действительно кончено».

Мы замолкаем, заметив двоих мужчин, громко переговаривающихся на улице. Один широким жестом указывает на здание, а другой достает из кармана рулетку и прикладывает к витрине по всей длине.

– Это еще кто? – с подозрением спрашивает Лайза, подходя к окну.

Мгновение спустя мужчины входят в магазин.

– Размер необычный, – говорит один другому. – Но все получится.

– Смотри, – говорит другой, указывая вперед. – Немного сужается сзади, как архитектор и говорил. Мы сможем с этим работать?

– Потребует некоторой творческой выдумки, – говорит другой. – Но почему бы и нет? Цена подходящая. – Оба хором смеются.

– Прошу прощения, джентльмены, – говорит Милли, делая шаг вперед, как медведица-мать, защищающая потомство. – Вам помочь?

– И вам добрый день, – говорит тот, что повыше. – А вы кто?

– Это я должна спрашивать, кто вы.

Тот, что пониже ростом, лезет в карман и достает смятую визитную карточку.

– «Байер Констракшн», генеральный менеджер. Не хотел бы поднимать больную тему, но после того, как имущество будет конфисковано за неуплату налога, мы станем новыми владельцами. – Тяжелым ботинком он ударяет по краю книжного шкафа. – Посмотрика на это. Массив красного дерева. Таких больше не делают. – Он поворачивается к другому мужчине. – Может быть, оставим это себе? И продадим?

– Так, с меня хватит, – говорит Милли. – Не знаю, кем вы себя возомнили и что тут делаете, но, джентльмены, если вы пришли не за книгой, попрошу вас очистить помещение.

Мужчина повыше ухмыляется, расправляя плечи.

– Смотри-ка, библиотечная бабуля кусается.

– Еще бы, – говорю я, вступая в бой. – Я владелица этого здания, и на данный момент не знаю никаких причин – будь то конфискация или что-то еще, – по которым вы имели бы право слоняться в нашем магазине. Напоминаю вам, что это частная собственность, и если вы не

уйдете немедленно, я буду вынуждена позвонить властям и пожаловаться на незаконное проникновение.

Колокольчики на двери звенят, и появляется Фернандо. Он мигом оценивает ситуацию. Его глаза лазером впиваются в этих двух типов.

– Господа, – продолжаю я, – вам показать, где дверь?

– Вы, наверное, глуховаты, – добавляет Фернандо, когда мужчины не двигаются с места. – Леди попросила вас уйти. – Он подходит ближе, громко хрустя костяшками пальцев, и мне хочется броситься ему на шею.

Мы молча наблюдаем, как они неторопливо выходят, и издаем дружный вздох облегчения.

Милли бросается к Фернандо и целует его в щеку. Перси, громко мяукая, стоит на страже у окна.

– Это правда? – шепчет Лайза. – Что на здание будет наложен налоговый арест и оно перейдет им?

Я качаю головой, Милли и Фернандо оглядываются на нас.

– Нет, – говорю я с железной уверенностью. – Мы будем продолжать продавать книги до последнего момента.

– Алло, – говорю я, отвечая на звонок хрипловатым, неделовым голосом. На часах 9:13 вечера.

Я только что загрузила посудомоечную машину, на мне спортивные штаны, и сейчас я заберусь в постель с книгой.

– Вэл? Привет, это Дэниел.

– О, привет, Дэниел, – говорю я беззаботным тоном, хотя мое сердце бьется так быстро, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди. Я вспоминаю «правила» Лайзы и замолкаю.

– Мм… сейчас, минутку. У меня тут была небольшая вечеринка, и я… Я прощаюсь с… гостями. – Я машу рукой воображаемым гостям и плюхаюсь на диван.

– Как твои дела? – спрашивает он.

– Отлично, отлично, – говорю я. – Превосходно.

– Я рад, – говорит он. – Слушай, прости, что я не позвонил. Произошла самая дикая вещь.

– Да? Что же?

– На следующий день после вашего мероприятия я забыл телефон в такси. Поиски затянулись, и я не мог ни с кем связаться, пока не

получил его обратно сегодня вечером. Пришлось отслеживать водителя, а тот уехал в Ирландию, но теперь все хорошо. – Он глубоко выдыхает. – Так или иначе хочу извиниться за тот вечер лично.

– Да все нормально, – быстро говорю я. – Я все отлично понимаю. Жаль, что так вышло с телефоном.

– Я имею в виду «лично» в буквальном смысле. Я здесь.

Я выпрямляюсь, меня мгновенно охватывает паника.

– Что значит «здесь»?

– Стою перед твоим книжным магазином, по крайней мере, думаю, что перед твоим. «Книжный сад», верно? Ты же говорила, что живешь прямо над ним.

Я осторожно поднимаю голову с дивана и выглядываю в окно: да, он стоит на тротуаре с букетом в руке. Я немедленно пригибаюсь.

– Э-э, да-да, правда.

– Говоришь, у тебя вечеринка?

– Мм… – тяну я. – Ну да, была, но гости… уже ушли – через боковой переулок.

– Жаль, – говорит он. – Был бы рад познакомиться с ними… – Он замолкает. – Слушай, сейчас, наверное, поздно, но я подумал… Могу я зайти поздороваться?

– О, – говорю я, и с бешено колотящимся сердцем тут же начинаю наводить порядок в квартире. Запихиваю стопку нестираного белья в шкаф и бросаю в мусорное ведро бутылку из-под вина. – Прямо сейчас?

– Ну да, – говорит он. – То есть, если ты считаешь, что поздно, я могу… прийти в другой раз. Я же понимаю, что застал тебя врасплох.

– Нет-нет, – быстро говорю я, – все в порядке. Заходи. Боковая дверь. Код – 7893. Третий этаж.

Что, я черт возьми, натворила? Дэниел сейчас придет? Черт возьми, на мне же домашняя одежда. Я бегу в спальню и переодеваюсь в узкие джинсы и свитер с открытыми плечами. Слышу стук в дверь, и мое сердце замирает. Сделав глубокий вдох, я открываю, и вот он уже стоит в коридоре.

– Привет, – говорит Дэниел с некоторым удивлением.

– Привет, – говорю я, небрежно прислоняясь к дверному косяку. Он с широкой улыбкой протягивает мне букет.

– Спасибо, – говорю я. – Прекрасные цветы.

– Скажи, – говорит он, недоверчиво глядя на меня, пока я роюсь в кухонных шкафчиках в поисках вазы. – Ты всегда принимаешь гостей с грязевой маской на лице?

Я прикасаюсь к лицу и охаю, нащупав угольно-черную массу, которой намазалась полчаса назад.

– О господи. Я и забыла, что это на мне!

Он ухмыляется.

– А тебе идет. В этом есть что-то… рептильное.

– О черт, – в ужасе говорю я и ретируюсь в ванную. – Сейчас же пойду… умоюсь.

Я отдраиваю лицо, подкрашиваю губы и оцениваю свое отражение в зеркале. Вид не ахти – далеко не лучшее, на что я способна, – но хорошо, что освещение в гостиной неяркое.

– Выпьешь что-нибудь? – спрашиваю я.

Он бросает взгляд на бокал с остатками красного вина на кофейном столике.

– Я буду то же, что и ты.

Я открываю новую бутылку, наливаю ему бокал и сажусь рядом с ним на диван. Нервно ерзая, я жду, что он возобновит разговор в стиле журналистского расследования, как при нашей первой встрече. Но сегодня все как-то по-другому. Мы перескакиваем с темы на тему: его любимые районы Лондона, мое отношение к королевской семье, старый друг его матери, который в данный момент сидит в тюрьме, рождественские елки, жизнь и смерть, Калифорния.

Кажется, он тоже немного нервничает.

И вдруг я чувствую его руку на своей руке.

– Послушай, – говорит он. – А можно я просто поцелую тебя, и все тут?

Я смеюсь, не зная, что ответить. Применимы ли правила Лайзы к подобным случаям?

– Может быть, я нарушаю все правила, – говорит он, и я улыбаюсь, – но, черт возьми, Валентина, я хочу поцеловать тебя. Это… – он замолкает, медленно наклоняясь ко мне, – нормально?

Я тоже хочу, чтобы он меня поцеловал.

– Да, – шепчу я.

Я закрываю глаза, когда губы Дэниела встречаются с моими, и на мгновение мне кажется, что я парю над землей. За пятнадцать лет я

целовалась только с одним мужчиной – ясное дело, с Ником, – но это что-то совсем другое и новое.

Дэниел улыбается, обхватывает мое лицо ладонями и нежно целует меня в лоб.

– Мы должны делать это почаще.

– Должны? – говорю я в некотором изумлении. – То есть, ну да, конечно должны.

– Что ты делаешь завтра вечером?

– Ничего, – быстро отвечаю я.

– Отлично, – говорит он. – Тогда приглашаю тебя на ужин в клуб.

– В клуб?

– В КАК, – говорит он и замолкает, видя, что я ничего не поняла. – Королевский автомобильный клуб. Моя родня состоит в нем целую вечность. Скучная лондонская окаменелость, но если любишь древности, может показаться довольно забавным. Несколько лет назад там снимали эпизод «Аббатства Даунтон». Так или иначе завтра в семь я ужинаю там с приятелем и его девушкой и предлагаю тебе присоединиться.

– Двойное свидание?

– Ну да, – говорит он. – Так что скажешь?

– Согласна, конечно. Буду ждать с нетерпением.

– Вот и отлично. – Он целует меня в последний раз и направляется к двери. – Сладких снов, Валентина.

Глава 26

Элоиза

На следующий день

Свет утреннего солнца просочился в окна моей спальни. Я села в постели и зевнула. Мгновение спустя в комнату ворвалась Вэл и прыгнула прямо на кровать вместе с розовым рюкзаком, пристегнутым к плечам. «Доброе утро, мамуля!» – закричала она, ткнувшись в меня носом. Я взглянула на будильник на тумбочке: скоро Бонни отвезет ее в школу.

– Не забудь цветы, – сказала я, – на день рождения учительницы. Я оставила их на столе для завтрака.

– Хорошо, мамуля, – сказала она, крепко обнимая меня. Скоро ее детство закончится, и она превратится в юную женщину. Как бы мне ни хотелось узнать, какой она станет в годы взросления, я страстно желала сохранить ее для себя такой, какая она есть – моя обожаемая малышка.

– Поторопись, а то опоздаешь!

Она выскочила за дверь, а я вздохнула и встала. Я оделась, зачесала волосы назад и взяла картину, которую купила накануне вечером для Фрэнка. Я собиралась повесить ее у входа – будет для него сюрприз, когда он вернется с работы.

– Доброе утро, – сказал он, когда я спустилась по лестнице. Я вздрогнула от неожиданности.

– Фрэнк, – сказала я, застигнутая врасплох. – Я думала, ты уже ушел в офис.

– Я освободил себе утро, – сказал он и сел на диван, скрестив руки на груди. – Элоиза, нам нужно поговорить.

– Хорошо, – радостно сказала я; мне не терпелось показать ему картину. – Но сначала сюрприз. – Я села рядом с ним и положила картину на кофейный столик, чтобы он мог ее рассмотреть. Но он лишь бегло взглянул на нее и уставился прямо перед собой.

– Недавно я сдала в комиссионный несколько своих старых платьев, – продолжала я. – И купила это вчера в квартале искусств –

для тебя. Она немного напомнила мне Вэл и наш дом. Видишь, как похоже? Тебе нравится? Думаю, можно повесить ее вон там, у…

– Элоиза, – сказал он, – где именно ты была прошлой ночью?

– Как, Фрэнк, ты же знаешь – в квартале искусств. Я же тебе говорила.

Его лицо закрывала тень, и я не могла разглядеть выражения.

– Может, расскажешь мне, чем ты занималась на самом деле?

– Фрэнк, черт возьми, ты о чем?

Он протянул мне конверт из плотной бумаги.

– Загляни внутрь.

Ошеломленная, я вытащила стопку фотографий. На верхней крупным планом были сняты Питер и я, как мы разговаривали вчера вечером на тротуаре. Я отвернулась, но Фрэнк схватил меня за подбородок, заставляя смотреть.

– Посмотри, – потребовал он.

Я послушалась и стала смотреть другие фотографии – некоторые сделаны несколько месяцев назад – на которых я входила или выходила из домов в районах, где посещала распродажи имущества.

– Фрэнк, это смешно, – наконец сказала я с бешено колотящимся сердцем. – Ты шпионил за мной, когда я ходила за покупками?

– У меня только один вопрос, Элоиза, – сказал он, осуждающе глядя на меня. – Неужели ты думала, что сможешь меня одурачить? Что я ничего не узнаю?

– Фрэнк, – воскликнула я. – Ты сошел с ума.

– Это я сошел с ума? – Он рассмеялся. – Может быть, это я брожу по вечернему городу и завожу романтические знакомства?

– Романтические знакомства? – Я покачала головой. – Я была в квартале искусств, Фрэнк.

Фрэнк взял из стопки фотографию Питера.

– Экспонат А.

– Да он никто, – воскликнула я. – Мы даже толком не знакомы!

Он ухмыльнулся и бросил мне на колени клочок бумаги.

– Тогда почему я нашел это в твоей сумочке?

Я ахнула, увидев записку, которую Питер оставил на моем лобовом стекле в тот день, когда мы гуляли на пляже с Вэл.

– Ты рылся в моей сумочке?

– Говори, что хочешь, но у меня есть факты; частный детектив все подтвердил. Мужчина на фотографиях – тот же самый, что написал записку, которую ты хранила в сумочке. У меня есть все доказательства.

– Вранье твои «доказательства», – возмутилась я. – На фотографиях ничего не видно, потому что там не на что смотреть! Фрэнк, ради всего святого, зачем ты это делаешь?

– Сейчас вопросы задаю я, Элоиза.

– Значит, ты меня допрашиваешь?

– Я излагаю правду.

– Ничего подобного, – сказала я. – Ты излагаешь свои домыслы, как всегда. Вчера вечером я не делала ровно ничего плохого. А другие фото, которые снял твой гений сыска, были сделаны на распродажах. Ты же знаешь, что это мое хобби!

Я чувствовала себя загнанной в угол, у меня не оставалось выбора, но Фрэнка это не смутило. Теперь он контролировал ситуацию, и что бы я ни говорила, это ничего не меняло.

– Видишь, у тебя дрожит подбородок, – сказал он. – Значит, ты напугана.

Он был прав. Я была напугана – тем, к чему приведет это расследование. Фрэнк слетел с катушек, его понесло в сторону, и я изо всех сил пыталась вернуть его на прямой путь.

– Объявления в газетах подтвердят даты и адреса каждой из этих распродаж, – сказал я. – Скажи своему сыщику, чтобы пошел и сравнил их. Это докажет, что я говорю правду.

– У меня есть фотография, на которой ты стоишь рядом с мужчиной в темноте, – возразил он. – Это все доказательства, которые мне нужны.

– Фрэнк! – крикнула я – Прекрати эту глупость!

– Элоиза, единственная глупость, о которой можно говорить, – это то, что ты ставишь собственные эгоистичные устремления выше своей семьи.

Пошло-поехало: опять он выдумывает собственную версию, ту, в которую хочет верить. Мои слова не имели веса, но я все равно пыталась защищаться.

– Ты же знаешь, что семья значит для меня все!

Он явно меня не слышал.

– Элоиза, предлагаю тебе начать собирать вещи. Одному Господу известно, что ты там накопила в своих закромах.

Я подумала обо всех своих тщательно собранных сокровищах – от любимых первоизданий до антикварных ваз и украшений. Как я все это соберу и куда, по его мнению, пойду?

– Я никуда не уйду, Фрэнк.

– Давай не будем создавать лишних сложностей, – сказал он, и его лицо на мгновение смягчилось. – Послушай, я знаю, что это очень тяжело для нас обоих. Нам обоим не помешало бы немного личного пространства. – Он протянул мне конверт, набитый деньгами. – Можешь съездить в Лондон, ты же все время об этом говорила, – поехать домой, некоторое время погостить у своей Милли. Со временем мы во всем разберемся.

Я вглядывалась в его усталое лицо в поисках хоть малейших признаков человека, которого встретила в Лондоне много лет назад. Молодость давно прошла, но я не могла бы точно вспомнить, когда он изменился, изменился по-настоящему. Наша хрупкая близость давно увяла, как зеленые ростки ранних весенних нарциссов.

– Пожалуйста, иди и собирайся. Когда будешь готова, я вызову тебе такси.

Я не знала, что мне сказать или сделать. Но у меня оставался только один выбор – поступить так, как сказал Фрэнк. Это я чуяла нутром. Муж, возможно, и стал мне чужим, но я знала его, и знала хорошо. Если он принял решение, оно окончательное.

Я поднималась по ступенькам, волоча ноги, как будто они из кирпича. Добравшись наконец до спальни, я осмотрела шкаф, не зная, с чего начать. И забавно, и грустно: я приехала в Санта-Монику с двумя чемоданами и с ними же уезжаю.

Я распихала ряды платьев, которые надевала на десятки до боли унылых коктейльных вечеринок, и стала просматривать книги, выбирая самые необходимые, в том числе, конечно же, «Последнюю зиму». Я взяла шкатулку с драгоценностями и маленькую картину с изображением французской деревни – я ее обожала, а Фрэнк терпеть не мог. Жаль, конечно, расставаться с другими книгами и драгоценными находками, но у меня не было выбора. Я вернусь, говорила я себе. Это всего лишь… перерыв. Фрэнк одумается. Он всегда со временем приходил в себя.

Я провела рукой по покрывалу на кровати и оглядела шкафчики в ванной, выбирая предметы первой необходимости и оставляя прочее, в том числе запасной флакон духов. Я в последний раз побрызгала себе шею и поставила флакон обратно – чтобы его нашла Валентина.

Мое сердце чуть не разорвалось, когда я представила, как она вернется домой из школы и обнаружит, что мамы нет. Я позвоню ей позднее и объясню, что решила отправиться в небольшое путешествие и что не успеет она оглянуться, как я вернусь.

Я застегнула «молнии» и стащила вниз два больших чемодана, из-за книг почти неподъемных. Фрэнк вызвал такси, и несколько минут мы сидели молча, пока я наконец не обрела дар речи.

– Послушай, Фрэнк, давай хоть минутку поговорим разумно, – взмолилась я. – В этом нет никакого смысла. Я не могу просто так бросить дочь. Фрэнк, я…

– Элоиза, мне больше нечего сказать. Нам обоим нужно время.

Его холодный взгляд немного смягчился, но я не могла понять смысла его слов. Что за «время» нам нужно?

– Ты была моей английской розой, была для меня всем, – продолжал он. – Но я должен был понимать, что цветок не может расти на чужой земле. Твое сердце в Лондоне, и там твое место. – Он вытер слезу.

– Фрэнк, – воскликнула я. – Мое место здесь – с тобой и Вэл!

Он протянул мне еще один конверт.

– Что это такое?

– Билет на самолет до Лондона. Твой рейс в час дня.

Потрясенная, я покачала головой.

– Фрэнк, что ты делаешь?

– Езжай домой. Не торопись. Мы с этим разберемся.

Раздался звонок в дверь, и я похолодела.

– Такси приехало, – сказал он, спокойно направляясь к двери.

– Фрэнк…

Он отвел взгляд.

– Пожалуйста, Элоиза. Езжай. Ты же всегда так этого хотела. Мы оба это знаем.

Мне хотелось кричать, умолять Фрэнка – что угодно, только бы не садиться в это такси, но все было бесполезно. В оцепенении я вышла на улицу, где стоял водитель, прислонившись к желтому такси. Он

выбросил сигарету на тротуар, небрежно затушив ее ногой: подумаешь, привычное дело, очередная семья развалилась.

Фрэнк наблюдал с тротуара, как водитель погрузил мои чемоданы в багажник, потом поднялся по дорожке к дому и исчез внутри.

Вэл не могла меня слышать, но я прошептала «прощай». Я твердила себе, что вернусь. Конечно, я вернусь, только бы она поняла… когда-нибудь. «Я буду писать тебе каждый день, милая, пока не вернусь домой».

У меня закружилась голова. Водитель завел двигатель и оглянулся на меня.

– Куда, мисс?

Фрэнк наконец-то предложил мне свободу, но какой ценой? Оставить любовь всей моей жизни – Вэл – в Калифорнии, пока мы с ее отцом не уладим отношения? А если этого вообще не случится? Каково ей будет тогда? В этом-то и трагедия, может быть, даже всей моей жизни. Всегда, получая одно, я теряла другое.

Такси бесцельно катило вперед. Я вытерла слезу и глубоко вздохнула. Много лет назад я оставила частицу сердца в Лондоне, а теперь оставляю еще одну частицу здесь, в Америке. А что после этого останется у меня? Пора вернуть себе какую-то часть себя самой. Да, я уеду, как настоял Фрэнк, но вернусь – за Вэл.

– Мисс, – снова спросил водитель, на этот раз нетерпеливо. – Куда едем?

– В аэропорт, – наконец сказала я, успокаиваясь. – Я… еду домой.

Глава 27

Валентина

На следующий день

– Доброе утро, – весело говорю я Милли и Лайзе, подхватываю на руки Перси и целую в мохнатую башку.

– У кого-то хорошее настроение, – говорит Лайза, отрываясь от работы: она составляет композицию из роз для клиента, который заказал букет и книгу Джейн Остин для заболевшей подруги: идеальное сочетание.

Я улыбаюсь, рассматривая ее букет. Хотя Лайза не профессионал, у нее врожденный талант к флористике.

– Вчера вечером приходил Дэниел.

Она тянется за очередной розой.

– И как?

– И мне… понравилось.

– У-у, как я рада за тебя. Правда, Вэл. – Она морщит нос, оглядывая свое творение. – А я даже рассказывать не буду, какое у меня вчера было кошмарное свидание.

– Очень жаль, я…

– Да ладно, – говорит Лайза, пожимая плечами. – Так уж мне на роду написано. – Она снова переключается на вазу с розами, добавляя к нам веточку эвкалипта. – Может, где-то и есть настоящая любовь, но она не для меня.

– Будь здесь моя мама, она бы посоветовала тебе не ныть и воспрянуть духом. Не вешай носа, Чарли.

Лайза вздыхает.

– Она верила в настоящую любовь, пусть даже у них с папой ее не было. Даже в детстве я чувствовала, что ее сердце тоскует о ком-то или о чем-то, – реальном или воображаемом. Как будто она… не знаю… вроде как грезила наяву, если в этом есть какой-то смысл. И я всегда спрашивала себя…

– Его звали Эдвард, – кашлянув, говорит Милли из-за прилавка.

Мы с Лайзой удивленно оборачиваемся.

– Человек, которого любила твоя мама. Она по уши влюбилась в него с первого взгляда.

Хотя я всегда знала, что брак моих родителей не походил на любовный роман, в глубине души я надеялась, что ошибаюсь, что, возможно, они по-настоящему любили друг друга, хотя и были очень разными. Как ни странно, вера в то, что я произошла от союза двух любящих людей, давала мне какое-то утешение, даже опору. Но сейчас мне правда нужнее, чем иллюзорный душевный покой, поэтому я слушаю с комком в горле, ожидая, что скажет Милли дальше.

– Они мало встречались, – говорит она. – Но это были лучшие дни в жизни Элоизы.

– Как… они познакомились?

– В Королевском автомобильном клубе, на Пэлл-Мэлл в Сент-Джеймсе.

Я чувствую, как время останавливается. Звучит знакомо, но почему?

– Погоди, – говорю я. – Королевский автомобильный клуб. Это же туда Дэниел пригласил меня на ужин… сегодня вечером! – Я замолкаю и задумываюсь: надо же, я собираюсь посетить место, где навсегда перевернулось мамино сердце.

– Он дал ей свой пиджак, – задумчиво говорит Милли, как будто читает воспоминания со страницы, написанной в ее сердце. – Я никогда не видела такой тонкой ткани. – Она помолчала. – Он был дьявольски красивым и душевным – из тех людей, которые, стоит им войти в комнату, становятся центром внимания. – Она улыбается своим мыслям. – Твоя мама была такой же.

– Но что же случилось? Почему у них ничего не вышло?

– Вэл, эта часть истории может удивить или даже шокировать тебя.

Я осторожно киваю, и Милли продолжает.

– Время сработало против них самым трагичным образом. Когда Эдвард признался ей в любви, было… слишком поздно. Она ждала ребенка – от твоего отца.

С тяжелым сердцем я сопоставляю факты. Этот ребенок, которого тогда носила мама, был, конечно, не мной, а приходился мне братом или сестрой и должно быть, умер задолго до того, как я появилась на свет.

– Так она… – Я не могу выговорить этих слов.

– Да, она потеряла ребенка, – продолжает Милли. – И это разбило ее и без того разбитое сердце и оказало огромное влияние на твоих родителей – на обоих.

Так вот она, правда, которую мама все эти годы прятала в самой глубине души. Она была несчастна, потому что вышла замуж не за того мужчину.

– Почему же она просто не уехала домой, – спрашиваю я, – и не отыскала человека, которого любила?

– Было уже слишком поздно. Он женился на другой, и даже не будь этого, Элоиза никогда не бросила бы Фрэнка после того, через что они прошли. Преданность была ее второй натурой. Она поступила так, как считала наилучшим. Но за это пришлось заплатить немалую цену – своим счастьем. – Она вздыхает. – Но потом появилась ты, и ты, милая, стала ее светом в окошке.

Я прокручиваю эту мысль в голове, чувствуя, как земля на мгновение закачалась. Если бы она выбрала другого мужчину – Эдварда, – то была бы счастлива, а я…

Милли кладет руку мне на плечо.

– Извини. Тебе, должно быть, очень тяжело это слышать, но разве ты не видишь, что в этом есть и своя красота?

Я качаю головой. Какая там красота! Я вижу одну только горечь.

– А больше всех на свете, моя дорогая, она любила тебя.

Я прислоняюсь спиной к краю прилавка, осознавая серьезность слов Милли. Я хочу ей верить, но это так трудно.

– Если это правда, скажи мне вот что: как можно бросить человека, которого любишь больше всего на свете?

Милли открывает рот, но не произносит ни слова: может быть, объяснения нет, а может быть, в этой истории есть что-то еще, чего она просто не хочет рассказывать.

Я качаю головой: как в этом разобраться? Хорошо бы мама была здесь, чтобы хоть как-нибудь – как угодно – объяснить, почему она так внезапно ушла из моей жизни. Но если она не может дать мне ответов, в которых я так нуждаюсь, вдруг их может дать тот человек, которого она любила?

– Милли, а этот Эдвард… все еще в Лондоне? Они соединились, когда она вернулась сюда?

– И да, и нет. Он в Лондоне, но, боюсь, у них так и не было такой возможности. К тому времени он женился, у него была семья. – Ее глаза смотрят отстраненно. – Этот вариант отпадал.

Я киваю. Мне хочется узнать больше о человеке, которому принадлежало мамино сердце.

– Каким он был, кроме того, что ты мне уже рассказала?

– Ну, – начинает она. – Насколько мне известно, он был успешным бизнесменом и преданным отцом. Спустя годы после того, как Элоиза с твоим отцом уехали в Калифорнию, я однажды видела, как он вез детскую коляску в Риджентс-парке. – Она улыбается. – Элоиза рассказала мне об… интересной татуировке у него на плече.

– Татуировка?

– В виде скрипки.

Я склоняю голову вправо.

– Он что, играл?

Милли качает головой.

– Вообще-то это довольно забавно. Твоя мама рассказала, что он сделал татуировку, чтобы всегда слышать «музыку в ушах».

– Зависнешь дома, подруга? – спрашивает Лайза, когда мы вместе поднимаемся наверх в мою квартиру.

– Да, наверное. Мне просто… многое нужно обдумать. – Я опускаюсь на диван, она садится рядом.

– Понимаю, – отвечает она. – И сочувствую. Если тебе от этого станет легче, то в двадцать три года я узнала, что у моей мамы десять лет был роман с одним учителем из моей начальной школы. Неким мистером Хартли. Это было непостижимо. Дело в том, что этот тип имел привычку, сидя за столом, подстригать волосы в носу.

Я смеюсь.

– Серьезно, брал ножницы из коробки для рукоделия и совал прямо в нос. Ужасная гадость. До сих пор не пойму, что мама в нем нашла. – Она улыбается, но тут же снова становится серьезной. – Послушай, Вэл, есть кое-что еще об… Эдварде, чего Милли не сказала, потому что она… не знает.

– Что же?

Лайза делает глубокий вдох.

– Перед смертью Элоизы он… навещал ее. Прямо здесь.

– В самом деле? Откуда ты знаешь?

– Потому что видела, как он поднимался и спускался по лестнице. Он приносил ей еду навынос, цветы, даже водил ее в парк. – Она изучает мое лицо. – Однажды, когда я пришла проведать ее, она рассказала мне, что его зовут Эдвард и что она встретила его целую жизнь назад. Она выглядела такой счастливой.

– Лайза, почему ты мне не сказала?

– Извини, – говорит она. – Я не пыталась ничего скрывать, просто… не хотела тебя расстраивать.

Я киваю.

– Но почему мама скрыла это от Милли? Странно. Они же были близкими подругами.

Лайза пожимает плечами.

– Понятия не имею. Знаю только, что Элоиза попросила меня сохранить ее тайну, и я так и сделала. – Им осталось не так много времени до ее смерти, но он бывал здесь каждый день. Милли правильно его описала. Он замечательный человек.

– Мне нужно с ним встретиться, – говорю я. – Ты можешь мне помочь?

– Увы, нет, – говорит она. – Я не знаю, где он живет, и даже как его фамилия.

– Спрошу у Милли.

– Попробуй, – отвечает Лиза. – Но если твоя мама не хотела, чтобы она знала об их последних встречах, то, возможно, это не лучший вариант. Я имею в виду, зачем ей скрывать нечто столь грандиозное от ближайшей подруги, если на это не было очень важных причин?

– Да нет, я не расскажу Милли об их воссоединении, просто спрошу, не поможет ли она найти его. Фамилию она наверняка знает.

Лайза пожимает плечами.

– Может, знает, а может быть, и нет. Милли у нас…

– Крепкий орешек, – говорим мы хором и смеемся.

– Как хорошо, что ты не просто арендатор, но и друг, – говорю я ей. – На лучшее я и надеяться не могла.

Она улыбается.

– А теперь расскажи-ка, что у тебя сегодня за важный вечер.

– В семь я встречаюсь с Дэниелом в Королевском автомобильном клубе. С нами будет еще одна пара – его старый друг с девушкой.

– О-ля-ля, – говорит Лиза. – Двойное свидание! Непременно надень свое лучшее платье и какое-нибудь из маминых ожерелий.

– А туфли? – спрашиваю я.

– Можешь взять мои черные «лабутены».

– Ну, не знаю, – говорю я. – На шпильках я как корова на льду.

– Уж послушай личного помощника, – заверяет она меня. – Королевский автомобильный клуб – самое подходящее место для шпилек, вот увидишь.

Таксист, не преминув перед этим обратить мое внимание на Даунинг-стрит, 10, высаживает меня у величественного входа в Королевский автомобильный клуб, где ждет Дэниел.

– Я так и знал, что ты придешь на пять минут раньше, – говорит он, приветствуя меня быстрым поцелуем, который, как ни странно, уже кажется мне чуть ли не привычным. – Выглядишь просто восхитительно.

Если я выгляжу восхитительно, то он выглядит потрясающе в своем сшитом на заказ синем костюме и узорчатом галстуке. Брючный ремень идеально сочетается по цвету с мокасинами, и я не могу не подумать о женщине, которая научила его подбирать одежду так безупречно.

Он берет меня за руку и ведет внутрь, в просторное фойе с огромной хрустальной люстрой. Лайза права. Женщины здесь одеты элегантно, и туфли на шпильках – как раз то, что надо, хотя и жмут во всех мыслимых и немыслимых местах.

Клуб выглядит одновременно чужим и знакомым, как будто я видела его однажды во сне или, может быть, слышала о нем в одной из маминых сказок на ночь.

Мы сдаем пальто и поднимаемся по лестнице в ресторан; хозяин сообщает, что наши гости прибыли и ждут за столиком. Он выбирает два меню и ведет нас через зал. Повсюду шикарно выглядящие пары ведут серьезные беседы и ужинают в вальяжной, сугубо британской манере: правильно выбирают столовые приборы, изящно откусывают и тщательно пережевывают пищу.

По пути через огромный обеденный зал Дэниел отпускает мою руку, чтобы помахать паре, сидящей за дальним столиком. Слегка

покачиваясь в чужой обуви, я внезапно спотыкаюсь, цепляюсь каблуком за ковер, и безнадежно теряю равновесие.

В отчаянии я тянусь к ладони Дэниела, но она вне досягаемости, и я начинаю валиться на пол. Взмахнув руками, чтобы предотвратить неизбежное падение, я задеваю край скатерти на соседнем столе и опрокидываю куполообразное блюдо с едой, а заодно – везет же мне! – открытую бутылку красного вина.

Вскрикнув, я приземляюсь на ковер, который теперь забрызган вином и остатками еды. Заблудившаяся картофелина закатывается под стол и останавливается рядом с чьей-то ногой. Когда я поднимаю глаза, вокруг мучительно тихо. Кажется, все взгляды устремлены на меня.

– Вэл, с тобой все в порядке? – спрашивает Дэниел, опускаясь на колени рядом со мной. Он помогает мне подняться на ноги, и я, слегка пошатнувшись, снова обретаю равновесие.

– Все нормально, – быстро говорю я, стряхивая с платья брызги неизвестного соуса. – Хорошо еще, что оно черное.

В зале слышны перешептывания, за которыми следуют взрывы смеха. Я приношу извинения посетителям, чей ужин только что уничтожила, а также обслуживающему персоналу, который отрядили ликвидировать учиненный мной бардак.

– Что ж, – говорит Дэниел, взяв меня за руку, – ты явно мастерица эффектных выходов.

– Прости, – шепчу я. – Я просто уничтожена.

– Не стоит, – отвечает он. – Они все забудут, как только появится новая невольная жертва. – Он указывает на только что вошедшую женщину в крайне нелепом и кричащем флуоресцентно-желтом платье. Легионы шей выворачиваются, чтобы посмотреть, как бедняжка топает по залу; языки молотят безостановочно.

– Видишь, – шепчет Дэниел с понимающей улыбкой. – Они уже забыли о тебе.

Мы подходим к нашему столику, и я поражена, когда вижу друзей Дэниела: ведь я их прекрасно знаю.

– Эрик!

– Вэл? – Эрик поворачивается к Дэниелу. – Похоже, я не получил уведомления о том, что твоя Валентина – *эта* Валентина.

Дэниел тоже удивлен.

– Насколько я понял, вы знакомы?

– Знакомы, хотя я предпочитаю, чтобы меня называли *та самая* Валентина, – говорю я, подыгрывая.

– И вправду, мы знаем *ту самую*, единственную и неповторимую Валентину, – объясняет Эрик. – Из книжного магазина.

– Эрик как раз был на нашем благотворительном вечере, – говорю я, улыбаясь воспоминанию.

– Жаль, что меня там не было, – добавляет Дэниел. – Но я…

– Кстати, Эрик, – добавляю я, – хочу поблагодарить тебя за щедрость и за то, что ты оставил мне эти книги. Ты не представляешь, как много это для меня значит.

– Мне было очень приятно, – говорит Эрик. – Чудесный получился вечер, правда?

– Правда.

Дэниел и Фиона обмениваются взглядами, и у меня такое чувство, что разговор пора переводить на более общие темы. Но прежде чем я успеваю заговорить, это делает Фиона.

– Надеюсь, ты не ушиблась, – говорит она. – Ты так грохнулась…

– Противно и неловко, – говорю я, признавая свой позор. – Но ничего, все в порядке.

Эрик улыбается, и непослушная прядь волнистых волос падает ему на левый глаз.

– Хочу тебя поздравить, – говорит он, смахивая волосы, – ты изобразила один из самых эпических выходов всех времен и народов.

– Ну не знаю, вышло ли это так эпично, – ухмыляюсь я.

– Думаешь, на Книгу рекордов Гиннесса не потянет? – поддразнивает он, оглядывая зал. – Интересно, снял ли кто-нибудь это на видео.

Я смеюсь, одновременно морщась.

– Этого только не хватало.

Он наливает нам с Дэниелом по бокалу вина.

– А теперь серьезно, – говорит он с улыбкой, поворачиваясь к Дэниелу. – Знаешь, что самое замечательное в Валентине, единственной и неповторимой?

– Ты хочешь сказать, кроме того, что она умная, великолепная и независимая предпринимательница?

– Прекрати, я уже краснею, – говорю я. – Ты делаешь только хуже.

– То, что она умеет смеяться над собой, – продолжает Эрик. – Большинство людей не умеет.

Фиона, которая выглядит особенно эффектно в длинном черном платье, похоже, не интересуется нашими шуточками. Она водружает на нос очки в черной оправе, чтобы изучить меню. Через несколько секунд она со вздохом кладет его на стол, как будто ее ничто не радует.

– Дорогой, – говорит она, поворачиваясь к Эрику. – Пожалуйста, будь ангелом и найди нашего официанта. Мне нужно узнать, есть ли у них какие-нибудь варианты без глютена. – Она надувает губки. – Боюсь, из этого меню я ничего не могу съесть.

Он послушно кивает, кладет салфетку на стул и начинает пробираться между столиками.

Дэниел поворачивается к Фионе.

– Я правда ужасно рад видеть вас обоих. Мы так давно не встречались.

– Сто лет! – восклицает она, сжимая его руку. – А теперь в твоей жизни появилось это прелестное создание.

– И впрямь удивительное совпадение, – говорит он.

– Как здорово, что мы снова можем ходить на двойные свидания!

Мне сразу же становится интересно, с какой дамой Дэниел был в последний раз, хотя, конечно, об этом не спрашиваю. Вместо этого я слушаю, как Фиона в мельчайших подробностях рассказывает о своих планах переделать квартиру Эрика, в которую намерена переехать, как только квартира будет… соответствовать ее «стандартам».

– Мужчины понятия не имеют о важности качественного освещения ванной комнаты, – говорит она, улыбаясь Эрику, когда он снова усаживается за стол. – Валентина, уж ты-то, конечно, меня понимаешь.

Я киваю в знак согласия, хотя понятия не имею, о чем она говорит. Освещение – оно освещение и есть.

– У Эрика жуткие светильники с совершенно безжалостными лампочками, – говорит она. – Они вообще никуда не годятся. Я все поменяю.

– Молодец, – говорит Дэниел. Не пойму, то ли он ничего не замечает, то ли, как и я, считает ее ходячим кошмаром; очень надеюсь на последнее. – Я уверен, что его берлоге не помешает женская рука.

Эрик протягивает Фионе новое меню – вероятно, «особое».

– Спасибо, любовь моя, – говорит она, хлопая ресницами.

– Итак, – продолжает Дэниел. – Признавайся конкретно, откуда ты знаешь Вэл?

– Ну, по «Книжному саду», конечно, это мой любимый книжный магазин.

Фиона бросает на Дэниела понимающий взгляд.

– Ты же знаешь Эрика с его книжными магазинами.

Эрик улыбается.

– В детстве мама приводила меня в магазин, а Элоиза, покойная мать Валентины, совершенно волшебно читала вслух. – Он замолкает и смотрит на меня. – Кажется, у вас в Штатах это называется «час рассказа».

– Правильно, – киваю я.

– Мне это, конечно, нравилось, – продолжает Эрик. – Но думаю, главной целью моей мамы было урвать час личного времени.

Я смеюсь.

– Ну, я почти уверена, что это мечта каждой матери, верно? – Я ловлю взгляд Дэниела, и он улыбается мне в ответ.

– Верно, – говорит Эрик.

Я как будто попадаю в искаженное время, к той части маминой жизни, которая была неизвестна мне, но известна Эрику. Каково было посещать ребенком ее книжный магазин? Каково было сидеть на ковре и слушать, как она читает? Я представляю Эрика мальчиком, а мама стоит у прилавка, как сейчас Милли.

– И вообще, – добавляет он, – для меня тогда твоя мама была сверхъестественным существом. Она умела…

– Изображать голоса, – говорим мы оба хором.

Я улыбаюсь.

– Никто не умел так неподражаемо читать вслух, как она.

– Она была… настоящим чудом.

– Действительно была. – Я ощущаю прилив эмоций, но сдерживаюсь, когда Дэниел под столом пожимает мою руку.

– Извините, сэр, – говорит Фиона, махая рукой ближайшему официанту. – Сэр! – Завладев его вниманием, она указывает на свое меню. – Я вижу, что здесь все без глютена, но не нахожу ничего веганского.

– Извините, мэм, – говорит он немного нервно. – Я могу… поговорить с шеф-поваром, мэм.

– Не надо, – говорит она, вздыхая, как будто речь идет об очень утомительном испытании. – Просто попросите шеф-повара, чтобы он сделал мне тарелку тушеных овощей, хорошо? На пару, а не на гриле. Без всякого жира. Просто чуть-чуть подсоленные. Морской солью. И отдельно оливковое масло. – Она поднимает палец. – Холодного отжима.

– Да, мэм, – кивает он.

– У нее чувствительный желудок, – извиняющимся тоном объясняет Эрик официанту. – Мы ценим ваше особое внимание.

После того, как все заказы сделаны, Эрик наполняет бокалы вином.

– А теперь вы рассказывайте, как познакомились, – говорит он, переводя взгляд с меня на Дэниела.

Дэниел сжимает мою руку под столом, и я хитро улыбаюсь ему.

– Нас свела моя подружка детства, – быстро говорит он. Он замечает мое растерянное выражение, но глазами безмолвно просит подыграть. – И, естественно, Валентина не смогла устоять перед моим обаянием и суровой мужской красотой.

– Именно так, – говорю я, чувствуя, что настала моя очередь. – Но можно сказать, что нас свела… книжная тайна.

Эрик приподнимает бровь.

– Дэниел, неужели ты находишь время читать, при твоем-то расписании съемок?

– Сколько могу, – говорит он. – Это у нас с Валентиной общее.

– Постой, это у вас второе или третье свидание? – спрашивает Фиона, внезапно заинтересовавшись разговором.

– Третье, – отвечает Дэниел.

– Нет, ты посмотри, какие они милые, – говорит Фиона Эрику. Ее замечание похоже не столько на комплимент, сколько на отметку в ведомости, комментарий на тему, в которую я не посвящена.

– Как твоя работа? – спрашивает Дэниел Эрика, меняя тему.

– Пыхчу потихоньку, – отвечает он.

Дэниел поворачивается ко мне.

– Эрик – обозреватель «Таймс».

– О, – говорю я с некоторым удивлением. Когда мы обедали в кафе «Флора», он туманно говорил о своей работе. Я поняла только, что он

работает в газете. – О чем ты пишешь?

– Спроси лучше, о чем он *не* пишет, – со смехом добавляет Фиона.

Эрик кивает.

– Верно, я, можно сказать, журналист широкого профиля.

– Эта твоя недавняя статья, – продолжает Дэниел, – о голландцах. Потрясающе.

– Да, – говорит Эрик. – Меня всегда интриговало, что голландцы не задергивают шторы: у некоторых их вообще нет, даже в таких густонаселенных городах, как Амстердам.

Я качаю головой.

– В самом деле? Как интересно.

– Да, такая вот штука. Это всеобщее культурное явление. Гуляешь по городу после захода солнца, и они все как на ладони: сидят в гостиных, смотрят телевизор, едят пироги, в общем, делают все, что хотят. Поразительно, что они охотно выставляют себя напоказ, совершенно не стыдясь интимных подробностей своей жизни. – Он пожимает плечами. – Полная противоположность нам, лондонцам, нашей закрытости и замкнутости.

– Ну, я не смогла бы так жить, – решительно говорит Фиона. – Чтобы какой-нибудь вуайерист пялился на меня с улицы… – Она вздрагивает. – Нет уж, спасибо.

– Понимаю тебя, – добавляю я, делая себе мысленную заметку почитать статьи Эрика. – Но жить так открыто и ничего не бояться… Не знаю, в этом чувствуется какая-то свобода.

Нам приносят ужин, а вместе с ним еще одну бутылку вина. Дэниел и Эрик вспоминают байки из студенческой жизни, а Фиона рассказывает о своих дизайнерских подвигах – и подумать только, ею недавно поинтересовалась Кейт Миддлтон (хотя не лично, а через дворцового служащего).

В девять тридцать Дэниел оплачивает счет, отмахнувшись от Эрика, рвущегося заплатить за всех, и мы спускаемся вниз, чтобы забрать пальто.

– Может, на посошок? – неуверенно спрашивает Дэниел.

Эрик открывает рот, но Фиона опережает его.

– Мы бы с удовольствием, но у меня рано утром селекторное совещание, а я совсем не подготовилась. Отложим до лучших времен?

– Конечно, – говорит Дэниел.

– Было так весело, – продолжает она. – Дэниел, я просто влюблена в Валентину. – Фиона одаривает меня быстрой улыбкой. – Обещай, что мы скоро соберемся еще раз.

– Конечно, – отвечает Дэниел от моего имени, и они уходят.

– У меня от нее трясучка, – шепчу я, когда они оказываются за пределами слышимости.

– От нее и у льва сделается трясучка.

– Но Эрик… замечательный.

– Подожди, ты еще не читала его колонок, – говорит он, кивая в знак согласия. – У него необыкновенный стиль.

Я с интересом смотрю им вслед, наблюдая, как две фигуры исчезают в ночи.

– Кого-то она мне напоминает, – говорю я, пытаясь вспомнить лицо. Это не давало мне покоя весь вечер. – Какую-то актрису?

– Ага. – Дэниел задумывается. – Может быть, ту, из сериала «Безумцы»? Жену Дрейпера?

– Точно! Дженьюари Джонс!

– Забавно, – говорит он. – Я знаю Эрика с первого курса университета, и никогда не представлял его с дамочкой вроде нее.

Я киваю, но про себя думаю, что, если ты похожа на Дженьюари Джонс, мужчины всегда найдут повод сделать исключение.

– Вы с ним близко дружили все эти годы?

– На самом деле мы восстановили связь только несколько лет назад. Моя бывшая работала в дизайнерской фирме Фионы.

Это первое упоминание о его бывшей, поэтому я сразу за него хватаюсь.

– Та, что ходила с вами на двойные свидания?

Он кивает, и я жду, что он расскажет что-нибудь еще.

– К Фионе нужно немного привыкнуть, – добавляет он. – Но она неплохой человек и действительно любит Эрика. Они уравновешивают друг друга.

Мне скорее показалось, что Фиона перевешивает его, но я оставляю свои мысли при себе. Интересно, а бывшая Дэниела тоже уравновешивала его? Была ли она когда-то инь для его ян? Одно время у нас так было с Ником, по крайней мере, мне так казалось.

– В конце концов, все просто сводится к тому, счастлив ли ты, – продолжает он, когда мы обходим следующий квартал – прогулка без

цели, как я люблю.

– Ну да, – говорю я, ловя его взгляд. – А от чего ты бываешь счастливым?

– Ага, теперь ты изображаешь интервьюера?

– Моя очередь, – говорю я с улыбкой.

– Хорошо, тогда скажу. Что делает меня счастливым… Ну, для начала бездельные воскресные утра, желательно проведенные в постели. – Он улыбается. – А еще – посмеяться вместе с человеком, с которым не боишься поделиться своими мечтами. – Он останавливается посреди тротуара, обнимает меня за талию и мягко притягивает к себе. – И всякое такое.

Глава 28

Элоиза

Лондон. Англия

Я позвонила Милли из аэропорта Лос-Анджелеса, рыдая так отчаянно, что она едва могла разобрать мои слова. Каким-то образом ей удалось меня успокоить.

– Просто садись в самолет, – сказала она. – Вместе во всем разберемся.

В первый раз я летела через Атлантику молодой невестой. Теперь возвращалась женой, чей брак рушился, – и без любимой дочери. Все было бессмысленно, и я не просто поддалась слезам, я тонула в них.

Как Сезанна в «Последней зиме», я вышла в снегопад одна. Как и она, я была измучена, с невероятно тяжелым сердцем, но, в отличие от нее, не умела танцевать. Я могла только плакать.

Вот я и проплакала большую часть полета. Красными от слез глазами я оглядела толпу в Хитроу и заметила вынырнувшую из людского моря голову Милли. Я чувствовала себя так, словно бесконечно много дней скиталась по пустыне, изможденная и в бреду. Фигура лучшей подруги вдалеке была подобна миражу.

Она помахала мне, как будто за эти двадцать с лишним лет после моего отъезда в Калифорнию ничего не изменилось. Хотя мы обе знали, что изменилось все.

Я подбежала к Милли и обняла ее; сумка соскользнула с моего плеча и упала на землю. Если не считать легкой седины на висках, она ничуть не изменилась.

– Не могу поверить, что я наконец здесь, с тобой, – всхлипывала я, уткнувшись головой в ее плечо.

– Ну-ну, – сказала она, пристально глядя на меня. – Хватит рыдать.

– О, Милли, даже не знаю, с чего начать.

Она кивнула, как мудрая наседка.

– Не волнуйся, разберемся. Давай сначала получим багаж.

По пути к багажной ленте Милли с любопытством оглядела меня.

– Что такое? – спросила я, вытирая салфеткой уголки глаз.

– Ты стала… другая, – ответила она, изучая мои мелированые волосы и геометрические браслеты от Трифари на запястье. Ее замечание не было ни критикой, ни комплиментом, просто наблюдением. – Калифорния взяла свое.

– Может быть, – сказал я, снова посмотрев ей в глаза. – Но я все та же девчонка из Ист-Энда. Я всегда буду такой.

Она помогла мне снять чемоданы с конвейерной ленты.

– Там не может быть одежды, – заметила она. – Слишком тяжелые.

– Милл, – сказала я, – мне не терпится показать тебе все, что я нашла.

С заднего сиденья такси я взглянула на многоквартирный дом, где жила Милли: меня сразу же очаровал его пастельно-голубой цвет. Она уже давно переехала из Ист-Энда на тихую улочку в районе Примроуз-Хилл.

– Моя квартира на втором этаже, – гордо сказала она. – Маленькая, всего две спальни, зато моя.

– Чудесно, – сказала я. Я невольно позавидовала независимости Милли и тут же начала представлять, как могла бы сложиться моя жизнь, не последуй я тогда за Фрэнком в Калифорнию.

Мы поднялись по лестнице к ее двери. Пусть квартира и маленькая, благодаря высоким потолкам и свежей штукатурке она казалась намного больше.

– Брось чемоданы вон там, у окна, – сказала она. – А я заварю тебе чаю.

По дороге из аэропорта я успела ввести Милли в курс дела, рассказав ей об обвинениях Фрэнка и его настойчивом требовании, чтобы я уехала.

Она слушала спокойно, но глаза ее то и дело округлялись.

– Я помогу тебе найти адвоката, – сказала она. – Боюсь, у Фрэнка могут быть какие-то тайные козыри.

– Ты о чем? – Я вспомнила Санта-Монику, это выражение глаз мужа. Может быть, Милли права?

– Просто о том, чтобы ты была осторожной. Если он жаждет развода, его план, возможно, и состоял в том, чтобы ты оказалась здесь.

Я покачала головой, не совсем понимая, к чему она клонит, и все же это напугало меня до глубины души.

– Я позвоню нескольким коллегам, – сказала она. – Мы найдем кого-нибудь, кто разбирается в американском семейном праве. Насколько я понимаю, там куча лазеек и технических нюансов.

– Спасибо, – пробормотала я, слишком измученная, чтобы думать о том, какие технические нюансы она имеет в виду. Вместо этого я переключилась на вид из окна: по улице проехала женщина на велосипеде со свежими цветами в корзине, прикрепленной к рулю. Примроуз-Хилл. Как будто само название призывает меня взбодриться.

– Именно здесь мы всегда надеялись открыть книжный магазин, – сказала она с мечтательным выражением в глазах. – Помнишь?

– Как я могу забыть?

Милли улыбается.

– Может быть, когда-нибудь так и сделаем.

Я кивнула, чувствуя, как снова подступают слезы. Я знала, что Фрэнк никогда не позволит мне забрать Вэл в Лондон. Он приложит все усилия, чтобы наша дочь прочно укоренилась на американской земле.

– Я все думаю о Валентине, – сказала я, взглянув на часы. – Она пришла домой из школы, а меня… нет. Милли, я так по ней скучаю.

– Понимаю, – ответила Милли; от беспокойства она выглядела так, словно приболела. – Тебе сейчас очень паршиво. Просто сделай глубокий вдох. Будем превозмогать это постепенно.

– Она для меня все, – сказала я, с трудом сглотнув.

– И ты будешь бороться за нее. Я помогу тебе. – Она улыбнулась. – А пока не вешай носа, Чарли.

Мне было приятно услышать мою любимую поговорку, даже в таких обстоятельствах.

Измученная и усталая, я заснула на диване. Когда полтора часа спустя я проснулась, Милли уговорила меня выйти на улицу. Мы заказали бутерброды в маленьком кафе за углом и съели их за столиком под навесом. Потом мы немного погуляли. Солнце только что выглянуло из-за серой тучи, и его тепло было бальзамом для моих усталых глаз и залитых слезами щек.

Милли махала рукой прохожим, прогуливающимся по тротуару, и по очереди показывала мне пекарню, рынок и бистро: последнее показалось мне уютным местечком, где можно было сидеть часами, читая книгу и потягивая вино.

Мы миновали хозяйственный магазин, на следующем углу оказался бутик одежды – все в точности, как в деревне. Я чувствовала себя дома больше, чем в последние два десятилетия в Калифорнии.

– Покажи мне местный книжный магазин, – попросила я.

Милли покачала головой.

– Здесь нет ни одного. Представляешь?

Я вгляделась в особенно прелестное бледно-розовое здание перед нами.

– Да ты что? – Я подошла ближе к фасаду, увидела табличку «Продается», прикрепленную к переднему окну, и совсем разволновалась. – Милли, посмотри. Он выставлен на продажу!

– Я знаю, – сказала она. – И уже давно. Он требует основательного ремонта, но каркас у него крепкий. Даже странно, что его так и не купили.

Я заглянула в окно и снова повернулась к Милли.

– Это же потрясающее место для книжного магазина!

– О да, – сказала она с улыбкой. – Признаться, я не раз об этом думала.

Тут к дому подъехала машина и припарковалась на улице перед зданием. Из нее вышел мужчина с картонной папкой под мышкой и улыбнулся нам.

– Извините, я опоздал, – сказал он. – Ей-богу, лондонские пробки когда-нибудь вгонят меня в гроб.

Мы с Милли в замешательстве посмотрели друг на друга.

Он протянул руку Милли.

– Аластер Фэрфилд из агентства недвижимости «Фэрфилд», – сказал он, после чего поздоровался и со мной. – Надеюсь, не заставил вас слишком долго ждать. Мало мне пробок, так мой секретарь еще имеет привычку планировать мне по две встречи на одно время. В любом случае я рад, что вы обратились ко мне. Это здание – настоящая жемчужина Примроуз-Хилл, и фотографии в рекламном проспекте не отражают всех его достоинств.

Он вытащил из кармана пиджака ключ и вставил его в замок входной двери. Взгляд, который бросила на меня Милли, говорил мне: «Подыгрывай».

Он провел нас по первому этажу: все вокруг было покрыто толстым слоем пыли и паутины, кое-где виднелись остатки некогда

съехавшего отсюда учреждения. Черное вращающееся рабочее кресло с отломанным подлокотником уныло стояло посреди комнаты.

– Как видите, – объяснил агент, – нужно засучить рукава и проявить некоторую смекалку.

Я кивнула, восхищаясь паркетными полами из широких досок и отделкой из темного дерева в тон по периметру. Милли провела рукой по поверхности, похожей на старый торговый прилавок: видно было, что она, как и я, опьянена возможностями помещения.

– В задней части есть отличное хранилище, – продолжил агент. – Большая запирающаяся подсобка. Когда-то здесь был ресторан, потом магазин, кажется, шляп, а в последние годы – архитектурное бюро. – Он широко раскинул руки. – Это прекрасное место для… практически для чего угодно. Позвольте спросить, какие планы вынашиваете вы?

– Книжный магазин, – сказали мы обе хором и с улыбкой переглянулись.

– Книжный магазин, о да. Замечательно. Как ни странно, в Примроуз-Хилл его нет. Я часто думал, что какой-нибудь предприимчивый человек обязательно должен его открыть, чтобы избавить местных читателей от утомительных поездок в центр города.

Он вывел нас через заднюю дверь и по узкой тропинке провел к боковому входу.

– Наверху есть две квартиры, можно жить над магазином, если захотите.

Как и первый этаж, оба жилых помещения нуждаются в тщательном обновлении, но возможностей море; особенно мне нравится квартира на третьем этаже с большими окнами, выходящими на улицу.

– Не напомните мне цену? – спросила я, с надеждой поворачиваясь к агенту, но когда он протянул мне листок с цифрами, мое сердце упало. Столько нам никогда не потянуть.

– Продавец весьма заинтересован, – добавил агент, почувствовав наше беспокойство. – Так что не стесняйтесь сделать предложение – любое предложение. Как вы знаете, в этом году рынок переживает небольшой спад, и он намерен избавиться от некоторых активов в сфере недвижимости.

Я кивнула.

– Что ж, спасибо. Мы… дадим вам знать.

– Давайте я запишу ваши имена на случай, если появятся другие предложения или если у вас возникнут дополнительные вопросы по этому поводу.

Я покачала головой.

– Нет необходимости, мы…

– Конечно, запишите, – перебила Милли. Она продиктовала ему мое имя и свой номер телефона.

– Элоиза Бейкер, – сказал он, кивая. – Хорошо, я буду на связи.

– Ну и зачем ты это делаешь? – спросила я по пути к ее дому.

– Что именно?

– Водишь его за нос, вот что! Ты же знаешь, что мы не можем позволить себе этот дом.

– Подруга дорогая, – сказала она. – Где твой авантюризм?

«Я оставила его в Лондоне много лет назад», – подумала я, обернувшись, чтобы бросить последний взгляд на бледно-розовое здание. Но, может быть, он еще отыщется.

Позже я позвонила в Калифорнию, рассчитав время так, чтобы Фрэнк наверняка был на работе.

Подошла Бонни, и при звуке ее голоса я почувствовала облегчение.

– Привет, Бонни, – сказала я.

– Миссис Бейкер! – закричала она. – Это вы!

– Да, Бонни, – сказала я. – Это я. Я в Лондоне, пока… мы с Фрэнком во всем разбираемся. Валентина дома? Могу я поговорить с ней?

– Э-э… – сказала Бонни и замолчала. – Извините, миссис Бейкер, ее… нет.

– А где же она?

– Она… гуляет с мистером Бейкером. – Связь была неважной, и ее голос звучал невнятно. – Он просил записать ваш номер телефона и адрес, если вы позвоните.

Я дала Бонни координаты и попросила, чтобы Валентина позвонила мне.

– Миссис Бейкер, – сказала она почти шепотом, – без вас тут все по-другому. Все не так.

Повесив трубку, я нашла ручку и бумагу и стала писать письмо дочери:

Моя дорогая Валентина,

Я не хотела оставлять тебя, милая, но пришлось. Со временем я попытаюсь объяснить.

Сейчас я в Лондоне, в гостях у своей старой подруги Милли, о которой так часто тебе рассказывала. О, Вэл, как бы я хотела, чтобы ты была здесь, со мной. Я знаю, что ты полюбила бы Лондон так же сильно, как и я. В конце концов, в твоих жилах течет английская кровь.

Я бы многое хотела тебе рассказать, чтобы помочь понять, но не могу. Но прошу: пожалуйста, доверяй мне. Знаю, тебе тяжело, когда меня нет рядом, когда я не могу посмотреть тебе в глаза, вытереть твои слезы, помочь во всем разобраться. Но я скоро приеду домой. А до тех пор буду любить тебя каждую секунду, каждый день и всегда.

Из Лондона с любовью,

мамуля

Глава 29

Валентина

На следующий день

Я стою в магазине у прилавка и перебираю бумаги, которые у меня не хватает духу показать Милли или Лайзе. Это предложение передать право собственности «Брайтон Констракшн», компании, которая планирует сровнять книжный магазин с землей. Прилагается аккуратный архитектурный план с подробным описанием нового, современного кондоминиума.

Результаты сбора средств – наша последняя надежда. Если они не оправдают ожиданий, пройдет совсем немного времени, и «Книжный сад» будет обнесен загородкой и подготовлен к сносу.

Звонит телефон, и Милли берет трубку.

Она больше слушает, чем говорит, и заканчивает словами: «Спасибо. Понимаю».

– Кто это? – Мы с Лайзой подходим к прилавку.

Она делает глубокий вдох, потом так же медленно выдыхает.

– Джен, – говорит она. – Цифры готовы. Мы собрали… девяносто шесть тысяч фунтов.

– Это означает… – говорит Лайза, прервавшись, чтобы посчитать, и нахмурившись, – что нам не хватает более ста пятидесяти тысяч.

Милли пытается крепиться; она стоит, опустив глаза, но вскоре заливается слезами. Каждая книга, каждая полка памятна для нее, и ей придется со всем этим попрощаться. Нам всем придется.

– Почему бы тебе не сделать перерыв, – предлагаю я. – Пойди выпей кофе. – Но Милли, как капитан тонущего корабля, отказывается отойти от штурвала, и переубедить ее невозможно.

– Наверняка мы можем сделать что-то еще, – говорит она и в слезах убегает в подсобку.

– Дай ей побыть одной, – говорит Лайза.

Я киваю.

– Но, Вэл, – шепчет она, – что мы будем делать?

Я качаю головой.

– Не знаю. Правда, не знаю. Нужно какое-то чудо.

Она серьезно кивает.

– Присмотри сегодня за Милли, – говорю я. – Нам, конечно, всем тяжело, но ей хуже всех.

– Присмотрю, – обещает Лайза и указывает на стопку книг. – Куда их положить?

– Вон туда, – говорю я рассеянно, указывая на дальнюю полку с книгами о путешествиях. Тут я замечаю на прилавке сегодняшний выпуск «Таймс». Вспомнив Эрика, я листаю газету, нахожу его колонку и начинаю читать:

«Я хочу поговорить о редкой и некогда очень ценившейся черте, которая сейчас почти не встречается у лондонцев.

Назовите это эволюционной утратой или нарушением формирования социальных привычек, но каким-то образом мы как нация разучились смеяться над собой».

Я улыбаюсь: так и слышу его голос.

«Я задумался об этом вчера вечером, в Королевском автомобильном клубе, наблюдая прискорбный эпизод с одной американкой. Нетвердо держась на шпильках, она, входя, смахнула с ближайшего столика ужин на пять персон. Была ли она подавлена? Конечно же была. Любой бы был, окажись он на ее месте. Но то, что она сделала, взяв себя в руки, было поистине замечательно. Мало кто из нас способен на то, что ей далось так легко. В чем же был ее гераклов подвиг, спросите вы? Очень просто: она посмеялась над собой».

С пылающими щеками я читаю дальше.

«*И она поступила так несмотря на личную трагедию: ее мать недавно скончалась, а налоговый счет может положить конец ее семейному бизнесу, „Книжному саду“, любимому книжному магазину района Примроуз-Хилл, который десятилетиями был неотъемлемой частью сообщества. Результаты недавнего сбора средств все еще ожидаются – но хватит ли средств?*»

Статья поразительна и трогательна. Я не знаю, как должна себя чувствовать: удивленной, польщенной, слегка униженной или все вместе.

Звонит телефон, я откладываю газету и поднимаюсь с пола, чтобы взять трубку.

– Алло?

– Да, здравствуйте. Меня зовут Шарон Маккриди, я только что прочитала колонку в «Таймс» о «Книжном саде». Я просто в ужасе при мысли, что вы можете закрыться. Я хочу помочь.

Я молча включаю громкую связь и жестом велю Лайзе и Милли слушать.

– Десять лет назад моя сестра заболела раком, – продолжает женщина. – Я переехала к ней, чтобы присматривать за ней. Она жила всего в нескольких кварталах от вашего магазина, и я часто заходила к вам за книгами, которые могли бы подбодрить ее. Честно говоря, единственным, что ее поддерживало, было чтение. Владелица… Боюсь, сейчас не могу вспомнить ее имя… Но она была невероятно милой. Она всегда отыскивала для моей сестры подходящую книгу. Как будто знала, что именно ей нужно.

Милли улыбается и кивает.

– Ее звали Элоизой, – говорю я. – А я ее дочь, Валентина.

– Да, конечно, Элоиза. Теперь я вспомнила. Она была так добра. Я сочувствую вашей потере, Валентина. В статье сказано, что она скончалась. Я тоже потеряла сестру, но благодаря вашей матери у нее всегда были книги, истории, которые отвлекали ее от боли. Скажите, сбор средств еще открыт? Я бы очень хотела внести свой вклад.

К трубке бочком подкрадывается Лайза.

– Да, спасибо, мэм. Меня зовут Лайза, я в магазине главный бухгалтер и… ботаник.

– Простите? – говорит женщина в некотором недоумении.

– Долго рассказывать, – улыбается Лайза. – Хотя сбор средств окончен, есть еще один способ внести свой вклад. – Я наблюдаю, как она открывает браузер на странице с нашим логотипом в левом углу. – Мы создали фонд GoFundMe, в который могут вносить пожертвования представители более широкого лондонского сообщества. Для нас было бы честью, если бы вы захотели помочь.

– Когда это ты успела? – шепчу я Лайзе.

– Пару недель назад, когда ты ходила как смертник перед казнью, – шепчет она.

Я с улыбкой слушаю, как она по телефону рассказывает этой женщине о новоявленном фонде. В следующие несколько часов поступает все больше звонков и электронных писем. Многие хотят помочь, потому что, как и мы, не представляют жизни без любимого книжного магазина.

День был долгим и тяжелым, и к шести часам Милли едва держится на ногах. Я рада, что она наконец соглашается пойти домой и отдохнуть.

– Что нового на любовном фронте? – интересуется Лайза после ухода Милли.

– Он сейчас в Шотландии, снимает эпизод своего документального фильма, – сообщаю я. – Но возвращается завтра утром, и знаешь что?..

– Что? Он увозит тебя в отпуск на Бали? – Она влезает на стремянку и ставит на полку книгу.

Я усмехаюсь.

– Не совсем. Он пригласил меня на ужин к его родителям – завтра вечером.

– Постой, он хочет познакомить тебя с родителями?

– Ну да.

– Что ж, события развиваются полным ходом.

– Как ты думаешь, я им понравлюсь?

– Можешь не сомневаться.

Снова звонок. Я засовываю газету с колонкой Эрика в сумку, жалея, что у меня нет его номера телефона, чтобы поблагодарить его.

После работы Лайза убеждает меня встретиться с ее друзьями – музыкантами из группы, название которой я не могу вспомнить (только то, что оно звучит как какое-то насильственное преступление). Все они выпивали в центре города в заведении под названием «Секс-рыба», что тоже заставило меня призадуматься.

То, что я приняла бы по названию за стрип-клуб в Вегасе, было, по ее словам, на одну четверть ночным клубом, а на три четверти высококлассным рестораном – с элементами цирка, но в меру.

Она достает из шкафа платье и протягивает мне.

– Будешь выглядеть в нем богиней!

– Ну, не знаю. – Я с сомнением смотрю на крошечное мини-платье, которое едва держится на вешалке. – Я ни за что не выйду в этом.

– Не будь ханжой, – говорит она. – Оно же растягивается. Примерь! Смотреться будет потрясающе. К тому же, ты забыла, что на той неделе проиграла мне в карты?

– Хорошо, – соглашаюсь я, смутно припоминая нашу карточную игру, подогретую винными парами. – Я его примерю, но не уверена, что у меня хватит сил пойти вечером куда бы то ни было, особенно в место под названием «Секс-…акула»?

– «Рыба», – поправляет она.

Я закатываю глаза и натягиваю платье через голову.

– Так неохота это надевать.

– Обалдеть, – кивает Лайза. – Серьезно, Вэл, ты выглядишь на миллион баксов.

– Скорее, на пять баксов, – говорю я, хмуро одергивая подол. – Или на четыре пятьдесят.

– Вот. – Лайза роется в своем набитом до отказа шкафу и извлекает что-то мерцающее. – Тебе нужна накидка. – Она протягивает тряпицу мне. – Надень-ка. – Она набрасывает ее мне на плечи и подталкивает меня к зеркалу. – Смотри, смотри, как ты шикарно выглядишь! Пойдем с нами!

– Хорошо, – говорю я, поворачиваясь, чтобы увидеть свое отражение сбоку. Дэниел в Шотландии до завтрашнего утра, и… почему бы не завести новых знакомых? – Уговорила.

Мы входим в «Секс-рыбу» под аккомпанемент басов, грохочущих из кабинки диджея; над головой болтается сверкающий стробоскоп. Я вспоминаю люстру в Королевском автомобильном клубе и улыбаюсь контрасту. Сейчас я чувствую себя так, словно меня затащили на запись музыкального клипа, разве что я постарше девчонок студенческого возраста, стоящих в очереди. О, и еще я не умею танцевать.

Я нервно оглядываюсь, пока Лайза разговаривает с хозяйкой. Мне интересно, как ей удается общаться под такую громкую музыку, но потом я понимаю, что, возможно, в этом-то и дело.

– Наш столик там, – говорит она, махая парню в кожаной куртке и с обесцвеченными волосами. – Это Дэмиен. – Он машет в ответ и жестом приглашает нас к столику. – Он, вероятно, попытается приударить за тобой, но не бойся, он безобидный.

Я киваю, пытаясь натянуть платье ниже на бедра, но оно предательски задирается с каждым шагом.

Подойдя к столику, я сажусь на свободный стул и радуюсь, что мои ноги теперь под защитой столешницы. Лайза представляет меня своим друзьям: это Дэмиен, который задерживает мою руку в своей на несколько мгновений дольше, чем надо; Рауль, задумчивый персонаж с татуировками, ползущими вверх по ключице; Кара, лет двадцати с небольшим, с черными как смоль волосами, смотрящая в рот Дэмиену; и Трина, с крашеными рыжими волосами, собранными на макушке в хвост, открывающий ее наполовину бритую голову. Она кивает ровно настолько, сколько требует вежливость, и снова утыкается в телефон.

Кто, кроме Лайзы, соберет такую разношерстную команду?

Дэмиен что-то говорит, но громкая музыка заглушает его слова.

– Извини, – одними губами произношу я, указывая на ближайший динамик. – Я ТЕБЯ НЕ СЛЫШУ. – Едва эти слова слетают с моих губ, я чувствую себя семидесятипятилетней.

Он наклоняется ближе ко мне: эффект незапланированный, но, по крайней мере, я наконец-то его слышу.

– Я заказал нам выпить и кое-какую еду, – говорит он.

– О, СПАСИБО.

Лайза, болтая с Карой, бросает на меня милосердный взгляд. Когда приносят напитки, я делаю вид, что увлечена палочкой для помешивания коктейлей в форме рыбы, чтобы не встречаться взглядом с Дэмиеном. Но у Лайзы явно другие планы. Я смотрю, как она говорит ему что-то, чего я не слышу, и показывает ему свой телефон.

– «Книжный сад»! – восклицает он, поворачиваясь ко мне. – Любимый магазин моей мамы. Лайза говорит, у тебя неприятности? – Он тянется за телефоном. – Я сделаю пожертвование прямо сейчас.

– Вот это да, – говорю я, бросая взгляд на Лайзу. – Большое спасибо, но, уверяю тебя, я пришла не за тем, чтобы попрошайничать.

– Чепуха, – говорит он. – Моя мама, упокой ее душу, любила ваш магазин. Это меньшее, что я могу сделать, чтобы искупить вину за все свои художества в подростковом возрасте.

Я улыбаюсь и благодарю его; Лайза украдкой поднимает вверх большой палец. После второй порции выпивки Рауль, который в какой-то момент, казалось, задремал, оживляется и предлагает нам пойти

куда-нибудь еще. Он говорит, что знает паб, где играет обалденная группа. Все согласны, что это отличная идея… кроме меня.

– Большое спасибо за выпивку – и за все, – говорю я Дэмиену, который оплачивает счет. – Ненавижу портить вечеринки, но я устала. Так что, ребята, дальше без меня.

– Ах, – говорит Дэмиен, кладя локоть на стол и утыкаясь лицом в ладони. – Но мы же только что познакомились.

– Извини, – говорю я. – Может быть… продолжим в другой раз.

– Ты в порядке? – шепчет Лайза, когда подъезжает такси, в которое они, похоже, собираются втиснуться всей компанией, прихватив еще одного парня, с которым столкнулись на улице.

– В полном, – говорю я. – Было очень весело. Я просто устала как собака.

– Ясненько, – говорит она. – Может, мы подбросим тебя? Мы с Триной потеснимся, и тебе хватит места!

– Спасибо, не стоит, – говорю я. – Я прогуляюсь, подышу свежим воздухом.

– Хорошо, – говорит Лайза. – Осторожнее только в этом платье.

Я улыбаюсь, машу всей компании, и Лайза забирается в такси. Когда они отъезжают, я глубоко вздыхаю, плотнее закутываюсь в накидку и иду вперед, вдоль линии уличных фонарей. Пройдя пару кварталов, я ловлю такси.

– Куда едем? – спрашивает водитель.

– Беркли-сквер, – не задумываясь говорю я. Пару дней назад, когда мы разбирали книги, Милли упомянула этот легендарный лондонский парк. По ее словам, здесь росли самые старые в Лондоне деревья, некоторые посадили в начале 1700-х годов, и к тому же здесь часто бывала мама. Я хочу увидеть это своими глазами.

Несколько минут спустя, когда я выхожу из такси и осматриваю легендарные стволы – а ведь им больше лет, чем Соединенным Штатам Америки, – на меня накатывает воспоминание: пластинка, которую мама часто слушала в нашей гостиной в Санта-Монике. Пластинка с песней Ната Кинга Коула «На Беркли-сквер пел соловей».

Папа не разделял ее привязанности к старой мелодии, но я обожала эту песню, и у меня в ушах – и в сердце – сразу же зазвучали слова: «Висит над Лондоном луна… Ей невдомек, что от нашей любви перевернулся мир».

Я поднимаю взгляд на фонарный столб и вижу, как в темное небо взлетает птица – не соловей ли? Я смотрю вниз, под ноги – ох уж эти Лайзины шпильки! – думая, стояла ли когда-нибудь мама прямо здесь, на этом самом месте.

Впереди я вижу садовую скамейку, останавливаюсь, сажусь и гляжу в небо. Над головой что-то вроде созвездия, и я не могу избавиться от ощущения, что звезды появились сегодня вечером только для меня.

Уже поздно, но на Беркли-сквер шумно. По дорожке мимо меня проходят люди. Мужчина с собакой, по-видимому, охотничьей: она прижимает нос к тротуару, как будто в разгаре очень важной охоты на лис. Молодые родители, у которых выдалось несколько спокойных минут, пока ребенок дремлет в коляске; я не могу не заметить, что они, похоже, о чем-то спорят. Женщина средних лет, занятая весьма интенсивной пробежкой. Мужчина с сумкой-мессенджером через плечо. Я выпрямляюсь, когда свет от фонаря падает ему на лицо, и прищуриваюсь, чтобы получше рассмотреть. Стоп, я знаю этого парня.

Его глаза встречаются с моими, он останавливается и улыбается.

– Валентина? Ты?

Наконец я его опознаю.

– Эрик?

– Что ты здесь делаешь?

– Просто гуляю, – говорю я.

Он усмехается.

– В таком платье?

– Это долгая история. О том, как я проигралась в пух и прах. – Я тоже усмехаюсь – Зато могу посмеяться над собой, верно?

Он садится рядом со мной и ставит сумку на землю.

– Ты прочла колонку.

Я киваю.

– Надеюсь, ты не обиделась.

– Наоборот, – отвечаю я. – Я польщена. А то, что ты написал о магазине, оказалось ужасно важным для всех нас. Люди звонили весь день, делали пожертвования. Мы были в шоке – в самом лучшем смысле этого слова. – Я улыбаюсь. – Спасибо.

– Ты бы видела, какие я получаю электронные письма. Один читатель предлагает посвятить тебя в рыцари за доблестные усилия по

восстановлению смирения в городе, развращенном чрезмерно разросшимися эго. – Он достает телефон. – И послушай вот это. – Я жду, пока он найдет запись. – Этот читатель называет тебя «светочем нашего времени», «суфражисткой книжного дела».

– Ничего себе, – говорю я, улыбаясь еще шире. – Как скромный бывший библиотекарь, а ныне книготорговец, я не уверена, что заслуживаю этих дифирамбов.

Он кивает.

– Заслуживаешь.

Я сбрасываю шпильки и поджимаю босые ноги. Он снимает куртку и набрасывает мне на плечи.

– Вот, пожалуйста, надень. Ты, должно быть, замерзаешь.

– Спасибо, – говорю я, – за куртку и за… все, что ты сделал. – Я закутываюсь в куртку. Она все еще хранит тепло его тела. – Я хотела позвонить, чтобы поблагодарить тебя, но у меня нет твоего телефона.

– Пожалуйста, не нужно благодарностей. – Он лезет в сумку, достает визитку и протягивает мне. – В следующий раз позвони просто так.

– Позвоню, – говорю я, засовывая карточку в сумочку. – Ну а ты что здесь делаешь?

– О, просто возвращаюсь с работы.

– В такое время?

– Ну ладно, – говорит он. – Скажем так: хочу быть подальше от дома.

– Почему?

– Мы с Фионой расстались, и сегодня она пришла за вещами.

– Не может быть, – говорю я. – Сочувствую.

– Не стоит. Разрыв назревал уже два года, честно говоря, даже дольше. Мы никогда не подходили друг другу. И оба это знали. Мне давно следовало с этим покончить, но когда она потребовала, чтобы я заменил дома все светильники, чаша переполнилась.

Я сдержанно смеюсь.

– Да, это действительно показалось немного странным.

– Можешь мне поверить, – говорит он. – «Странно» – это мягко сказано. Я еще не рассказал тебе о холодильнике.

– О холодильнике?

– Объяснять долго и очень-очень скучно. – Он качает головой. – Только мозги запудривать. Тебе известно, что существует шестнадцать различных марок бытовой техники, которые не предусматривают генераторов льда для *фильтрованной* воды?

Я смеюсь.

– О боже. Совсем тяжелый случай.

Он кивает.

– Так что пусть все будет как есть. – Он смотрит на небо, обводя пальцем слабые очертания созвездия над головой. – Как будто я жил в странном, туманном сне, где приходится ходить на цыпочках по собственной квартире. – Он глубоко вздыхает. – Наконец-то я снова могу дышать.

Я улыбаюсь.

– Что ж, тогда рада за тебя. Но я знаю, что это никогда не бывает легко. – Вслед за ним я смотрю на небо, вспоминая все документы, которые в последнее время подписала, отсканировала и отправила по электронной почте своему адвокату. – Формальности с моим разводом завершились только сегодня. – Произнеся это, я как будто сбрасываю груз: даже лучше, когда все это позади.

– Извини, – говорит он.

Я качаю головой.

– Да нет, все хорошо. Даже отлично. Ты прав, теперь я тоже все ясно вижу.

Он снова смотрит на небо.

– Если бы сейчас была весна, мы могли бы увидеть Деву. Вирго.

– Кого?

– Созвездие Девы, – объясняет он. – Довольно замкнутая девица, показывает свое личико только тогда, когда хочет, чтобы ее видели. – Он поворачивается ко мне. – В детстве я нашел у бабушки на чердаке старинную книгу. Старинную в буквальном смысле. Восемнадцатого века. – Я вытаращиваю глаза, а он продолжает. – На каждой странице описывалось отдельное созвездие. Но мисс Дева особенная. – Он улыбается мне. – Она приносит удачу и успокаивает бури. Может быть, как раз сейчас она присматривает за тобой.

Я изучаю его лицо.

– И ты веришь в эту чушь?

Эрик пожимает плечами.

– Я верю в науку – и в сказки.

– Я тоже, – говорю я, чувствуя, как по моей шее пробегает дрожь.

– А где Дэниел? – внезапно спрашивает он.

– В Шотландии – работает над кинопроектом. Но утром возвращается. Завтра я ужинаю с его родителями.

– Ух ты, – говорит он.

– Я должна волноваться?

– Я с ними не знаком, но уверен, что волноваться не о чем. Дэниел – отличный парень.

Согласна, думаю я.

– Я рад за вас обоих.

– Спасибо.

Он смотрит на часы.

– Ну ладно, мисс Америка. Мне пора, но сначала поймаем тебе такси.

Мы возвращаемся на улицу, где он ловит такси. Водитель мигает фарами и подъезжает к нам.

Я снимаю куртку и протягиваю Эрику.

– Было приятно тебя встретить, – говорю я, забираясь в такси и опуская стекло.

– Подумать только, в Лондоне, где столько народу, наши пути случайно пересеклись. И если это не звездная пыль удачи, то не знаю, что это такое.

Я усмехаюсь.

– Звездная пыль удачи. Красиво. Может быть, это заглавие твоей следующей колонки?

– Определенно годится, – говорит он, усмехаясь в ответ, и машина трогается с места.

Мой телефон жужжит: сообщение от Дэниела. «Привет из Шотландии. Скучаю».

Я оборачиваюсь, чтобы выглянуть в заднее окно и еще раз помахать Эрику, но он уже исчез в звездной ночи.

Глава 30

Элоиза

Два месяца спустя

«Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен»[28], – этой знаменитой фразой Диккенс начал роман «Повесть о двух городах».

Он, конечно, писал о Париже и Лондоне. Но в моей жизни место Парижа занял Лос-Анджелес, а Лондон? А в Лондон мне пришло ходатайство Фрэнка о разводе.

Оно пришло быстро, гораздо быстрее, чем я могла себе представить, – мерзкие бумаги, доставленные курьером в квартиру Милли в один во всех остальных отношениях прекрасный вторник.

– Элоиза Бейкер? – спросил человек в дверях.

– Да, – сказала я в замешательстве, и он протянул мне толстый конверт.

Все законно, объяснила Милли, о, как это было законно. Фрэнк распорядился мною как обанкротившимся предприятием, которым ловко завладел, а затем ликвидировал. Но это была тропа войны нового типа, и она вела вглубь и вдаль. Мало того, что он обратился в суд с просьбой лишить меня какой-либо супружеской поддержки или алиментов, сославшись на мой статус негражданина. Это можно было пережить, но страницы о Валентине разбили мне сердце. Он сослался на то, что я «оставила семью», как на повод предоставить ему полную опеку без права посещения, а в придачу обратился к суду с просьбой ограничить выезд Вэл из Соединенных Штатов. Юридическое ходатайство Фрэнка стало последним ударом: если он одержит верх, я могу никогда больше не увидеть свою дочь.

– Милли! – закричала я. Руки у меня дрожали.

Она быстро подошла, забрала у меня конверт и вскоре подтвердила то, что я уже знала.

– Он пошел вразнос.

Консультировавший меня адвокат из Мейфэйра, друг Милли со студенческой скамьи, боялся именно этого, хотя я отказывалась верить, что Фрэнк может опуститься до такого уровня. Но он сделал это: все

оружие в его арсенале, казалось, было готово к бою и нацелено на меня.

– Что мне теперь делать? – воскликнула я, падая на диван.

Милли села рядом со мной и спокойно разложила бумаги на столе.

– Бороться, конечно. Он не в своем уме.

Я кивнула.

– Но сначала ты сядешь в самолет и полетишь в Америку. Я найду тебе адвоката в Калифорнии. – Она заглянула мне глубоко в глаза. – Ты не уедешь без Валентины.

Посадка самолета в Лос-Анджелесе была плавной, колеса, казалось, едва скользнули по взлетно-посадочной полосе: резкий контраст с воздушными ямами, которые ждали впереди. Я кинулась получать багаж, а потом поймала такси до Санта-Моники. В машине я мысленно репетировала план, который для меня составили Милли и ее коллега. Как бы тяжело это ни было, мне придется приехать домой, словно ничего не изменилось. Я просто съездила отдохнуть в Лондон, как и предлагал Фрэнк. Я возвращаюсь в свой дом и к своей дочери, которые по праву принадлежат мне. Если он заартачится или того хуже, я позвоню в полицию.

Если Фрэнк хочет войны, я стану сражаться. Я была готова. Очевидно, он проинструктировал Бонни, что Вэл запрещено разговаривать со мной – я слышала сожаление в ее голосе каждый раз, когда звонила. Наконец на мои ежедневные звонки просто перестали отвечать. Телефон просто звонил, звонил и звонил, аккомпанируя моей печали.

Но скоро я увижу дочь. Подбегу к ней и обниму, смахивая поцелуями ее слезы. «Мама почти дома», – прошептала я, когда такси свернуло на нашу улицу. Я уже видела перед собой дом, пальмы-близнецы, ухоженную лужайку. Вэл, вероятно, в бассейне или, может быть, читает в своей комнате. Мне стало интересно, дочитала ли она последнюю книгу из любимой серии. Нам обеим не терпелось узнать, чем она закончилась, победой или трагедией, – этот же вопрос я задавала себе применительно к собственным жизненным обстоятельствам.

– Спасибо, – сказала я, расплачиваясь с водителем. Он достал из багажника мою сумку и уехал, оставив меня на пустой подъездной дорожке. Но что-то было не так. Что-то не так. Дом выглядел по-

другому. Рядом с дорожкой росли цветы, которые я не сажала; на крыльце лежал незнакомый коврик. Я взялась за дверную ручку, но она не поддалась. Отыскав ключ, я вставила его в замок и обнаружила, что он не подходит. Фрэнк, должно быть, сменил замки. Конечно, сменил.

– Валентина! – крикнула я, заглядывая в окно гостиной. Куда девалась картина, висевшая над камином? Угловой диван в гостиной тоже исчез, вместо него стояла синяя кушетка, которая мне не понравилась.

– Простите, мэм? Могу я вам помочь?

Я обернулась: на подъездной дорожке стояла молодая пара с маленькой дочерью. Все с любопытством смотрели на меня. Светлые волосы девочки были заплетены в две косички.

– Нет-нет, – быстро сказала я. – Все в порядке. Просто… проблемы с ключом.

Они подошли ближе.

– Мэм, – сказал мужчина, качая головой, – с вами все хорошо? Вам помочь?

И тут до меня дошло. Я не сразу заметила на углу табличку «ПРОДАЕТСЯ», а теперь вижу ее, с прикрепленной к краю надписью «ПРОДАНО». Синяя кушетка, цветы, новый коврик – все встало на свои места. Боже мой, Фрэнк продал дом.

– Мэм, – снова сказал мужчина, осторожно приближаясь ко мне.

– Я… я… – пробормотала я. – Понимаю, что кажусь вам сумасшедшей, но я жила здесь… давным-давно. Вы знаете что-нибудь о семье, которая продала вам дом?

На этот раз заговорила женщина.

– Да, отец-одиночка с дочерью. Очень милая девочка. Кажется, ее зовут…

– Валентина, – сказала я. – Ее зовут Валентина.

– Точно. Она так хорошо поиграла с Эбигейл. – Она посмотрела сверху вниз на собственную дочь. – Жаль, что они переехали в Сиэтл, я бы с удовольствием наняла ее сидеть с ребенком. В наши дни так трудно найти хорошую работу.

Сиэтл? Мое сердце колотилось так громко, что я почти ничего больше не слышала. Их рты открывались и закрывались, но единственное, что доходило до моего слуха, – это неровный стук в моей груди.

Я выбежала на улицу, сжимая в руках сумку и оглядываясь по сторонам. Что делать? Куда идти? Ближайший телефон-автомат в центре городе, и я побежала на Главную улицу, переходя на шаг только когда начинала задыхаться. Воспользовавшись телефонной карточкой, я набрала номер Милли, разбудив ее посреди ночи, чтобы ввести в курс дела.

Она была так же потрясена, как и я, и очень сочувствовала мне. Но ее слова отрезвили меня.

– Боюсь, он опередил тебя на четыре хода, Эл.

– Милли, но это не шахматы – это моя дочь!

– Знаю, дорогая, – сказала она. – Но преимущество на его стороне. Даже если ты поедешь в Сиэтл и найдешь их, что тогда?

– Попытаюсь вразумить этого человека, – сказал я. – А если не смогу, то буду бороться.

– Послушай, – продолжала она. – Нет смысла бороться там, где тебе даже негде жить. Мы можем подать ответный иск отсюда. Возвращайся домой, Эл.

– Но, Милли, ты же сама велела не возвращаться без Валентины! – Женщина с собакой остановилась на тротуаре, с любопытством разглядывая меня. Я была в истерике, но мне было все равно. – Я не уеду без нее!

– Но разве у тебя есть выбор, Элоиза?

Связь стала пропадать, и я перестала разбирать, что еще она говорит. Повесив трубку, я снова оказалась одна – глубоко и безнадежно одинока.

В последующие месяцы я просто существовала. Милли приходилось уговаривать меня поесть, принять душ – сама я только дышала, и то не стала бы, если бы это не происходило само собой. Мой мир – мое сердце – был коварно вырван из моих рук.

Друг Милли, адвокат, согласился помочь мне безвозмездно, но, как бы я ни была благодарна за время и щедрость, этого оказалось недостаточно. Наше ходатайство в суд отклонили, и Фрэнку предоставили полную опеку над Валентиной. Все права на посещение аннулировали из-за заключения детского психолога. Она написала: «На данном этапе я рекомендую избегать контактов между матерью и ребенком. Любое время, проведенное с родителем, ушедшим из семьи, может привести к страданиям и травме для ребенка. Валентина

достаточно пережила; теперь следует сосредоточиться на исцелении ее травмы под присмотром лицензированного детского психолога, а также родителя-опекуна – в данном случае отца. В этом случае существует также угроза похищения. Мать живет в Лондоне и не является гражданкой США. У отца есть обоснованные опасения по поводу того, что мать увезет ребенка в Европу. Таким образом, по моему профессиональному мнению, мать неуравновешенна и представляет угрозу для безопасности и развития Валентины».

Я хотела сжечь эти бумаги. Хотела найти эту чертову психологиню и придушить ее. Но решение было окончательным; моим единственным утешением стал адрес в Сиэтле, куда переехал Фрэнк. Поэтому я писала Вэл каждый день. Я хотела, чтобы она знала правду, но прежде всего, что я люблю ее всем своим существом и молюсь, чтобы когда-нибудь она поняла и простила меня за то, что ее отец перехитрил меня.

Со временем я научилась принимать этот кошмар как свою новую реальность, хотя и знала, что никогда не избавлюсь от боли. Мне пришлось научиться жить с этим, и в этом мне помогали исключительно письма к Вэл. Я писала их каждый день.

Тот год прошел как в тумане, но однажды в руинах моей жизни сверкнул проблеск радости. Это был неожиданный телефонный звонок от агента по недвижимости, который устроил нам экскурсию по розовому зданию. Агент сообщил удивительную новость: владельцу, как он объяснил, требовалось немедленно избавиться от недвижимости. Он был готов продать его нам за ничтожную часть запрошенной цены, а в случае необходимости даже помочь финансово.

Я с трудом могла поверить в нашу удачу, но Милли отнеслась к услышанному скептически. Может быть, в подвале трупы? Может быть, фундамент заражен термитами? В конце концов, мы наплевали на здравый смысл и сделали решительный шаг. И что это был за шаг!

К тому времени я вернулась в «Хэрродс» на неполный рабочий день. Мне не хватило бы наличных денег, чтобы совершить покупку самостоятельно; кредита в банке у меня тоже не было, но Милли подписала кредит, и вместе мы стали хозяйками одного из самых очаровательных зданий Примроуз-Хилл – что казалось невероятным.

В вечер покупки мы окрестили место нашего будущего книжного магазина бутылкой шампанского, и я начала понимать важный урок,

который поддерживал меня в последующие годы. Пусть я всегда буду носить в себе глубокую боль, но нельзя позволять ей брать верх. Я научилась отбрасывать в сторону то, чего не могла изменить, и сосредоточилась на том, что в моих силах: снова обрести подобие радости жизни с помощью магазина, который мы решили назвать «Книжным садом».

В течение нескольких месяцев после моего возвращения в Лондон один из чемоданов так и валялся в шкафу неоткрытым, но теперь я наконец была готова встретиться со своим прошлым лицом к лицу. Я достала из чемодана калифорнийские ракушки и фигурные коряги. Затем на свет появилась голубая керамика от Расселла Райта, которая, как я с облегчением заметила, не разбилась и не треснула во время трансатлантического путешествия. Наконец я открыла шкатулку с драгоценностями, полную редких ожерелий, браслетов и брошек от Трифари.

Милли с удивлением наблюдала, как я изучаю реликвии своего прошлого. Я рассказала ей о распродажах, которые часто посещала в Лос-Анджелесе, о часах, проведенных в одиноких скитаниях по городу.

– Я понятия не имела, что ты так одинока, Элоиза, – печально сказала она. – Но этого больше не будет никогда.

Наконец я достала книги – десятки ценных первых изданий, которые спасла на распродажах. Моим увлечением были 1940-е годы, прекрасное десятилетие для книг. Английские и американские авторы. Эрнест Хемингуэй, «По ком звонит колокол». «Сын Америки» Ричарда Райта. Сомерсет Моэм, «Острие бритвы». Ивлин Во, «Возвращение в Брайдсхед». Уильям Фолкнер, К. С. Льюис, Норман Мейлер. Джордж Оруэлл, «1984».

– Поставим это на полки, Милли, а потом добавим многое другое.

В дальнем углу чемодана лежали две фотографии Вэл в рамках, и при виде их у меня защемило сердце. У меня до сих пор не хватало духу взглянуть на них, и даже теперь, увидев прелестное лицо дочери, я чуть не умерла. Но я вспомнила урок, который должна была усвоить: можно испытывать боль, но не зависеть от нее. Я поставила одну из фотографий на столик в прихожей Милли, чтобы видеть Вэл, входя и выходя и квартиры, а вторую – в книжном магазине, где она станет

моей музой. Она была моим сердцем, и она будет душой книжного магазина.

Днем Милли уезжала на работу в центр города, а я, засучив рукава, убирала мусор, прибивала расшатанные половицы и драила каждую поверхность до блеска.

Обо всем этом я каждый день писала Валентине. Это притупляло боль и давало надежду. Когда-нибудь она найдет меня. Когда-нибудь я снова увижу ее лицо. В конце концов, если нарциссы могут каждую весну пробиваться сквозь замерзшую землю, то и я могу преодолеть боль.

Юридическая карьера Милли была на подъеме, и она оставалась пассивным партнером. И хотя я переехала в квартиру на верхнем этаже здания, она решила остаться у себя, в жилище, где уютно и счастливо жила много лет.

– Ну, как себя чувствуешь? – Милли пригласила меня на ужин. Вторая неделя торговли прошла успешно, и мы праздновали это бутылкой хорошего бургундского и жареной курицей, которую она только что вытащила из духовки.

– Грустно и радостно, – сказала я.

Она понимающе кивнула.

– Значит, градостно.

– Да, – рассмеялась я.

– Милл, – сказала я после долгого молчания, – ты, наверное, не помнишь, ведь это было так давно, – но до Фрэнка был кое-кто другой. Его звали… Эдвард.

– Я помню, – сказала она, избегая смотреть мне в глаза.

– Я тут подумала, – продолжала я. – Теперь, когда я бесповоротно разведена, как ты думаешь, может быть мне… поискать его? Или это… глупо?

Она потерла лоб.

– Эл, просто… прошло столько времени. Люди меняются, и… я не хочу, чтобы тебе снова причинили боль. Ты и так через многое прошла.

– Это не ответ, Милли. Ты чего-то недоговариваешь. В чем дело?

Ее глаза наконец встретились с моими. Я терпеливо ждала, но ее слова удивили меня.

– Не знаю, как это лучше сказать, но это должно быть сказано. – Она села за стол, сложив руки. – После того, как ты уехала из Лондона,

я однажды столкнулась с Эдвардом в Мейфэйре. – Она сделала паузу. – Ну, если честно, я нашла его.

– То есть как?

– Эл, я ничего не знала об этом человеке: у меня было только имя, пиджак в шкафу и выражение твоих глаз. Я должна была найти его. Просто обязана. И когда мне это удалось, – что ж, я поняла. Я поняла все. В тот день мы вместе пообедали и снова встретились неделю спустя. В конце концов, мы стали хорошими друзьями, и я… узнала его очень хорошо.

Я покачала головой.

– Но почему ты не сказала?

– Я должна была, но… – Ее голос прервался. – Послушай, я знала, что Эдвард тебе далеко не безразличен, и не думала, что тебе станет легче в Калифорнии, если я начну болтать о нем в письмах. Мы стали добрыми друзьями, нас связывал единственный общий интерес: ты. Мы оба так скучали по тебе.

Я улыбнулась, слушая с напряженным вниманием.

– И еще кое-что я должна тебе сказать, – кашлянув продолжала Милли, и на ее лице вдруг появилось выражение страдания. – Со временем я начала… испытывать к Эдварду нечто большее.

Я отвернулась, мое сердце наполнилось эмоциями – ревностью, болью, удивлением. Это было последнее, что я ожидала когда-либо услышать от лучшей подруги, и все же я не имела права считать, что меня предали. В конце концов, это я вышла замуж за другого и уехала на другой конец света.

– А он нет, – наконец сказала она. – Его сердце безраздельно принадлежало тебе.

Я не знала, что сказать или сделать, так что мы просто долго сидели молча, пока я наконец не обрела дар речи.

– А где он сейчас? Ты знаешь?

Она кивнула.

– Он переехал в деревню… с женой и ребенком.

Это известие одновременно причинило мне боль и согрело сердце.

– Понятно, – сказала я. – Выращивать помидоры.

Милли покачала головой.

– Какие помидоры?

– Просто так, – ответила я. – Он счастлив. Это все, что мне нужно было знать.

Милли прошла в свою спальню и вернулась с вешалкой, на которой висел мужской вечерний пиджак.

Она протянула его мне. Конечно, я вмиг все поняла, и на меня нахлынули воспоминания о вечере нашего знакомства.

– Ты хранила его все эти годы? – удивилась я.

– Ну, я же обещала, разве не помнишь?

Я улыбнулась.

– Эл, ты простишь меня? Я вовсе не хотела…

– Уже простила, – кивнула я. Мне, как и ей, не терпелось снова задвинуть эту тему подальше. – И хватит нам это обсуждать.

– Просто хочу, чтобы ты знала: была только одна женщина, которую Эдвард мог когда-либо любить. Это не я. И не кто-то другой. Элоиза, это всегда была только ты.

Я прижалась носом к вороту пиджака и вдохнула запах нафталиновых шариков, любимых свечей Милли и… воспоминаний.

Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен.

Глава 31

Валентина

– Доброе утро, – говорит Лайза, влетая в магазин с охапкой нежно-розовых цветов – я различаю розы и пионы, – чтобы поставить их в ведро с водой у окна. – Ну как, весело было в «Секс-рыбе»?

Удивленная Милли поднимает глаза от стола.

– Секс кто? – Она качает головой. – Девушки, вы о чем?

– Это ресторан в Мейфэйре, или клуб, ну, вроде того. – Я улыбаюсь Лайзе и поворачиваюсь к Милли, которая обеспокоенно смотрит на экран компьютера. Я знаю, как она волнуется. Я тоже волнуюсь и постоянно заглядываю на страницу GoFundMe на телефоне. Колонка Эрика в газете послужила стартом, но, к сожалению, у нас все еще не хватает денег.

– Ну и что ты потом делала вчера вечером? – спрашивает Лайза, не обращая внимания на настроение Милли. – Сразу поехала домой?

– Нет, забрела на Беркли-сквер, – отвечаю я, – а там столкнулась с Эриком. – Я чувствую на себе взгляд Милли. – Мы немного поговорили. Фиона от него ушла.

– Скатертью дорога, – говорит Милли.

– То есть что же – наш Шекспир *свободен*?

– Он журналист, а не драматург, дорогая моя.

– Да какая разница, главное, что он избавился от этой жуткой девицы.

– Я тоже за него рада, – говорю я, вспоминая наш вчерашний разговор. – Он выглядел счастливым.

Перед магазином останавливается черный автомобиль представительского класса, вероятно, тот же самый, который я на днях уже видела, хотя и не сказала об этом Милли. Вероятно, очередной застройщик. Они слетались к магазину, как стервятники.

Машина отъезжает, и я вздыхаю, переключая внимание на звонящий телефон.

– Простите, это не Валентина Бейкер?

– Я вас слушаю.

– О, хорошо. Миссис Бейкер, это Билл Фэйрчайлд, менеджер по работе с клиентами из лондонского отделения банка «Траст».

– Да?

– Миссис Бейкер, это крайне необычно, но мы только что получили телеграфное уведомление для вашего счета.

– Простите? – говорю я, протирая глаза. Всего половина десятого утра, а я уже ничего не соображаю. – Не поняла. Вы хотите сказать, что чек был аннулирован? – Мне пришло в голову, что Милли, возможно, оплатила счет до того, как стали ясны результаты сбора средств.

– Нет, мэм, – продолжает он. – Как раз наоборот. На ваш счет поступил вклад, и довольно крупный.

– Подождите, что?

– Миссис Бейкер, на ваш счет только что было переведено триста тысяч фунтов.

– Постойте, это что, какой-то розыгрыш?

– Уверяю вас, это не розыгрыш.

– Кто мог послать такие деньги? – спрашиваю я с колотящимся сердцем.

– На квитанции о переводе нет имени, только номер счета. Я мог бы выяснить, если хотите.

– Да, – говорю я, постепенно осознавая происходящее. – Сэр, вы знаете, что это значит для нас? Вы представляете? – Милли и Лайза ловят каждое мое слово, хотя и слышат только половину разговора.

– Мэм, – говорит он. – Я не в курсе дела. Я всего лишь банковский служащий.

– Значит, – продолжаю я, – вы замечательный, потрясающий, блестящий банковский служащий. Понимаете, вы только что сообщили мне, что наш маленький книжный магазин в Примроуз-Хилл теперь не закроется. Я готова расцеловать вас! – Я чмокаю телефонную трубку, бросаю ее на рычаг и перепрыгиваю через прилавок. – Вы только представьте!

Лайза ухмыляется.

– Ты раздобыла рецепт булочек с корицей из «Кафе Флора» и они не содержат калорий?

– Еще лучше! – кричу я. – Кто-то только что перевел на наш счет триста тысяч фунтов. Триста тысяч!

Милли недоверчиво изучает мое лицо.

– Это правда? «Книжный сад»… выживет?

– Выживет и расцветет!

Лайза подходит к окну, подхватывает Перси, и в этот момент тот же черный автомобиль возвращается и на сей раз паркуется у входа.

– Почему бы вам, ребята, не отвалить куда подальше, – говорит она в окно.

– Ну и нервы у этих людей, – говорит Милли. Но когда водитель выходит и открывает пассажирскую дверь, помогая пожилому джентльмену выйти на тротуар, ее глаза становятся большими, как блюдца.

– Милли, – говорю я. – Кто это?

Звенят колокольчики, и почтенный пожилой господин входит внутрь.

– Привет, Милли, – говорит он. Его редеющие седые волосы аккуратно причесаны, одежда свежевыглажена. Для человека, которому под семьдесят, он красив, и видно, что в свое время был еще красивее.

Милли как будто увидела привидение, и, возможно, так оно и было.

– Как же это было давно.

– Я слишком долго отсутствовал, – говорит он. – Но все равно я всегда был рядом.

– Значит, ты знаешь, что Элоиза… умерла.

Мы с Лайзой обмениваемся взглядами.

– Да, – серьезно говорит он. – И я успел попрощаться.

Милли с усилием сглатывает.

– О… – Она замолкает, постепенно осознавая его присутствие. – Я… рада… за вас обоих.

На его рубашку падает несколько капель воды, и он поднимает глаза к потолку. Милли вздыхает.

– Нужно позвонить подрядчику. Похоже, трубы снова протекают.

– Ничего, химчистка с этим справится, – говорит он, расстегивая рубашку, и я вижу слабые очертания… татуировки. Рисунок на стареющей коже потерял четкость, но до меня наконец доходит. Я потрясена.

– Скрипка, – вырывается у меня, и наши взгляды встречаются. – Вы сделали татуировку, потому что… всегда хотели, чтобы у вас в

ушах звучала музыка, верно?

– Верно, юная леди, – говорит он с улыбкой.

– Эдвард?

– Да.

– Человек, которого любила моя мама.

– О, а как я ее любил, – говорит Эдвард. – Элоиза была самой яркой звездой на моем небосклоне. И остается. А вы, должно быть, Валентина.

Я киваю.

– Ты в точности такая, как описывала твоя мать. Красивая, как и она. Добрые глаза. – Он кивает. – И у тебя ее нос.

– Правда? – говорю я, невольно дотрагиваясь до кончика носа.

– И она так любила тебя.

Его слова для меня как печать «Одобрено» на официальном документе, который можно подшить к делу и возвращаться к нему в моменты, когда мне больше всего требуются доказательства.

– Это вы, правда? Вы прислали деньги. И спасли магазин.

Он делает глубокий вдох.

– Ну, я никак не мог остаться в стороне и смотреть, как лучший книжный магазин Лондона превращается в очередной унылый многоквартирный дом. Жаль только, что я не знал о ваших неприятностях раньше. Элоиза об этом не упоминала, но потом я увидел статью в газете, боюсь, немного поздно, но, надеюсь, не слишком.

Милли просто кивает, не в силах обрести дар речи.

– Я… я не знаю, что сказать, кроме как… спасибо. Большое тебе спасибо.

– Ну, – говорит он с улыбкой, – хватит о скучном. Нам нужно многое наверстать. – Он смотрит на Милли, а затем на меня. – Я пришел пригласить вас обеих на ланч. Для меня было бы большой честью провести немного времени с двумя людьми, которых любила Элоиза.

– Да, – немедленно отвечаю я. – С удовольствием.

– А ты, Милли? – продолжает он. – Пойдешь с нами?

Она смотрит отстраненно, словно возвращается к главе старой любимой книги, которая когда-то взволновала ее сердце и волнует до сих пор.

– Спасибо, нет, – наконец говорит она. – Идите вдвоем. У меня здесь… много дел.

Эдвард, похоже, разочарован, но Милли приняла решение. Он поворачивается к окну и делает знак водителю, ожидающему на улице.

– Подожди, – говорит Милли. – Прежде чем ты уйдешь. У меня… есть кое-что для тебя.

Мы наблюдаем, как она идет в заднюю комнату и мгновение спустя возвращается с сумкой для одежды, которую вручает Эдварду. Он расстегивает молнию, и мы видим мужской пиджак.

– Помнишь?

– Как будто это было вчера, – говорит он.

– Эл попросила меня сохранить его, и… я хранила.

– Дэвид, – с улыбкой говорит он, поворачиваясь к водителю. – Пожалуйста, позвоните в «Кларидж» и закажите столик. Лучший, если возможно. Я старик, но мне очень повезло. Я приглашаю на чай одну из самых красивых женщин Лондона. – Он подмигивает мне. – И я надену этот смокинг, с которым расстался в 1968 году.

Эдварду уютно в прошлом, и я поощряю его идти по дороге, по которой ведет его память: там я могу мельком увидеть маму.

Потому что она там, с ним.

Сначала на балконе Королевского автомобильного клуба, где они случайно встретились, посмеялись и поговорили, заканчивая друг за друга фразы. И условились встретиться следующим вечером.

Эдвард рассказывает мне, как он нарисовал ей карту уединенного бара-библиотеки, который обнаружил еще в детстве, и как она поделилась своей мечтой открыть книжный магазин, а потом разговор был прерван срочным сообщением. Которое оказалось ложным.

– В тот вечер моя сестра увидела меня с Элоизой на балконе, – сказал он. – Она посеяла в моей семье семя беспокойства. Видишь ли, она полагала, что девушка из Ист-Энда, какой бы яркой и великолепной она ни была, – неприемлемая пара для наследника значительного состояния. – Он делает глоток чая, и когда ставит чашку обратно на блюдце, я замечаю, что его рука слегка дрожит. – Мне было наплевать на предрассудки Женевьевы, но любовь родителей была для меня важна. Мне потребовалось некоторое время, чтобы убедить их, что если я и женюсь, то по любви, и только по любви. В конце концов они это поняли.

– Но для вас с мамой оказалось слишком поздно?

– Я надеялся, что не будет, – продолжает он. – Но несколько месяцев спустя я увидел ее в клубе Ретта за ужином. Я был с другой женщиной, а она – с… твоим отцом. – Он с трудом сглатывает. – Она выглядела… такой красивой. Мне потребовались все силы, чтобы не смотреть на нее. – Он кивает. – После этого я звонил ей несколько раз, но так и не дозвонился. Мне нужно было снова увидеть ее, поэтому, как и в вечер нашего второго свидания, я устроил для нее охоту за сокровищами, оставляя поблизости подсказки.

Я улыбаюсь.

– Так мы снова нашли друг друга, и это было… волшебно. Она была волшебной. Больше всего на свете мне хотелось начать жизнь с ней прямо там и немедленно; она тоже этого хотела. В конце концов, сердце хочет того, чего оно хочет. Но, как и прежде, время оказалось нашим врагом.

– Что вы имеете в виду?

– Она уже приняла предложение твоего отца выйти за него.

– И она ждала ребенка, – добавляю я. – Милли мне сказала.

– Да, – говорит он.

Когда-то я любила рассматривать свадебную фотографию родителей, на которой мама была в белом платье. Но я понятия не имела, что скрывалось под этим платьем: беременность, связавшая ее с папой, который увез ее в Калифорнию, и за этим последовал неизбежный выкидыш.

Эдвард усиленно моргает, сдерживая слезы.

– Как видишь, время трагичным образом работало против нас.

Я киваю.

– Как и Элоиза, я женился на другой. У нас была счастливая жизнь, двое детей. Глядя на нас со стороны, можно было подумать: вот оно, семейное счастье. Но на самом деле мое сердце принадлежало другой. Когда я услышал, что Элоиза вернулась в Лондон, мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не навестить ее. Я не стал этого делать из уважения к жене. Но через год после ее смерти я наконец пришел к Элоизе. Она уже была тяжело больна, и у нас оставалось не так много времени. Но я дорожу теми днями, которые мы провели вместе в конце ее жизни. Всегда буду дорожить.

– Ничего себе, – говорю я и качаю головой, пытаясь осмыслить услышанное.

– Мне жаль, что ты узнаешь это от меня, а не от своей мамы. – Он опускает взгляд на бумажный пакет на соседнем стуле. – Но у меня есть кое-что для тебя – от нее.

Он кладет пакет себе на колени, и я вытаращиваю глаза.

– Она попросила меня найти тебя и передать тебе это. Мне жаль, что это заняло у меня так много времени. – Я смотрю, как он достает маленькую деревянную коробочку. На крышке безошибочно угадываются слова «Чувства Цицерона». Он вкладывает ее мне в руки, я поднимаю крышку и извлекаю запечатанный конверт: ключ, который я искала.

Моя дорогая Вэл, теперь ты встретилась с Эдвардом, и я надеюсь, что вы подружились. Как и ты, он был тем, кого я любила перед смертью, и буду любить его в вечности. Хотя моя жизнь пошла не совсем по плану, у меня было то, чего нет у многих людей, – настоящая любовь, пусть даже она сопровождалась душевной болью. Но настоящее счастье для меня – знать, что вы вместе, возможно, именно сейчас. Я мечтала об этом моменте тысячу раз. Жаль только, что меня нет с вами. Вэл, у меня столько желаний…

Теперь последняя подсказка: Перси покажет тебе дорогу, а ключ ты найдешь у Милли.

Я буду ждать.

С любовью,

мамуля

Эдвард не спрашивает, о чем написала мама, и я ему не говорю. Некоторое время мы молча сидим рядом, уставившись на маленькую вазу с нарциссами на столе.

Вылезая из такси, я перепроверяю адрес, который написал мне Дэниел, и глубоко вздыхаю, поднимаясь по ступенькам особняка, где он вырос. Это очаровательный дом в самой красивой части Ноттинг-Хилла.

На двери висит венок из лавровых листьев, и я наклоняюсь, чтобы вдохнуть аромат, который напоминает мне о Калифорнии.

Прежде чем я поднимаю руку, чтобы постучать, дверь распахивается, и появляется симпатичная, хорошо одетая женщина лет

шестидесяти. Она протягивает ко мне руки.

– А вот и ты! – говорит она. Каштановые волосы свободными локонами обрамляют ее лицо. – Мы будем так рады познакомиться с тобой, Валентина! Пожалуйста, входи! Я мать Дэниела, Барбара. – Она точная копия Дэниела; у них одинаковые глаза. – Ах, какая ты красивая, он так и говорил. Пойдем-ка в дом. Говорят, вечером будет снегопад!

– Привет, детка, – говорит Дэниел, приветствуя меня быстрым поцелуем. Наклонившись ко мне, он шепчет: «Мама уже влюбилась в тебя».

Я улыбаюсь. Он берет меня за руку и ведет в гостиную.

– Ты сказала, что пойдет снег? – спрашивает он, пока Барбара наливает нам по бокалу вина. – У мамы есть сверхъестественная способность: о погоде она знает все.

Она кивает.

– Только что услышала в новостях. Говорят, надвигается фронт, может быть, даже метель.

Дэниел хмурится.

– Серьезно? Только снега нам не хватает. Ненавижу эту мерзость.

Я поворачиваюсь к нему.

– В самом деле? Ты ненавидишь снег?

– Именно, – говорит он, мотая головой. – Он только все портит. Два года назад один из моих проектов застопорился из-за снегопадов.

– Так было всегда, – замечает Барбара. – Даже в раннем детстве он не интересовался снегом. – Она пожимает плечами. – Дэниел всегда знал, что ему нравится, а что нет.

– Ну, – говорю я, – я, например, думаю, что в снеге есть… что-то волшебное.

– Говорит та, что выросла в солнечной Калифорнии, – парирует он.

Я держусь твердо.

– Какая разница, кто говорит! Кроме того, я провела вторую половину детства в Сиэтле, забыл?

Он кивает, но мой аргумент не имеет никакого веса – он против снега, и все.

– Папа, – говорит он, когда я смотрю в окно, желая увидеть первую снежинку. – Присоединяйся к нашей дискуссии. – Ты в команде Снеговиков или нет?

Его отец, довольно красивый седовласый мужчина, вскакивает на ноги, не обращая внимания на мою протянутую руку. Как и его жена, он предпочитает обнять меня.

– Сынок, я в той команде, в которой состоит эта очаровательная молодая леди.

– Команда Снеговиков растет, – говорю я, и Дэниел качает головой.

Я знакомлюсь с сестрой Дэниела, Эвелин, Эви, которая, как мне сказали, на шестом месяце беременности и ждет девочку. Ее муж Марк молча улыбается рядом с ней. Оба мне очень нравятся. На самом деле, они все замечательные. Каждый по-своему.

Дэниел сжимает мое бедро под столом. Его сестра и мать подают ужин, блюдо за блюдом: куриное карри, рисовый пилав, салат и блюдо приготовленных на пару овощей.

– Расскажи нам о Шотландии, дорогой, – говорит Барбара, передавая Дэниелу рис и сияя от гордости.

– Было холодно, – говорит он. – Жутко холодно. Но нам удалось снять нужные кадры до того, как камеры превратились в кубики льда.

Эви наклоняется, выкладывая куриное карри на тарелку Марка, а потом на свою.

– Дэниел, напомни мне, о чем твой фильм.

– О кораблекрушении, – говорит он. – Оно случилось в 1908 году, а причина так и не установлена.

– Превосходно, – говорит его мать и поворачивается ко мне. – Дэниел всегда выбирает самые интересные темы.

Я улыбаюсь.

– Это правда, – продолжает он. – Но интереснее всего одна малоизвестная деталь: на борту оказалась некая британская графиня, имевшая связи с королевской семьей, и после этого ее больше никто никогда не видел. Согласно историческим источникам, она погибла в результате несчастного случая во время прогулки верхом, но моя съемочная группа нашла ее имя в списках пассажиров судна.

– Вот как! Неужели? – восклицает Эви. – Значит, ее смерть была ширмой?

– Возможно, – говорит он с лукавой улыбкой. – Но тебе придется посмотреть фильм, тогда все узнаешь. Я отказываюсь портить финал – даже для семьи. Кроме того, вчера я подписал договор о неразглашении… с «Нетфликс»!

– Что? – говорю я, поворачиваясь к Дэниелу. – Это невероятно!

– Родители уже знают, – продолжает он. – Но тебе я хотел сказать отдельно.

Я улыбаюсь.

– Действительно, эту новость стоит отпраздновать, – говорю я, чокаясь с ним бокалами.

– Это был величайший сюрприз для меня и команды. То есть мы знали, что вопрос рассматривается, но понятия не имели, что он будет решен так быстро и с таким энтузиазмом.

– Я горжусь тобой, Дэнни, мой мальчик, – говорит Барбара, снова поворачиваясь ко мне. – Как мы тут будем без него, когда он переедет в Индию?

Я поворачиваюсь к Дэниелу, моя улыбка гаснет.

– В Индию?

Он смотрит на мать, потом снова на меня.

– Мама… выдала меня слишком рано, – говорит он, запинаясь. – Я просто не успел тебе сказать. Но честное слово, я собирался. Как раз сегодня вечером. – Он с усилием сглатывает.

– Боже милостивый, Дэниел, – восклицает Барбара. Я не пойму, то ли она ругает его, то ли вот-вот расплачется. – *Ты ей не сказал?*

Он касается моей руки.

– Вэл, это всего на год, может быть, меньше. Это невероятная возможность, шанс поработать над самым важным фильмом в моей карьере – может быть, даже в моей жизни. Netflix оказывает нам огромную поддержку. Я знаю, мы с тобой только… начинаем, но… я надеюсь, ты понимаешь, что я… должен поехать.

Я отвожу взгляд, и он снова тянется к моей руке.

– Ты бы… поехала со мной? – продолжает он.

– Дэниел, – говорю я, пытаясь подобрать правильные слова. – Все в порядке. Правда. Я очень рада за тебя.

– Ну, они точно в тебя влюбились, – говорит Дэниел, когда мы выходим из дома его родителей. На улице очень холодно, но снежинок пока нет.

– Они прекрасны.

Несколько мгновений мы идем молча и без цели. Наконец он снова заговаривает.

– Послушай, я хочу извиниться за мамины слова. Я сам собирался сказать тебе… сегодня вечером. – Он выглядит таким же красивым, как и всегда, в своих темных джинсах и куртке, на подбородке намек на щетину. – Я должен был поднять этот вопрос раньше. Я… Думаю, я просто боялся.

– Боялся?

– Послушай, я знаю, что все это некстати. Ужасно некстати. Но я наслаждался каждой минутой, которую мы проводили вместе, и боялся, что если расскажу тебе об Индии, ты… исчезнешь.

– При всем моем уважении, – говорю я, – ты должен был сказать мне.

Он вздыхает.

– Ты права. Извини.

Я вижу приближающееся такси и убыстряю шаг.

– Мне, наверное, пора.

– Вэл, пожалуйста, – говорит Дэниел, указывая на скамейку перед закрытым кафе. – Давай поговорим еще немного?

Я киваю и сажусь рядом с ним на скамейку.

– О чем тут говорить? Ты уезжаешь в Индию.

Он открывает рот, чтобы возразить, но я останавливаю его.

– Дэниел, ты даже снег не любишь!

– Не люблю, – признает он.

– Вот видишь! – чувствую, что начинаю мыслить все более ясно. – А я люблю снег!

– Зато мы оба ненавидим баклажаны. У нас есть что-то общее!

Я хмурюсь.

– Похоже, это единственное, что у нас общего, – кроме книги, которую мы оба любим. Наши глаза на мгновение встречаются, но он быстро отводит взгляд и потирает шею, как будто мое замечание вызвало у него острую боль.

– Вэл, послушай, – наконец говорит он. – О, черт, даже не знаю, как сказать.

Я округляю глаза.

– Ты гей? Женат? Или нет: ты только выдаешь себя за успешного документалиста и не едешь ни в какую Индию!

Он смеется.

– Нет, все мимо. Но, честно говоря, любой из этих вариантов был бы… проще, чем то, что мне нужно тебе сказать.

– Что же?

– Эти заметки на страницах твоей книги… они… не мои. – Он вздыхает, его глаза полны сожаления.

– Что ж ты сразу не сказал?

– Нужно было сказать, – отвечает он. – Но, послушай, когда я познакомился с тобой, все это было так… удивительно. Ослепительная, интересная американка, которая взяла и появилась в моей жизни из ниоткуда. Да, я должен был сразу же расставить точки над «i», но что потом? Упустить возможность познакомиться с тобой поближе?

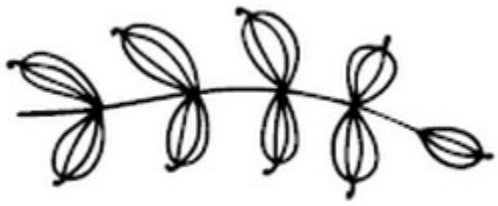
Он пытается поймать мой взгляд, но я отворачиваюсь.

– Извини, – говорит он. – Это уже второе извинение за вечер. Я сегодня в ударе.

– Мне тоже очень жаль, – говорю я, вставая при виде приближающегося такси. – Слушай, мне понравилось знакомство с твоей удивительной семьей и… с тобой. Но мне пора. Удачи тебе в Индии. Удачи во всем.

– Но постой, – говорит он, протягивая ко мне руку, но я ее не беру.

– Прощай, Дэниел.



Глава 32

Элоиза

Милли вошла в магазин и поставила в вазу на прилавке букет пионов.

– Доброе утро, – поздоровалась она, но я не улыбнулась. – Почему ты такая мрачная?

– Сегодня… день рождения Валентины. Ей восемнадцать.

– О, Эл, – прошептала Милли, положив руку мне на плечо, и мы обе посмотрели на фотографию моей дочери: она стояла на прилавке магазина с самого открытия.

Я смахнула слезу с правой щеки, поймав ее на полпути.

– Прошло шесть лет с тех пор, как я видела ее в последний раз. Как ты думаешь, какая она сейчас?

– Легко себе представить, – ответила Милли. – Она энергичная, вдумчивая и страстная – совсем как ты.

– Надеюсь, она счастлива. – Замолчав, я вытащила конверт, который перед этим засунула в задний карман джинсов. – Думаю, это будет мое последнее письмо. Вероятно, этой осенью она отправится в колледж, и даже если Фрэнк все это время не перехватывал ее почту, его не остановишь, когда Вэл будет в отъезде. Моя единственная молитва – чтобы она знала, как сильно я ее люблю.

– Конечно, она знает, – сказала Милли, бросая взгляд на плетеную корзинку, которую держала в руках. – Судя по твоему виду, тебе не помешало бы взбодриться, и, к счастью, у меня есть как раз то, что нужно. Она поставила корзину на прилавок, и из нее робко высунул голову пушистый котенок.

– В настоящем книжном магазине должен быть кот, – сказала Милли.

Засмеявшись, я подхватила крошечное существо на руки.

– Посмотри на себя, – сказала я котенку. – Ты просто прелесть.

– Это котик, и ему нужно придумать имя.

– Легко, – сказал я, улыбаясь. – Мы назовем его именем, которое выбрали еще в школе, помнишь?

Милли кивает.

– Персиваль – сокращенно Перси.

– Добро пожаловать в семью, Перси!

Колокольчики на двери зазвенели, и в магазин вошла женщина с маленькой дочерью.

– Поможешь мне найти книжку? – спросила девочка и взвизгнула от восторга, заметив котенка.

– Конечно, помогу! – сказала я, обойдя прилавок и опустившись рядом с ней на колени. – Ну-ка, расскажи мне. Какую ты бы хотела почитать историю?

– Радостную, – сказала она.

Я кивнула.

– Хорошо, давай найдем тебе то, от чего ты будешь улыбаться. – Мы вместе прошли в детский отдел, и я начала внимательно изучать полки. – Как тебя зовут, милая?

– Анна Мария, – сказала она.

– Вот что, Анна Мария, когда моя дочка была примерно твоего возраста, знаешь, что я ей сказала?

– Что? – Она пристально посмотрела на меня большими голубыми глазами.

Я кивнула.

– Что лучшие книги выбирают тебя сами.

Она в замешательстве посмотрела на мать, потом снова на меня.

– Ты хочешь сказать, – спросила она, положив руку на край ближайшей полки, – что у книг есть чувства?

– Да, – сказала я с улыбкой. – И они откроются только тебе. Хотя это несложно. Все, что нужно сделать, это прочитать написанное на страницах.

Девочка задела локтем боковую стенку полки и с визгом отскочила. На пол посыпались десятки книг, и лишь одна осталась на своем насесте. Ее книга.

– Мамуля, мамуля, – закричала она, протягивая руку, чтобы взять «Маленький домик»[29], рассказ о крошечном сельском доме, попавшем в центр стремительной городской жизни.

– Вот видишь, – сказала я, улыбаясь. – Она предназначалась для тебя.

Глава 33

Валентина

На следующий день

«Книжный сад» кипит своей обычной энергией, но почему-то сегодня все это сопровождается восхитительным гулом – так иногда старик радостно насвистывает во время прогулки, когда в его жизни все спокойно. Покупатели входят и выходят, поставки оформляются, растения и цветочные композиции заполняют тележки в передней части, книги попадают в новые руки; все так, как было всегда, без тревог о будущем магазина, тайно омрачавших наши души.

– Посмотри, что я нашла сегодня утром, – говорит Милли, протягивая мне основательно зачитанный экземпляр «Маленького домика». В детстве я ее очень любила. Я знаю, что книжка была впервые опубликована в 1942 году: об этом мне сказала мама. – Покупатель принес коробку подержанных книг. Загляни внутрь. Это первое издание.

– Потрясающе, – говорю я, пролистывая страницы. Иллюстрации вызывают парад воспоминаний, которые размахивают флагами и бьют в барабаны, требуя моего внимания. Мне пять лет, я листаю книгу и смотрю на… маму. «А маленькому домику было грустно? Он скучал по детям?»

Я фотографирую книгу на фоне оживленной сцены в магазине, публикую на @booksbyval и пишу импровизированный пост.

Я помню, как мама в детстве читала мне эту книгу. Это история об особенном доме. Как и здание, в котором я сейчас стою, этот дом – последний оплот на пути растущего города. Он гордо возвышался на зеленом холме, где дети весной играли на лугу, а зимой катались на коньках по замерзшему ручью. Но перемены подкрались, как темная туча, принеся с собой модернизацию и прогресс, автомобили и поезда, а также все больше и больше людей.

К концу книги маленький домик оказывается посреди шумного города, выросшего вокруг.

Здесь нет ни ручья, ни луга.

Его крыша покрыта городской копотью, а над головой больше нет голубого неба.

Но маленький домик нашел свой путь – обратно в деревню, обратно к детям, обратно к ручью. Я рада сообщить, что у истории с «Книжным садом» такой же счастливый конец. Наши цели по сбору средств достигнуты, и любимый многими книжный магазин будет жить дальше. И до тех пор, пока это в моих силах, я буду стараться, чтобы он жил.

Я откладываю телефон и лезу в сумку, чтобы достать шкатулку с Цицероном, которую мне дал Эдвард.

– О, смотри-ка, ты ее нашла! – восклицает Милли. – Где?

Я улыбаюсь.

– Просто… попалась под руку. – Она наклоняется ближе, и мы вместе перечитываем последнюю мамину подсказку: о том, что Перси покажет мне дорогу, а у Милли есть ключ.

Она кивает сама себе.

– Да. Она сказала, что я пойму, когда ты будешь готова.

– К чему готова?

Она лезет в ящик под прилавком и говорит:

– Пойдем со мной.

Перси неторопливо идет вперед, в дальний угол магазина, и с мурлыканьем останавливается рядом с разделом истории. Край полки покрыт следами когтей – давняя любимая когтеточка.

Перси покажет тебе дорогу.

Я осматриваю полки, пытаясь отыскать в рядах корешков хоть что-нибудь – что угодно. Мне бросается в глаза книга о Париже времен нацистской оккупации, потом путеводитель по Стамбулу. Но что именно я ищу?

Милли достает из кармана ключ и нажимает на край ближайшей полки. Она отодвигается на петлях, а позади фальшивой полки оказывается дверь с висячим замком.

– Что это такое? – спрашиваю я, и мое сердце бьется быстрее.

Она улыбается.

– Тайная библиотека твоей мамы.

Я с пристальным вниманием наблюдаю, как она вставляет ключ в замок.

Ключ у Милли.

– Она считала, что в каждом уважающем себя книжном магазине должно быть такое место. И как только мы открыли «Книжный сад», она превратила старый подсобный чулан в… ну, вот это.

Петли скрипят: Милли открывает дверь, выпуская наружу застоявшийся воздух и запахи, знакомые каждому любителю книг, а особенно этот: розовая вода и кожа, плесень и старая бумага. В углу стоит маленькое кресло, а поместиться здесь могут два человека, и то потеснившись.

– Ей нравилось находиться в окружении своих любимых книг, – говорит Милли. – Я не была здесь с тех пор, как… она заболела.

Она наблюдает, как я провожу рукой по краям одной из полок. Я узнаю некоторые названия: старые друзья. Другие для меня неожиданны, но ясно, что каждая книга выбрана по особой причине.

– Она всегда говорила, что о человеке можно многое рассказать по книгам, которые он хранит, – говорю я.

Милли кивает. Я просматриваю названия на каждой полке в поисках подсказок о внутреннем мире матери. Один корешок останавливает мое внимание.

– Поверить не могу, – говорю я, внезапно чувствуя, что у меня перехватывает дыхание. «Последняя зима».

Я впервые прочла роман задолго до маминой смерти, и это открытие мало похоже на совпадение, скорее подтверждает то, что она всегда говорила: книги сами находят тебя, а в данном случае нас обеих. То, что она хранила этот роман здесь, в своей драгоценной библиотеке, означало, что он был таким же важным для нее, как и для меня.

– Это не единственный сюрприз, – говорит Милли, улыбаясь. – Загляни под сиденье: там финальный аккорд. – Она указывает на мягкую скамейку, поставленную вдоль стены, и выскальзывает в дверь, оставляя меня одну в святая святых моей мамы. Я провожу рукой по серой ткани. Она немного потерта, и на швах не хватает нескольких пуговиц, но она напоминает мне похожую скамейку – ту, что стояла в моей детской спальне в Санта-Монике. Я хранила внутри нее свои самые ценные игрушки.

Я приподнимаю край, и сиденье откидывается. Внутри две картонные коробки. К крышке одной из них приклеен конверт с моим именем. Я хватаю его и поспешно разрываю.

Милая доченька, поздравляю! Вот и конец нашей небольшой охоты за сокровищами. Надеюсь, тебе она понравилась так же, как мне понравилось собирать для тебя подсказки. Я хотела, чтобы ты узнала мой маленький мир в Примроуз-Хилл, познакомились с людьми, которых я так нежно люблю, и чувствовала себя как дома.

Еще я хотела, чтобы ты узнала меня. Мы с тобой упустили так много времени, которое могли бы провести вместе, и я всегда буду жалеть об этом больше всего на свете. Но я молюсь, чтобы письма, которые я писала тебе много лет, – они в этих коробках – помогли нам кое-что наверстать. Я разложила их по датам, так что можешь начать с самого начала. Надеюсь, ты все поймешь.

Величайшим несчастьем моей жизни было оставить тебя. Я молюсь, чтобы когда-нибудь ты простила меня, моя маленькая птичка.

Я люблю тебя,

мамуля

Я вытираю слезы, приоткрываю первую коробки и ахаю. Как и написала мама, там лежат десятки толстых пачек писем, перетянутых резинками. Я беру первую и вытаскиваю верхнее письмо. Оно адресовано мне, но не распечатано. Дата на почтовом штемпеле – 13 июня 1990 года. Я со слезами на глазах открываю конверт и достаю аккуратно сложенный листок.

Валентина, как поживает моя драгоценная дочурка? Я только что приехала в Лондон и остановилась у Милли, пока думаю, что делать дальше. Как бы хорошо ни было дома, я ужасно скучаю по тебе. Я не хотела ехать, но папа сказал, что так надо. Не этого я хотела, но так и должно быть. Пожалуйста, не волнуйся. Я скоро буду дома, а пока Бонни с папой присмотрят за тобой. Тем временем я буду писать тебе каждый день и любить тебя каждую минуту. Мне так много нужно тебе сказать, и со временем я скажу. А пока просто знай, как сильно я скучаю по тебе – и как сильно болит мое сердце.

Из Лондона с любовью,

мамуля

У меня тоже болит сердце. Кажется, оно вот-вот разорвется, особенно после того, как я достаю еще одну пачку писем, и еще одну.

Все они от мамы, все адресованы мне, все нераспечатанные. Отец, должно быть, скрывал от меня ее письма – и все же она продолжала писать. Каждый день. Я вспоминаю все письма, которые писала ей, – как я каждый день передавала их папе, чтобы он наклеил марку и отнес письмо на почту. Их он тоже перехватывал? Не поэтому ли он чувствовал такое раскаяние под конец жизни, когда то и дело просил у меня прощения?

Чувствуя слабость и злость, я опускаюсь в кресло. Но впервые за столь долгое время наконец чувствую себя любимой.

Глава 34

Элоиза

Семнадцать лет спустя

День св. Валентина

В книжный магазин вошел курьер с огромным букетом роз цвета слоновой кости и розовых.

– Элоиза Бейкер?

– Да, – слегка смутившись, ответила я. – Это, наверное, какая-то ошибка. – Кто мог прислать мне цветы?

Он пожал плечами и протянул конверт. Разорвав его, я прочитала открытку:

Элоиза, если бы я был сельским фермером, а ты утонченной хозяйкой книжного магазина, вышла бы ты за меня, стала бы владычицей моего сердца?

Твой, всегда и навеки

Э.

Сначала я засмеялась, потом слезы защипали мне глаза. Эдвард.

Милли стояла на верхней ступеньке стремянки и приклеивала на витрину красные и розовые бумажные сердечки. Она заметила цветы на прилавке. Интересно, заметила ли она, что, когда я читала открытку, мир перевернулся.

– Кто это прислал? – спросила она, спускаясь.

– Один… покупатель, – сказала я. – Вероятно, в честь Дня святого Валентина. – С бешено колотящимся сердцем я сунула открытку в карман. Я хотела сохранить свой секрет, по крайней мере, на время.

Милли с любопытством наблюдала за мной, но тут в магазин вошла молодая женщина, и она повернулась к двери. Посетительница была, вероятно, ровесницей Вэл.

– Доброе утро, – весело сказала она. – Я насчет аренды квартиры на втором этаже.

– Да, – сказала я, придя в себя. Я повесила табличку на окне только вчера, после того как мы заменили в квартире плиту и отполировали деревянные полы.

– О боже мой, – вырвалось у нее. – Кажется я попала в самый прелестный книжный магазин всех времен и народов.

Немного за тридцать, подумала я, одета в несколько эклектичном стиле, но это соответствовало ее индивидуальности. Она мне сразу понравилась.

– Меня зовут Элоиза, – сказала я. – А это Милли.

Молодая женщина улыбнулась.

– А как ваше полное имя? Миллифред или Миллисент? Или, может быть, Миллесандра?

– Просто Милли.

– Что ж, очень рада познакомиться с вами, Элоиза и Просто Милли. А я Элиза, или Просто Лайза. Увы, мои родители не были начитанными, так что меня назвали не в честь Элизы Дулитл. Папа был автомехаником, а мама и школы не окончила. Честно говоря, не знаю, осилил ли кто-нибудь из них в своей жизни хоть одну книгу. То ли дело я. Прочитала их миллион. Я люблю книги. – Она развернулась, чтобы осмотреть магазин. – И, может быть, если мне повезет, я стану жить над всем этим морем историй. О, интересно, если я буду здесь жить, станут ли мне сниться самые сладкие сны?

Милли рассмеялась.

– Не уверена, но могу отвести вас наверх и показать квартиру.

Выражение лица Милли было точной копией моего – нечто среднее между весельем и недоумением. Я сразу же решила, что хотя Лайзу и не назвали в честь литературной героини, сама она была одним из самых интересных персонажей, которых я когда-либо встречала.

– Беру! – сказала она, едва войдя в квартиру.

– Живенькая какая, – заметила Милли после ухода Лайзы.

– И как раз то, чего нам не хватает, – согласилась я. – Молодая, кипучая энергия.

Милли посмотрела на украшенное сердечками окно и нахмурилась.

– Я вижу, твое предубеждение против Дня святого Валентина никуда не делось.

– Да, живет и крепнет, – ответила она; ей всегда был присущ романтический цинизм.

– Ну, можешь обзывать вздором и чепухой что угодно, но люди ждут, что книжный магазин по соседству будет оригинально украшен. – Я покосилась на цветы на прилавке. – Кроме того, кто

знает, что припас для нас Купидон? – Перси с красным бантом, прикрепленным к ошейнику, вразвалку подошел к нам и прижался к моей ноге. – И вообще, Милли, как ни старайся, меня тебе не одурачить. Под твоей крепкой броней бьется нежное сердце. И в один прекрасный день какой-нибудь мужчина войдет в эту дверь и сразит тебя наповал, вот увидишь.

– Мы не торгуем любовными романами такого пошиба, – сказала она с едва заметной улыбкой и спустилась со стремянки, чтобы взглянуть на украшенную витрину. – Это, по-твоему, не оригинально?

– Это прекрасно, – усмехнулась я.

– Вот и хорошо, – сказала Милли. – На День святого Патрика оформлением займешься ты.

– Идет. – Я замолчала и поморщилась: поясницу пронзила волна боли, и я схватилась за бок.

– Все хорошо, Эл?

– Да, – ответила я, немного задыхаясь. – Но это странно. В последнее время у меня начались непонятные боли в спине – возможно, просто проблемы с пищеварением. – Я отыскала за прилавком баночку адвила и приняла две таблетки.

– Когда ты в последний раз проходила медосмотр? – спросила Милли.

– Стыдно признаться, но не помню. Наверное, сразу после рождения Валентины.

– Элоиза, ты серьезно?

Я пожала плечами.

– Ты же знаешь, я никогда не болею.

– До поры до времени, – сказала Милли. – Тебе нужно сходить к доктору Хестеру. Просто чтобы убедиться, что все в порядке.

Я достаточно хорошо знала местного врача, но не как медика, а всего лишь как клиента, который в выходные приходил вместе с дочками-близняшками, чтобы выбрать новые книги.

– Когда я была у него месяц назад, – добавила Милли, – он сделал мне пару анализов, и оказалось, что у меня нехватка витамина D. Сейчас я принимаю добавку. Наверняка у тебя тоже авитаминоз. Нам всем не хватает солнечного света в этом чертовом городе.

– Хорошо, я запишусь к нему на прием, – сказала я, выглядывая в окно. Пусть день был невозможно серым, но прочитав открытку

Эдварда, я чувствовала только тепло солнца.

Через несколько минут перед магазином остановился грузовик FedEx и привез кучу посылок, в том числе одну очень большую коробку. Курьер положил упаковки на прилавок, и я расписалась за них.

– Вы, должно быть, новенький, – сказала я курьеру. – Кажется, мы еще не встречались.

– Да, – улыбнулся он. – Меня зовут Фернандо. Сегодня мой первый рабочий день.

– Я Элоиза, а это Милли.

– Рад познакомиться, – сказал он, взглянув на нашу витрину, и повернулся к Милли, которая решила приклеить с правой стороны еще одно розовое сердечко. – Красиво, – добавил он, когда она начала спускаться с лестницы. Она пропустила третью ступеньку, ее нога соскользнула, и Фернандо протянул руку, чтобы поддержать ее.

– Спасибо, – сказала она, краснея. – Хорошо, что вы тут оказались. Я могла подвернуть лодыжку.

– Было бы очень жаль, – сказал он, задерживая ее руку в своей. Милли возвышалась над его приземистой фигурой, но почему-то вместе они выглядели… очаровательно. Я улыбнулась про себя. Забавная получилась валентинка.

После его ухода я стала разбирать посылки, и адрес на большой коробке привлек мое внимание.

– Милли, – сказала я. – Смотри, это от… сестры Фрэнка из Сиэтла. – Я сразу узнала ее имя – Эллен Ривз, – хотя встречалась с ней всего несколько раз до нашего с Фрэнком развода. Что, черт возьми, она могла мне прислать?

Милли стояла рядом со мной, пока я проводила острым краем ножниц по заклеенному шву коробки и отгибала крышку. Внутри оказалось огромное количество писем – сотни и сотни. Я взяла одно, потом другое, третье, и земля поплыла у меня под ногами, и я вместе с ней. Все письма были от меня. Все адресованы Валентине. Ни одно не распечатано.

– Милли, – закричала я; мои руки тряслись. – Он… все эти годы скрывал мои письма. Он не давал Валентине читать их. Ни одного.

Она положила руку мне на плечо.

– Ох, Эл, не знаю, что и сказать. – Она вглядывалась в мое лицо. – Конечно, ты всегда подозревала что-то подобное, но, – добавила она со вздохом, – эта жестокость… за гранью понимания.

Заметив конверт, приклеенный скотчем к внутреннему краю коробки, я открыла его и прочитала вслух:

Дорогая Элоиза,

Это может стать для вас шоком, и мне очень жаль. После смерти моего брата Фрэнка в прошлом году я нашла эти письма в его кабинете и поняла, что вы заслуживаете того, чтобы они были у вас. Мне, как матери, показалось немыслимым, что он скрыл их от Валентины, но я уверена, что у Фрэнка были свои причины, и я не буду о них гадать, особенно сейчас. Я думала отдать их Вэл, но решила, что это не мое дело. Вместо этого отправляю их вам обратно. Надеюсь, когда-нибудь вы простите Фрэнка. Я могу только представить, как он сожалел обо всем в конце жизни. Он был неплохим человеком, хотя и тяжелым. И я знаю, что когда-то он действительно любил вас, очень сильно. Еще раз, я очень сожалею.

С наилучшими пожеланиями,

Эллен

Глава 35

Валентина

Год спустя

Сегодня первое декабря; утром мы с Милли застаем в магазине Лайзу, которая сражается с гирляндой белых елочных лампочек. Несколько месяцев назад она уволилась с должности личного помощника и перешла к нам на полную ставку, что меня очень радовало. Насколько я помню, письмо об увольнении, которое она отправила своему боссу, состояло всего из трех слов: «Пошел на хрен».

– Я нашла ее в подсобке, – говорит она. – И подумала, что можно уже начинать украшаться.

Я улыбаюсь, беру из открытой коробки рядом с ней искусственный рождественский венок и вешаю на входную дверь.

– Вот, – говорю я и подхватываю конец гирлянды. – Давай помогу.

– Спасибо, – говорит она и указывает на скамью под окном, где по стойке «смирно» выстроились десятки растений с рубиново-красными листьями. – Сегодня привезли пуансеттии, посмотри.

Я улыбаюсь, вспоминая свои детские рождественские праздники в Санта-Монике.

– Мама любила пуансеттии.

Вскоре в дверях появляется Фернандо с утренней доставкой. Он машет Лайзе и мне, затем быстро целует Милли. Ее кольцо, подаренное на помолвку, сверкает с другого конца комнаты.

– Я привез почту, – говорит он, выкладывая на прилавок большую стопку.

Милли перебирает корреспонденцию и вдруг останавливается: что-то привлекает ее внимание.

– Смотри, Вэл, тебе, – говорит она, протягивая мне открытку. – От Дэниела.

Я улыбаюсь при виде фотографии Тадж-Махала, переворачиваю открытку и читаю текст.

– Ну? – говорит Лайза, заглядывая мне через плечо. – Что он пишет?

– Говорит, что Индия – чудо, а его проект почти завершен. Собирается скоро вернуться, может быть, к Рождеству. – Я кладу открытку на стол. – Вам обеим передает привет.

– Как мило, что он вспомнил о тебе, – говорит Милли.

– Очень даже, – говорю я, хотя меня это мало взволновало. Перед его отъездом в Индию мы с Дэниелом решили, что наши пути расходятся, и за последний год я о нем почти не думала.

– Может быть, ваша история еще не закончилась, – говорит Лайза, отрывая взгляд от своей армии пуансеттий.

– А по-моему, закончилась, – пожимаю плечами я. – Но это и к лучшему.

Так оно и было. Впервые с тех пор, как я себя помню, я почувствовала себя счастливой. Совершенно счастливой. Я только что закончила косметический ремонт в квартире на третьем этаже – перекрасила кухню, обновила бытовую технику и переделала ванную. Несколько месяцев я читала мамины письма, не пропустив ни одного. Они принесли мне величайший дар – исцеление. Наконец-то я поняла ее, и теперь, когда смотрела ночью на звезды, я молилась, чтобы она тоже поняла меня. Наконец-то все встало на свои места, в том числе и я.

– Черт, – говорит Милли, роясь под столом. – Вот растяпа! Я же хотела попросить Фернандо отвезти коробку с книгами миссис Уилсон. Она болеет, а вчера пришел ее заказ.

Я беру коробку и смотрю на адрес.

– Это ведь недалеко?

– Довольно близко.

– Не волнуйся, я могу ей отнести, – говорю я. – Я как раз собиралась сегодня прогуляться.

– Спасибо, милая. Она будет благодарна. Но соберись с духом. Я слышала, обещают снег.

Я смотрю в окно, улыбаясь набегающим густым облакам.

– Хорошо бы пошел.

Около трех я зашнуровываю ботинки, на всякий случай заматываю шею шарфом и снимаю с крючка у двери большую сумку. Сунув в нее кошелек и пакет для миссис Уилсон, я перекидываю лямку через плечо и отправляюсь вниз по улице. По дороге я машу рукой Джону в

пекарне и Джен в кафе «Флора». Жизнь может приносить радость или печаль, миллион превратностей и поворотов, но Примроуз-Хилл останется неизменной до глубины своей души, выкрашенной в пастельные тона. Это меня успокаивало.

На крыльце я поздоровалась с миссис Уилсон. Она выглядела бледной, но когда я протянула ей коробку с книгами, ее лицо порозовело. От этого потеплело и у меня на сердце.

Я иду вперед, холодный воздух пощипывает щеки. Если я захочу возвратиться другой дорогой, можно двинуться по Принс-Альберт-роуд до парка Примроуз-Хилл. Я замечаю кафе в соседнем квартале и решаю зайти выпить кофе и согреть озябшие пальцы.

– Вам, похоже, не мешает попить горяченького, – говорит пожилой мужчина за стойкой.

– Да, пожалуйста, – говорю я и заказываю капучино. Нащупывая в сумке кошелек, я обнаруживаю внутри невесть как туда попавшую «Последнюю зиму» – а ведь я совершенно забыла о ней. Усевшись на стул у окна, я листаю страницы. Приятно встретить старого друга, пусть даже «Дэниел» оказался не совсем таким, как я ожидала.

Я прихлебываю кофе, вспоминая прошедший год, и мои мысли обращаются к Эрику. Несколько раз он заходил в книжный магазин, но я не видела его уже много месяцев. Милли говорила, что он получил журналистское задание во Франции. Интересно, он еще не вернулся? Тут я вспоминаю, что он давал мне визитку. Она должна быть где-то в кошельке – да, конечно, вот она, спряталась за просроченной картой Amex, которая у нас с Ником была одна на двоих. Надо будет разрезать ее, когда приду домой.

Эрик Уинстон, обозреватель, гласит визитка. Внизу напечатан номер мобильного телефона, и я не задумываясь набираю его. Эрик берет трубку после второго гудка.

– Привет, Эрик, это Валентина, – говорю я.

– Валентина, привет! Как дела?

– Все в порядке, спасибо. Почему-то я подумала о тебе… и решила позвонить, просто чтобы поздороваться. Ты вернулся из Франции?

– Как хорошо, что ты позвонила, – говорит он, – да, я уже три недели как дома. Чем занимаешься?

Я смотрю в окно на прохожих: маленькая девочка лет трех, не больше, обутая в розовые резиновые сапоги, подпрыгивает, держась за

мамину руку. Я думаю, как ей повезло, что она может держать свою мать за руку.

– Можно сказать, предаюсь воспоминаниям. Занесла клиентке книги, а потом пошла погулять и заскочила в маленькое кафе на горке.

– Что за кафе?

Я вглядываюсь в табличку на стене.

– Кафе «Гринберри».

– Шутишь, – говорит он. – Я живу прямо за углом.

– Правда?

– Ну да. Могу… зайти и поздороваться, если ты еще не уходишь.

– Конечно, – быстро говорю я. – Буду рада.

Несколько минут спустя дверь кафе со скрипом открывается, впуская порыв холодного воздуха. Я вздрагиваю, бросая взгляд в сторону входа. Эрик сразу же замечает меня и улыбается, медленно разматывая шерстяной шарф.

– Привет, – говорит он, останавливается, чтобы взять со стойки дрип-пакет, и садится на стул рядом со мной.

– Привет, – говорю я. Его зеленые глаза блестят в свете ламп.

– Ну, рассказывай, как идут дела.

Я рассказываю ему о книжном магазине, о маминых письмах, расспрашиваю о Франции, где, по его словам, было и прекрасно, и одиноко. Редакция поселила его в квартире на Монмартре, чтобы он написал серию из восьми статей об англо-французских отношениях. Я молчу о том, что на прошлой неделе прочитала его колонку и знала, что он недавно вернулся в Лондон.

– Что делаешь вечером? – внезапно спрашивает он.

Я улыбаюсь.

– Ровно ничего.

– Может быть… прогуляемся под снегопадом?

– С удовольствием, – говорю я, улыбаясь еще шире.

Мы одеваемся и выходим на улицу. Близится закат, и даже несмотря на плотную воронку туч над головой, воздух окрашен в розовый, неземной оттенок.

– Я слышал, Дэниел скоро возвращается, – говорит он. – Готов поспорить, ты с нетерпением его ждешь.

Я рассеянно киваю.

– Может быть, вы продолжите с того места, на котором остановились?

Я качаю головой.

– Не думаю.

– Почему?

– Да просто так, – говорю я. – То есть он отличный парень, но у нас как-то…

– Не сложилось, – говорим мы хором.

Я со смехом киваю.

– Думаю, в этом и есть прелесть взросления. Мы учимся прислушиваться к своей интуиции.

Он усмехается.

– Жаль, что я не слушал ее много лет назад.

– Я тоже.

Мы идем в дружеском молчании, каждые несколько мгновений оглядываясь друг на друга, словно ожидая, что другой заговорит. Наконец это делает Эрик.

– Ты когда-нибудь была в «Принцессе Фэншань»?

Я качаю головой.

– Это китайский плавучий ресторан на трехпалубном корабле-пагоде, – объясняет он. – Нигде в Лондоне нет ничего подобного.

– Плавучая пагода и принцесса? – переспрашиваю я. – Сочетание, перед которым невозможно устоять.

– Нужно идти по Принс-Альберт-роуд до Камберлендского бассейна в Риджентс-парке. Отсюда можно дойти пешком. Поужинаем?

Я одариваю его застенчивой улыбкой.

– Ты приглашаешь меня на свидание?

– В общем, да. Почему бы и нет? – Он усмехается. – Конечно, не Королевский автомобильный клуб, но…

– Я с удовольствием.

Пятнадцать минут спустя мы сидим в черных кожаных креслах за круглым столиком внутри плавучего ресторана. С потолка свисают праздничные красные фонарики.

Эрик заказывает дим-сам, официант рекомендует нам утку и подходящее к ней вино. Я киваю в знак согласия. С нашего места мы видим несколько маленьких лодок, проплывающих по каналу. На

улице быстро темнеет и холодает, но фонарики как будто согревают воздух теплым сиянием.

– Ты уверена, что Дэниел не убьет меня за то, что я пригласил его девушку? – спрашивает Эрик, и я понимаю, что его старый друг – тема, которой нам не обойти.

– Во-первых, я не его девушка, а во-вторых, точно не убьет. Уверяю тебя, каждый из нас пошел своим путем.

Он кивает, все еще размышляя.

– Как вы вообще познакомились? Не могу себе представить, чтобы он заявился в магазин купить книжку. То есть он, конечно, отличный парень, но не…

– Любитель чтения, – заканчиваю я его фразу. – И отчасти в этом все дело. Я лезу в сумку и протягиваю ему свой драгоценный экземпляр «Последней зимы», после чего рассказываю всю историю.

Он смотрит на книгу, потом снова на меня.

– Ничего не понимаю.

– На самом деле это история обо мне и моей маме, – говорю я и объясняю, как нам обеим нравился роман и как я нашла именно эту книгу с пометками на полях.

Я показываю ему внутреннюю сторону обложки, где написано имя Дэниела.

– Я просто должна была найти его, и нашла. – Я вздыхаю. – Но, увы, хотя это была его книга, пометки делал не он – и не сразу признался мне в этом. – Мои щеки горят, и мне внезапно начинает казаться, что я говорю слишком быстро или слишком много. – Я говорю не слишком бессвязно?

Эрик спокойно перелистывает страницы.

– Ты говоришь совершенно разумно. – Его лицо вдруг становится серьезным, как будто он собирается в чем-то сознаться. – Валентина, эта книга… она принадлежала… мне.

Я округляю глаза, качаю головой и смеюсь.

– Очень смешно, но, боюсь, я не настолько легковерна.

– Кроме шуток, – продолжает он с серьезным, сосредоточенным лицом. – Не помню, как там оказалось имя Дэниела – может быть, он взял книгу у меня, а может, купил в студенческой букинистической лавке. Это было очень давно. В любом случае можешь не сомневаться: и книга, и пометки внутри определенно мои.

У меня отвисает челюсть.

– Ты серьезно?

– Абсолютно, – кивает он.

– Значит, это все время был ты.

Он снова кивает.

Нам приносят вино и дим-сам, и официант наполняет наши бокалы.

– Скажи мне, – добавляет он. – По десятибалльной шкале, насколько ужасны самовыражения моей двадцатиоднолетней персоны?

Я долго молчу.

– Они… прекрасны, – говорю я. – Все, что ты написал… это просто поразительно.

Наш разговор продолжается за ужином, и Эрик, оплатив счет, предлагает проводить меня домой. Я беру его под руку, естественно, будто вставляю ключ в замок.

– Вот оно, – говорит он, когда мы шагаем вместе по Принс-Альберт-роуд, и смотрит на небо. – Чувствуешь?

– Что я должна чувствовать?

Он касается своей щеки.

– Снег пошел!

– Погоди-ка, – говорю я, поднимая на него взгляд. – Тебе что, нравится снег?

– Нравится ли мне снег? Что за вопрос? Конечно, нравится. Разве бывает по-другому?

– Нет, – говорю я, расплываясь в такой широкой улыбке, что щеки начинают болеть. – Конечно, не бывает. – Моя рука скользит по его рукаву, пока не касается ладони. Наши пальцы сплетаются, и это тоже кажется естественным, как будто мы уже делали это тысячу раз.

– Как же я счастлива, – шепчу я, глядя на него снизу вверх, – что это был ты.

Глава 36

Элоиза

Месяц спустя

Милли занималась покупателями, когда зазвонил телефон.

– «Книжный сад», чем могу вам помочь?

– Алло, это доктор Хестер. Я звоню по поводу Элоизы Бейкер.

– Элоиза слушает.

Он прокашлялся.

– Я надеялся поговорить с вами лично, но вы пропустили повторный визит. Мы получили результаты ваших анализов, и я просмотрел ультразвуковые снимки, проконсультировался с рентгенологом, и… Элоиза, это тяжелое известие, но мы кое-что у вас нашли.

– Нашли? Что вы имеете в виду?

– С вами рядом кто-нибудь есть?

– Да, Милли здесь, – сказала я, садясь на табурет за прилавком. – А в чем дело?

– В том, что я не хочу, чтобы вы оставались одна после того, что я собираюсь сказать.

Мое сердце забилось быстрее.

– Элоиза, у вас рак яичников, и боюсь, сильно запущенный.

При виде Милли, которая весело улыбалась на другом конце комнаты, разговаривая с покупателем рядом с отделом новых поступлений, мое сердце упало. Я пожалела, что пошла к доктору Хестеру. Нужно было позволить процессам в моем организме идти своим чередом. Я не хотела знать, что происходит у меня внутри.

– У вас есть варианты, – продолжал врач, – и мы немедленно свяжем вас с онкологом, но я боюсь, что побочные эффекты лечения будут высокой ценой за очень небольшое дополнительное время.

Я с трудом сглотнула тяжелый комок в горле.

– Я знаю, что с этим очень тяжело смириться, и хочу, чтобы вы знали, что я к вашим услугам. Мы составим план, который вам подойдет, который будет самым действенным. – Он замолчал. – У вас, должно быть, есть вопросы ко мне. Пожалуйста, что вам разъяснить?

– Сколько? – прошептала я. – Я хочу знать, сколько мне осталось.

– Не могу сказать наверняка, – ответил он. – Несколько месяцев или… может быть, несколько недель. Мне так жаль.

Я решила ничего не говорить Милли и держать эту новость в секрете как можно дольше. Но бремя было слишком тяжелым, и дождливым утром в четверг я рассказала лучшей подруге, что умираю.

Она долго обнимала меня, и мы плакали в объятиях друг друга, но после этого она пообещала мне, что слез больше не будет.

– Горе – совсем не то, что тебе нужно, – сказала она. – Мы найдем причины праздновать каждый день.

Она недавно ушла из адвокатской конторы, и теперь могла уделять магазину больше времени. Мы договорились держать мое состояние в секрете; не было смысла расстраивать наших давних клиентов. Я не могла позволить роковому диагнозу изменить непреложный факт: «Книжный сад» – обитель радости. Там меня и нашел Эдвард.

Однажды утром он зашел в магазин, и у меня перехватило дыхание.

– У вас есть какие-нибудь книги о вечности? – спросил он. – Примерно столько я тебя ждал.

По магазину бродили покупатели, так что я делала все, что могла, чтобы оставаться спокойной и собранной, хотя мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди прямо в руки Эдварда. Подыгрывая ему, я собрала подходящие книги и сложила на прилавок. Его присутствие вдохнуло в меня новую жизнь.

– «Исповедь» Августина Блаженного. «Бойня номер пять». «Невыносимая легкость бытия», – говорила я, показывая ему подборку.

Когда я вкладывала каждую книгу ему в руки, наши пальцы слегка соприкасались.

– Как ты… нашел меня? – спросила я, заглядывая ему в глаза.

– А как я мог не найти? – был его единственный ответ.

– Спасибо тебе за цветы.

Он улыбнулся, купил все книги, которые я выбрала, и спросил, может ли он пригласить меня на ужин.

Так мы продолжили разговор, который так внезапно прервался много лет назад.

Но если мое сердце оставалось таким же сильным, как всегда, тело мне изменяло. Коктейль из лекарств, выписанный доктором Хестером,

помогал справляться с болью. Этого было достаточно, чтобы скрыть мою болезнь от посетителей и, как я надеялась, от Эдварда. Мы только что воссоединились, и я не хотела, чтобы мой диагноз испортил наше счастье. Я надеялась держать правду в секрете как можно дольше, но, как оказалось, у меня не было выбора.

Однажды вечером мы должны были встретиться за ужином в кафе «Флора», и я двинулась по знакомому пути. Нужно было пройти всего три квартала от магазина, но произошло нечто странное: ноги как будто отказали. Добравшись до кафе, где Эдвард ждал под навесом, я едва дышала. Подходя, чтобы взять его за руку, я почувствовала слабость, и мои колени подкосились.

– Элоиза! – крикнул он, подхватывая меня и не давая упасть.

– Если человек недотепа, то это надолго, – сказала я, улыбаясь ему.

Но Эдвард не улыбался. Его глаза были полны беспокойства.

– Когда ты собиралась мне сказать?

Я долго молчала с глазами, полными слез, и наконец рассказала ему о диагнозе. Все эти недели он казался нереальным – как в романе с трагическим концом, который я читала когда-то давным-давно, а потом засунула на дальнюю полку. Я не хотела перечитывать его и снова думать о мрачной судьбе персонажей. Но вымысел стал реальностью, и теперь Эдвард стоял рядом со мной с сокрушенным видом.

– Дорогая, – прошептал он, заключая меня в объятия. – Сколько у тебя времени?

– Не так много, – сказала я, прижавшись лбом к его лбу.

Он крепко зажмурил глаза и снова открыл их, как будто обрел уверенность.

– Тогда мы будем использовать каждое мгновение по максимуму. – Он осторожно поднял меня на руки и внес в дверь кафе «Флора». – И начнем прямо сейчас.

Так мы и делали. Эдвард водил меня в парк на пикники, утверждая, что свежий воздух пойдет мне на пользу. В театре он носил меня на руках вверх по лестницам и заказывал самые удобные кабинки в лучших ресторанах Лондона. Он как будто официально ухаживал за мной, как я мечтала еще в 1968 году. И когда мое здоровье совсем ухудшилось, Эдвард все время оставался рядом: он бодрствовал на диване, чтобы всегда быть под рукой, чтобы приготовить мне чашку чая или включить мне серию «Острова Гиллигана» по телевизору.

Когда я наконец сообщила эту новость Милли, она была в таком же отчаянии. Я отклонила ее предложения о помощи, чтобы она направила все свои силы на магазин, где заняла мое место. Я сказала ей, что у меня есть круглосуточная сиделка, и сказала правду: со мной был человек, который меня любил.

Как и всегда в присутствии Эдварда, время текло быстро, но мне хотелось замедлить его ход. Я хотела наслаждаться каждой секундой. Мы говорили обо всем на свете, особенно о прошлом. Я напомнила ему его слова в тот вечер, когда мы впервые встретились в Королевском автомобильном клубе.

«Природа, Бог, называйте как хотите – это больше, чем мы. Больше и могущественнее всего, что мы можем сделать или о чем можем мечтать».

Я тогда ответила: «Значит, по-вашему, все, что случается, случается не потому, что мы так захотели, а потому, что это было частью плана?»

«Да, или по-настоящему хорошего романа», – сказал он.

Однажды вечером, когда солнце начало клониться к горизонту, Эдвард погладил мои растрепанные волосы.

– Ты не можешь отрицать, что наши жизни, порознь и вместе, были прекрасны, пусть странным образом и вопреки всему.

Я посмотрела ему в глаза, выражая согласие.

– Милли помогла мне составить завещание, – сказала я ему.

Он отвернулся, не желая говорить о конце, но я продолжала.

– Я оставляю все своей дочери Валентине. Обещай мне, что найдешь ее.

– Обещаю.

Я указала на бумажный пакет на прикроватном столике.

– И еще обещай мне, что, когда найдешь ее, отдашь ей это.

Он кивнул.

– Дай бог, чтобы магазин доставил ей столько же радости, сколько и мне, и чтобы «Книжный сад» дожил до следующего поколения читателей. Но она сама должна решить, что с ним делать. Единственное, что имеет значение, – это ее счастье.

Эдвард поднес к моим губам стакан, и я сделала маленький глоток через соломинку. В горле у меня пересохло, и пить было приятно.

– Пожалуйста, присмотри за ней, – продолжала я, – и за Милли тоже.

Он кивнул.

– Не волнуйся. Я буду там столько, сколько смогу, за кулисами. Они даже не узнают об этом. – Он мгновение помолчал. – Я должен тебе сказать одну вещь.

Он откашлялся, а я приготовилась слушать.

– Когда-то давно я был… владельцем этого здания. Я вознамерился его продать, и вот к моему агенту обратилась весьма интересная парочка подружек, мечтающих… открыть книжный магазин.

Я ахнула.

– Знаешь, некоторые, возможно, сочли бы это предприятие убыточным, но я думал иначе. Примроуз-Хилл был нужен книжный магазин. *Тебе* нужен был книжный магазин.

Тяжело дыша, я улыбнулась. В этом он весь. Он всегда был таким.

– О, Элоиза! – воскликнул он, слезы текли по его лицу.

– Нет, – сказала я, взяв его за руку. – Я хочу видеть твою улыбку. Хочу запомнить ее… на всю вечность.

Мои веки отяжелели, но я собрала весь скудный запас сил, чтобы держать глаза открытыми еще несколько мгновений, чтобы увидеть улыбку, которую он мне подарит.

Он сжал мою руку, мои веки затрепетали и наконец закрылись. Однако я все еще могла видеть – по крайней мере, то, что происходило на большом экране перед моим мысленным взором. Совсем другое зрелище, и кристально чистое. И мы были там вдвоем. Мы сбросили с себя оболочку возраста и болезней, и осталась только радость, самая яркая: ее излучали наши лица, когда мы бежали, держась за руки, по лугу, заросшему травой и усеянному полевыми цветами. Милли и Валентина тоже были там и махали руками. И я преисполнилась того, чего жаждала всю жизнь: покоя.

Глава 37

Валентина

Вечер перед Рождеством

Стол накрыт, и на старом мамином проигрывателе крутится пластинка Бинга Кросби. Я бросаю взгляд на кухню и радуюсь, что из духовки идет не дым, а лишь пикантный аромат розмарина и ростбифа. Я улыбаюсь про себя, вспомнив свой первый день в Лондоне и Лайзу с обугленной сковородкой в руках. Кажется, это происходило тысячу лет назад, а может быть… вчера. Пусть повариха из нее никакая, но глядя на цветочную композицию на столе, я понимаю, что она нашла свое призвание.

– Иди открывай, подруга, – говорит мне Лайза, когда раздается звонок в дверь. – А я разберусь с этой зверюгой. – Она вытаскивает из духовки огромную сковороду и плюхает на плиту, ругаясь себе под нос: – Вот ведь чертова зараза. Дьявол тебя побери. Думала убить меня, да, дрянь?

Приехали Милли и Фернандо. Она протягивает мне коробочку помадки и краснеет, когда я указываю на омелу, которую днем повесила над входом. Однако Фернандо ничуть не смущен. Он приподнимается на цыпочки и целует ее.

– У меня на зубах ничего не налипло? – нервно спрашивает Лайза, когда мгновение спустя раздается очередной звонок в дверь. Я сообщаю ей, что она выглядит сногсшибательно, и иду к двери. Мне не терпится увидеть нового кавалера Лайзы, о котором она на удивление мало рассказывает. И вот он на пороге: дружелюбного вида мужчина лет сорока с фиолетовым ирокезом.

– Меня зовут Джайлз, – представляется он, нервно хрустя костяшками пальцев на покрытой татуировками левой руке. Лайза быстро чмокает его, и я улыбаюсь.

Фернандо крепко жмет ему руку.

– Живешь здесь или работаешь поблизости?

– И то и другое, – отвечает Джайлз.

– Значит, соседи. – Фернандо улыбается. – Что там Лайза говорила о твоей работе?

– Я бухгалтер, – говорит он.

– А еще Джайлз – вокалист в группе, – добавляет она, улыбаясь мне со знанием дела. – Дорогой, расскажи всем о «Ночном резаке». – Она сияет. – Он там солист.

– О-о, ничего особенного. Просто кучка парней с приличной работой, которые любят играть рок-н-ролл по выходным.

Я наблюдаю, как он обнимает Лайзу за талию, а она смотрит на него с обожанием. Похоже, она нашла мужчину, которого искала все эти годы, и пока он, кажется, выдерживает конкуренцию с самыми блестящими литературными героями – по крайней мере, в Книге Лайзы.

Две пары смешиваются, болтают между собой, держась на почтительном расстоянии от омелы – до поры до времени. Следующим приходит Эрик с рождественской гирляндой и бутылкой вина.

– Только самое необходимое, – говорит он, целуя меня в щеку. Он снимает пальто, и я смахиваю несколько снежинок, прилипших к его свитеру. – Откупорить эту штуку?

– Давай, – говорю я с улыбкой. Подошедшая Милли берет меня за руку.

– Счастливого Рождества, милая, – говорит она.

– Счастливого Рождества.

Она ловит взгляд Фернандо через комнату и снова поворачивается ко мне.

– Ты счастлива?

– Да, – говорю я. – Очень счастлива. – Мои глаза внезапно затуманиваются. Я оглядываю маленькую квартирку, которая стала моим домом. Все на месте, кроме одного человека.

– Милли, – шепчу я. – Как жаль, что ее здесь нет.

– Милая моя, ты ошибаешься, – отвечает она, округлив глаза. – Она здесь.

Я позволяю словам Милли впитываться в мое сознание, пока они не станут правдой. И это действительно правда – просто я не сразу это поняла. Мне больше не нужно искать маму. Все это время она была здесь – в «Книжном саду» и на улицах Примроуз-Хилл; в улыбке Милли и смехе Лайзы; в глазах Эрика и между строк старой любимой книги. Но главное, все это время она была в моем сердце – а это единственное место, где мы никогда не расстанемся.

Улыбаясь про себя, я сочиняю в уме письмо, которое отправлю ей из Лондона с любовью – с великой любовью.

Благодарности

Мой муж Брэндон сделал мне предложение в Лондоне прохладным поздним декабрьским вечером 2017 года. Я понятия не имела, что он собирается поднять этот вопрос, тем более таким романтичным образом. Я была так ошеломлена, что уронила кольцо на мощеные улицы Ноттинг-Хилл (к счастью, сразу же нашла его и немедленно сказала «да»). В тот вечер я поняла две вещи: во-первых, я хочу провести остаток жизни с этим замечательным человеком, а во-вторых, свою следующую книгу напишу в Лондоне. Итак, спасибо тебе, дорогой Брэндон, за вдохновение и прежде всего за любовь ко мне.

Процесс написания книги – это катание на американских горках: озарения и находки сменяются неуверенностью в себе и усталостью, радость и удовлетворение – чувствами одиночества и пустоты. Я бесконечно благодарна невероятно компетентной и понимающей команде людей, с которыми сотрудничаю: они не только понимают это, но и точно знают, как помочь автору превратить зарождающуюся идею в книгу – ту, которую вы сейчас держите в руках. Возглавляют мой список два моих суперагента, Элизабет Уид и Дженни Мейер, которые были со мной с самого начала и остаются лучшими деловыми партнерами и друзьями, о каких только может мечтать писатель.

Я благодарна моему дорогому редактору, Шоне Саммерс из Random House, за веру в эту книгу и в меня, а также за все мудрые редакторские замечания и поддержку на этом пути. Ты видела суть этой истории, даже когда мое зрение затуманивалось, и это в тысячу раз лучше, потому благодаря тебе я начинала смотреть глубже.

Я должна поблагодарить многих: за время, потраченное на чтение, за отзывы, советы, моральную поддержку, мозговые штурмы, объятия, вино и еще миллион вещей. В этот список (в случайном порядке) входят коллеги, друзья и члены семьи: Дениз Рой, Клэр Бидвелл Смит, Д. Дж. Ким, Хайди Галл, замечательная команда Random House/Ballantine, Лорен Вогт, Камилла Ноэ Пэган, мои издатели и читатели по всему миру, мои замечательные сыновья Карсон, Рассел и Колби, мои «бонусные» дети Джосайя, Эви и Петра, а также мои

сестра и братья. И спасибо, мама и папа, за то, что вы мои поклонники номер один. Я люблю вас.

Примечания

1

Попутчица Валентины цитирует письмо автора «Сказок о Нарнии» английского писателя К. С. Льюиса его знакомой Мэри Шелбурн (*Здесь и далее прим. перев.*).

2

Деятельность социальной сети Инстаграм запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (*Здесь и далее*).

3

«Книги от Вэл».

4

Синдром смены часового пояса.

5

Нью-йоркский женский танцевальный коллектив, основанный в 1925 году в Сент-Луисе (штат Миссури, США).

6

Рассел Райт (1904–1976) – американский промышленный дизайнер. Его линия столовой посуды «Американский модернизм» пользовалась большой популярностью начиная с 1939 г.

7

Известный американский бренд бижутерии.

8

Английская писательница и художница, известная в первую очередь своими сказками о животных.

9

Джулия Чайлд – американский шеф-повар французской кухни, соавтор книги «Осваиваем искусство французской кухни», телеведущая.

10

«Дженга» – настольная игра, где нужно вынимать блоки из нижних рядов башни и перекладывать наверх так, чтобы башня не упала.

11

Роман английской писательницы Дафны Дюморье, когда-то очень популярный.

12

Серия романов «для девочек» американской писательницы Энн Мартин.

13

Приключенческий роман «За светлым морем» американской писательницы Лорин Уолк.

14

Герой романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

15

Известная американская комическая актриса и телеведущая.

16

Люси Мод Монтгомери (1874–1942) – канадская писательница, автор серии книг о рыжеволосой девочке-сироте Анне Ширли; «Аня из Зеленых Мезонинов» – первый роман серии.

17

Строчка из популярного английского народного стишка, часто использующегося в валентинках.

18

Отсылка к тому же фольклорному стишку.

19

Международная компания почтовых и курьерских услуг.

20

Кролик Питер – персонаж сказок Беатрикс Поттер

21

Стихотворение М. У. Браун здесь и далее цитируется в переводе М. Бородицкой.

22

Дебютный роман американской писательницы Одри Ниффенеггер; издан в 2003 году, экранизирован в 2009-м.

23

Популярный в США стиль загородного строительства.

24

Классический мартини, приготовленный с добавлением оливкового сока.

25

«*Лондонский глаз*» – колесо обозрения в Лондоне, крупнейшее в Европе и одно из крупнейших в мире. Открыто в марте 2000 года.

26

Современные лондонские высотные здания.

27

Арт Тейтум (1909–1956) – американский джазовый пианист-виртуоз и композитор. Далее речь идет о фортепьянной аранжировке песни из мюзикла «Нет, нет, Нанетт» (1924).

28

Перевод Е. Бекетовой.

29

Детская книга американской писательницы и художницы Вирджинии Ли Бертон (1909–1968).